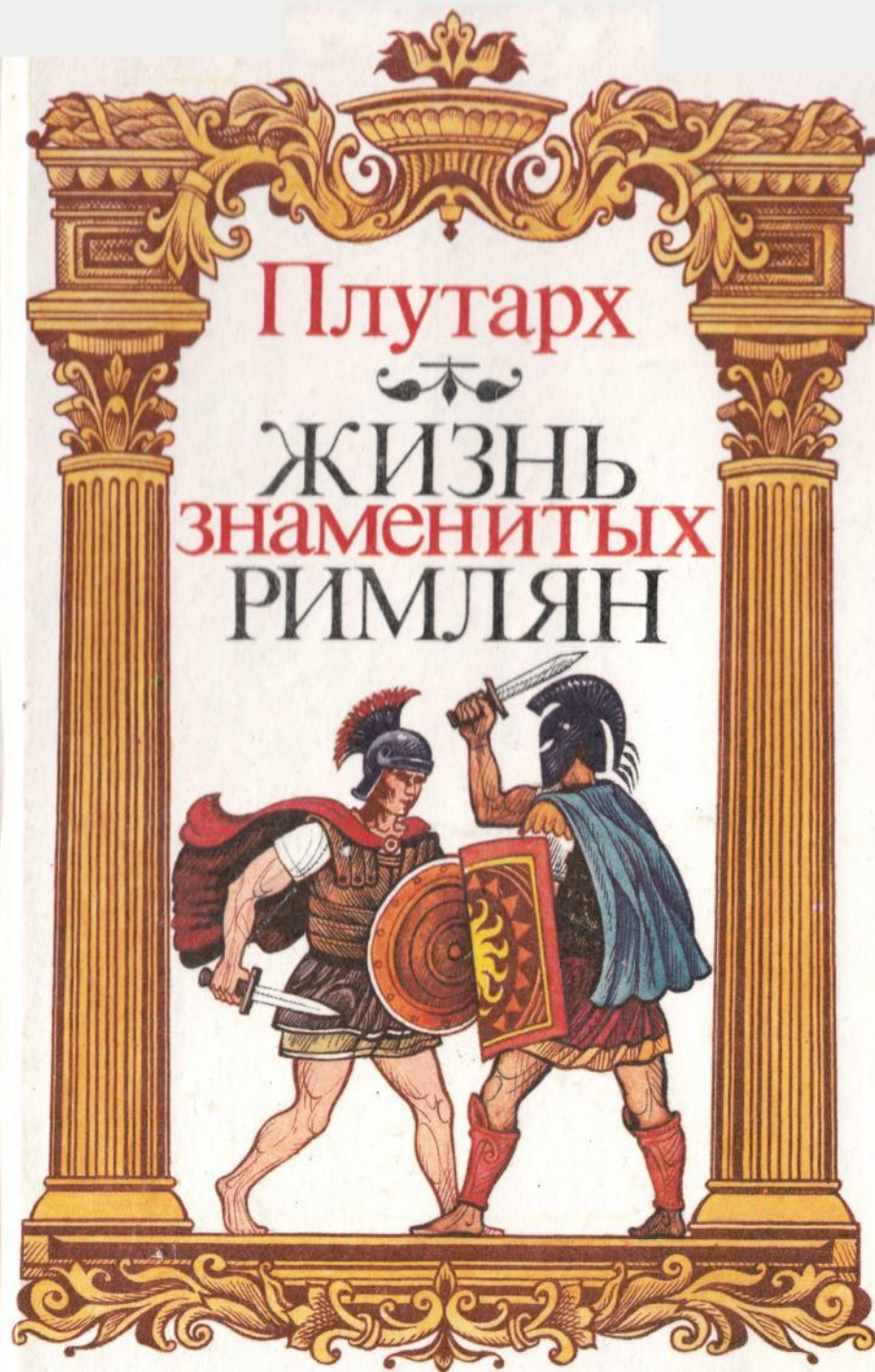

Плутарх

Плутарх

ЖИЗНЬ

знаменитых

РИМЛЯН

Краснодар
"Советская Кубань"
1994

П 40
УДК 937
ББК 63.3 (0)3

*Книга печатается по
антикварному изданию,
Санкт-Петербург, 1872 г.*

П40

Плутарх

**Жизнь знаменитых римлян. — Краснодар:
"Советская Кубань", 1994. — 400 с.**

Книга знакомит нас с жизнью властителей древнего Рима. Их деяния — добрые и злые, их интриги и заговоры, их личные качества вынесены на суд современного читателя.

УДК 937
ББК 63.3(0)3

ISBN 5-7221-0016-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтение Плутарха будит в детях хорошие побуждения. Дети судят о деяниях, сочувствуют тому или другому из действующих лиц, интересуются их судьбою и, что всего важнее, учатся ценить не одно внешнее величие, но действительно великое и справедливое. Жизнеописания Плутарха порождают в детях потребность деятельности, соединенную с уважением к нравственным началам, отличающим истинного человека и гражданина.

Приспосабливая эти биографии для детского чтения и сокращая их, мы сократили описания военных событий и тем придали каждой биографии более нравственное значение, в то же время стараясь верно изобразить характеры и нравы.

© "Советская Кубань".
Оформление, 1994

РИМСКИЕ МЕРЫ

РИМСКИЕ МОНЕТЫ

Для оценки встречающихся в рассказе сумм, выраженных римскими монетами, представляем здесь несколько пояснений.

Монетною единицею, т.е. монетою, которою римляне измеряли ценность предметов, служил им медный асе. Монета эта весила первоначально один фунт (*as libralis*), но впоследствии была значительно уменьшена и тогда стоила на наши деньги немногим более $1\frac{1}{4}$ коп. сер. Самою мелкою римскою монетою был *quadrans*, составлявший четверть асса и стоивший, следовательно, около 1 коп. серебром.

Главными серебряными монетами были: сестерция, или нумий, и денарий. Название последнего (*denarius*, десять ассов) указывает его первоначальную цену. Позднее, когда вес асса был уменьшен, денарий равнялся уже не десяти, а шестнадцати ассам, соответствуя нашим 20 коп. сер. Сестерция составляла четверть денария, равняясь, следовательно, нашему пятаку,

Единственною золотою монетою римлян, притом мало употреблявшеюся, был *aureus*, который равнялся 25 денариям, или 100 сестерциям, и стоил на наши деньги 5 руб. сер.

Для выражения крупных сумм тысячу сестерций соединяли в счетную единицу, называвшуюся *sestertium*, большою сестерцией. *Mile sestertia*, или *decies*, означало миллион сестерций. Употреблялись также греческий талант и драхма: талант равнялся 1390 рублям, драхма, иначе цент, — 6 коп.

МЕРЫ ВЕСА

Гран (*siliqua*) весил около 4 русских долей.

Скрупул — шесть гранов, 24 доли, или $\frac{1}{4}$ золотника.

Унция — 24 скрупула, или 2 лота.

Фунт (*libra, as*) — 12 унций, или $\frac{3}{4}$ фунта.

МЕРЫ ВМЕСТИМОСТИ

Для измерения тел жидких употреблялись:

Эмина, двенадцатая часть конгия,

содержавшая немногим более..... $\frac{1}{4}$ кружки.

Конгий $3\frac{1}{4}$ кружки.

Урна, или 4 конгия ведро и 3 кружки

Амфора, или 2 урны 2 ведра и 6 кружек.

Первые две меры служили и для тел сыпучих. Наибольшею мерою таких тел служил модий, приблизительно получетверик.

ОБЫКНОВЕННЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ

Дюйм — шестнадцатая часть фута.

Пальма — $\frac{1}{4}$ фута.

Фут.

Локоть — $1\frac{1}{2}$ фута.

Для дорог употреблялись меры:

Шаг — пять футов.

Миля — тысяча шагов.

Поля измерялись югерами, в 750 кв. сажень.

РИМСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

После перемены календаря Юлием Цезарем римский год соответствовал движению Земли около Солнца. Он продолжался, подобно нашему году, 12 месяцев, или 365 дней. Но хотя число дней каждого месяца и было определено, однако счет их был иной: дни месяца разделялись на календы, ноны и иды.

Римляне называли календами первый день каждого месяца. В месяцах марте, мае, июле и октябре седьмое

число каждого называлось нонами, а пятнадцатое идами; в остальные же месяцы ноны падали на 5, иды на 13 день; следовательно, от календ до нон проходило то шесть дней, то четыре, а от нон до ид всегда было 8 дней.

Дни от календ до нон считались от нон месяца назад. Возьмем, для примера, февраль, в который ноны приходились на 5-й день; второй, третий и четвертый дни назывались четвертым, третьим и вторым днями до нон. Следующие дни, между нонами и идами, считались таким же образом от ид: так 6 февраля называлось восьмым днем до ид. Наконец, дни от ид до конца месяца считались от календ следующего месяца. На другой день после ид февраля, 14-го числа, начинались дни календ марта, и так как после 13-го февраля до конца месяца остается 15 дней, а вместе с календами марта 16, то остальные дни февраля назывались 16-м, 15, 14 и т. д. днями календ марта. Если мы вздумаем, например, рассчитать, какое наше число соответствует 6-му дню календ марта, годовщине изгнания Тарквиния, то следует сообразить, что иды февраля приходились на 13-е число, что 14-е называлось шестнадцатым днем календ марта и что, следовательно, 6-й день этих календ, наступавший десятью днями позже, соответствует нашему 24-му февраля.

РОМУЛ

(Около 753 г. до Р. Х.)

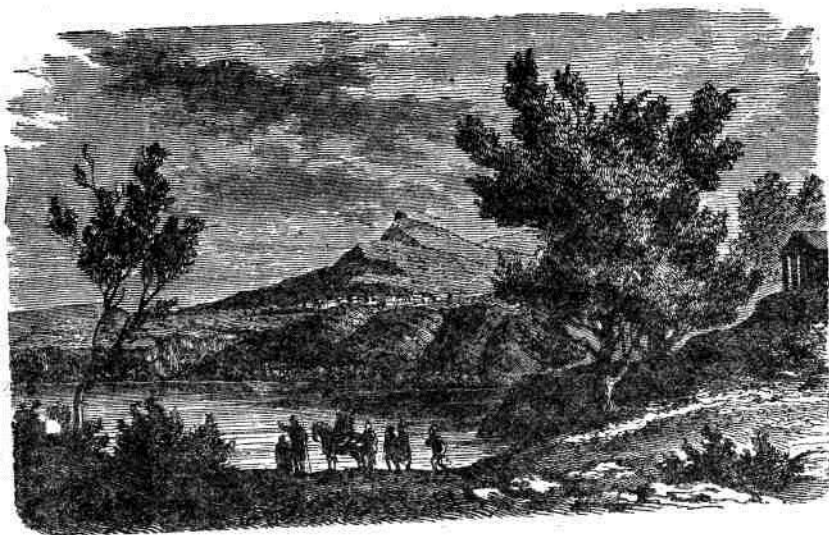
(Главным событием в истории Ромула следует признать основание Рима, а потому мы обойдем другие подробности этой баснословной жизни, похищение сабинянок, войны и исчезновение Ромула, и приведем лишь сказание о главном происшествии.)

От чего произошло известное всем народам славное имя "Рим"? Почему этим именем назвали город? Относительно этого вопроса историки расходятся во мнениях. Наиболее вероятно, что Ромул назвал город своим именем, и по этому поводу предание рассказывает следующее: Наследие царей Альбы Лонги*, потомков Энея, досталось двум братьям, Нумитору и Амулию.

* На северном берегу Альбанского озера.

Прим. переводчика.

Амулий разделил это наследство на две части, полагая в одну долю царство, в другую деньги и золото, привезенные из Трои. Нумитор выбрал царство. Амулий, владея сокровищами и став с помощью их могущественнее брата, легко лишил его царства. Опасаясь, что дочь Нумитора будет иметь детей, он сделал ее жрицей богини Весты и таким образом навсегда принудил к безбрачию. Одни сказания называют ее Реей, другие — Сильвией. Она не исполнила вынужденного у нее обета и потому подлежала смертной казни, но

Альба-Лонга,

была спасена дочерью царя, вымолившей у отца прощение несчастной. Однако она была заключена и подвержена полному уединению. В тюрьме она родила двух близнецов, сильных и красивых. Амулий, озабоченный более прежнего, при-

казывает одному из своих слуг взять мальчиков и бросить их в воду. Слуга берет детей, кладет их в колыбель и несет к реке с намерением исполнить приказание; но, увидев, что река на прибыли и очень быстра, он не решается подойти к ней, а ставит детей на берегу и удаляется. Река, разлившись, тихо поднимает колыбель и сносит ее на ровное и мягкое место. Тут дети были вскормлены волчицею, которой в сохранении их помогал дятел. Эти животные считались посвященными богу Марсу*, отчего и произошло поверье, что Ромул и Рем рождены от этого бога.

Фаустул, свинопас Амулия, воспитал двух мальчиков втайне от всех. С детства Ромул и Рем отличались красотой тела и лица. С возрастом оба они становились всё более отважными, встречая опасности с непреодолимою решительностью. Но, по видимому, Ромул превосходил брата умом и изворотливостью, и в их отношениях с соседями по поводу пастбы и охоты можно было заметить, что он способнее повелевать, чем повиноваться. Оба брата были любимы как равными им, так и подчиненными. Царских же управляющих и пастухов, не превосходивших мальчиков отвагою, они презирали, не обращая внимания ни на их гнев, ни на их угрозы. Они любили телесные упражнения и волю, ценя в свободе не праздность, а охоту, бег, бои с разбойниками, уничтожение воров и защиту угнетенных от насилия. Все это доставило им громкую славу.

Однажды, вследствие ссоры, пастухи Нумито-

* У римлян бог войны. *Переводч.*

ра и Амулия отбивали друг у друга стада. Раздосадованные, Ромул и Рем пускаются в погоню за пастухами Нумитора, разгоняют их и отнимают захваченную добычу. Нумитор рарсердился; но Ромул и Рем не обращают на это внимание, собирают ватагу нищих и рабов и внушают им дух дерзкого неповиновения. В то время, когда Ромул, любивший религиозные обряды и занимавшийся пророчеством, был отвлечен жертвоприношением, пастухи Нумитора встретили Рема с небольшою толпою и напали на них. С обеих сторон были избитые и раненые; но пастухи Нумитора одержали верх, захватили Рема, привели его к Нумитору и стали жаловаться. Нумитор поражен наружностью молодого человека, лицо которого выражает отвагу и стойкость независимой души, бесстрашной перед наступающим. Он не наказывает Рема, а руководимый, вероятно, каким-либо божеством, располагающим великими событиями и приводящим к открытию истины путем предчувствия и счастливого случая, спрашивает у юноши, кто он, какого происхождения, и при этом смягчает свой голос и придает взгляду выражение кротости, могущее внушить надежду. Рем смело отвечал: "Не скрою от тебя ничего, тем более, что у тебя вид более царственный, чем у Амулия. Прежде чем наказывать, ты выслушиваешь и судишь; он же наказывает не слушая. Мы близнецы и до сих пор считали себя сыновьями Фаустула и Ларенции, слуг короля. Но говорят, что наше рождение было тайной и что мы вскормлены чудесным образом: что нас вскормили животные, которым мы были брошены на съедение, волчица своими сосцами, дятел своим

клювом, когда мы лежали в колыбели на берегу большой реки. Еще хранят эту колыбель с медными обручами, на которых заметна полустертая надпись". Нумитор лелеет предположения, вызванные в нем этим рассказом в связи с возрастом Рема и временем, прошедшим с печального события, и, не подавляя в себе лстливой надежды, решается втайне переговорить с дочерью, все еще содержимою в строгом заключении.

Между тем Фаустул, узнав о захвате Рема, убеждает Ромула идти на помощь брату и при этом случае открывает Ромулу тайну их рождения. Он берет колыбель, спешит снести ее к Нумитору, но обращает на себя внимание стоявшей у дверей и заподозрившей его царской стражи, путается в ответах и дает заметить колыбель, которую прятал под хламидой, Случайно, между стражей был один из слуг, которым Амулий, поручил некогда убить детей и которые присутствовали при оставлении их, на берегу. Едва этот человек увидел колыбель, как узнал ее по форме и надписи и стал догадываться об истине. Не теряя ни мгновения, он идет к царю рассказать случай, и надоумить его исследовать дело. Но Амулий впадает в ошибку, обыкновенную в поведении людей, смущенных боязнью или гневом. Он поспешно посылает к Нумитору одного из своих приближенных, человека честного и друга Нумитора, узнать, не дошли ли до последнего какие-либо слухи о том, что его внуки остались в живых. Человек этот является к Нумитору и, видя Рема едва не в объятиях деда, подтверждает их надежду, убеждает их воспользоваться случаем и сам присоединяется к ним,

готовый помочь и вооружённою рукою. Да если б они и хотели отложить дело, то это было невозможно. Ромул уже приближался в сопровождении множества людей, побуждаемых ненавистью к Амулию. Толпа эта разделялась на сотни, Между тем как Ромул подходил извне, Рем привлек на свою сторону окружающих, И тиран, не нашедшись, что предпринять для своего спасения, был схвачен и убит.

После смерти Амулия и восстановления порядка, братья не хотят ни оставаться в Альбе, не царствуя, ни царствовать при жизни деда. Они передают ему верховную власть, воздают матери должные ей почести и решаются, чтобы жить особо, построить город на том месте, где были вскормлены.

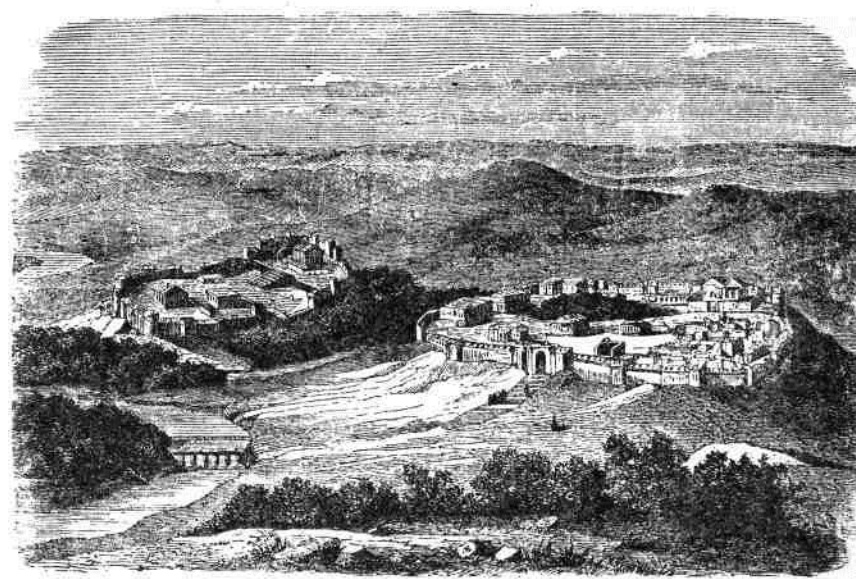
Уже при закладке города между братьями возник спор. Ромул предпочел местность, называемую квадратным Римом, и желал построить город именно на этом месте; Рем же выбрал укрепленное место на Авентинской горе. Наконец братья согласились предоставить решение спора вещим птицам. И когда они, ожидая появления птиц, стали по местам, Рему явилось шесть коршунов, а Ромулу вдвое более.

Рем сильно рассердился, и когда Ромул стал копать ров, который должен был окружать стены города, брат его смеялся над работой и мешал ей. Наконец он вздумал перескочить через ров. Ромул, а по другим сказаниям друг его Целер, ударил Рема и убил его на месте.

Похоронив брата, Ромул основал город по указаниям людей, призванных им из Тиррении*.

* В Италии. *Переводч.*

Они же научили его некоторым обрядам при закладке города, как бы для совершения таинства. Был вырыт ров вокруг места, составляющего ныне комицию, и в него были брошены первинки всех вещей, необходимых для жизни. Затем каждый из первых жителей должен был принести горсть земли со своей родины, и земля эта была брошена в ров и смешана с тамошней почвой.

Рим при царях,

Ров этот называется "Mundus", что значит "мир". Вокруг этой точки, как вокруг центра, провели городскую пограничную черту. Основатель приделал медный сошник к сохе, впряг в нее быка

и корову и сам привел по этой черте глубокую бороздку. За ним шли люди, на обязанности которых лежало бросать внутрь черты все комки земли, поднятые сохою, и наблюдать за тем, чтобы ни один ком не остался за чертою. Проведенная черта обозначала внешнюю сторону стены и ее называли "romoerium", т.е. находящееся вне стены. На месте, где должны были быть ворота, выдергивали сошник из земли и, приподняв соху, прерывали борозду.

Построив город, Ромул разделил всех годных для службы мужчин на несколько отрядов войска, названных им легионами. Каждый отряд состоял из трех тысяч пеших и трехсот конных. Остальная масса получила название народа. Ромул выбрал из нее сто значительнейших людей для составления совета: он назвал их патрициями, а весь совет сенатом, т.е. советом старцев. Он установил еще одно различие между знатью и народом, назвав знатных патронами, т.е. покровителями, а остальных клиентами, т.е. сторонниками. Он ввел между ними удивительное взаимное уважение, основанное на важных услугах. Патроны толковали законы, присутствовали в судах, давали советы, заведывали всеми делами. Клиенты не только уважали своих покровителей, но платили долги бедных патронов и снабжали их дочерей приданым. Ни закон, ни должностное лицо не могли заставить патрона свидетельствовать против клиента, равно как и клиента против патрона.

Позже предметом различных мер было положение женщин. Мирным договором между римлянами и сабинянами было установлено, что женщины не могут быть принуждаемы к иным

работам, кроме прядения шерсти. В награду за преданность сабинянок, Ромул установил еще некоторые почести для женщин: "Им следует уступать дорогу; в их присутствии не должно произносить неприличных слов; никто не имеет права призвать женщину пред суд, ведающий убийства; их дети будут носить одежды, окаймленные пурпуром, и буллу", шейное украшение, названное так потому, что формой оно было похоже на каплю воды*. Но те же законы Ромула, которые предписывали почтение к женщине, установили унижение ее в семье. Например, муж мог отринуть жену, найдя у нее поддельные ключи от дому, иметь которые признавалось преступлением.

Плутарх выставляет одну странность этих древних законов: "Замечательно, — говорит он, — что Ромул, не установивший никакого наказания за отцеубийство, называет отцеубийством умерщвление всякого человека, вероятно, потому, что последнее преступление ужасно, а первое невозможно. И действительно, до войны с Аннибалом, т.е. в течение почти шестисот лет, в Риме это преступление не было совершаемо".

* Буллою назывался круглый футляр; у детей патрициев и граждан он был золотой, у детей вольноотпущенников — кожаный. *Переводч.*

НУМА

(Около 713 г. до Р. Х.)

Нума был родом из Кур, известного сабинского города, по имени которого римляне составили название кви-

Нума Помпилий.

ритов*. Одаренный от природы счастливыми способностями, он усовершенствовал их учением, терпением и размышлением. Он подавил в себе не только страсти постыдные, но и уважаемую варварами любовь к насилию и богатству, будучи убежден, что истинное величие души состоит в умении подчинять свои желания разуму. Сооб-

* Название это обозначало сначала сабинян, а впоследствии римских граждан, в противоположность воинам. *Переводч.*

разно этому взгляду он изгнал из своего дома блеск и роскошь, был для сограждан и иностранцев судьей неподкупным, посвящал свои досуги не заботам о своем благосостоянии и богатстве, но почитанию богов и разумному созерцанию их природы и могущества, и приобрел этим общее уважение и славу, так что Таций, соправитель Ромула, отдал ему в замужество свою единственную дочь Тацию. Нума не чванился этим родством и не переселился к тестю, а продолжал жить в Курах, ухаживая за своим престарелым отцом; да и Тация предпочла скромную жизнь у мужа и соединенный с нею покой почестям и славе в доме родительском, в Риме.

Тация умерла после двух лет супружества. Тогда Нума, покинув город и живя обыкновенно в деревне, наслаждался прогулками и уединением в священных рощах и лугах и в пустынных местах. Отсюда, вероятно, и возникли слухи о его супружестве с богиней: говорили, что Нуму заставляли искать уединения не скорбь, не смущение души, а что он вкушал прелесть общества более высокого, что, будучи мужем нимфы Эгерии, он был счастлив и познал божественные дела. Не нелепо предположить, что, вынужденный управлять дикою толпою, непривычною к повиновению, Нума, подобно многим другим знаменитым лицам, считал необходимым освятить свои великие политические преобразования повелением богов, представлением, спасительным для тех, кого оно обманывало.

Как бы то ни было, Нуме шел уже сороковой год, когда к нему явились выборные из Рима с просьбою принять царскую власть. Первая речь

Их была коротка; они не сомневались в том, что Нума почтет за счастье принять предложение. Но понадобилось много доводов и просьб, чтобы разубедить и склонить человека, жившего в покое и мире, и поставить его правителем города, обязанного своим существованием и развитием, можно сказать, войне.

Облеченный властью, Нума начал свое правление тем, что распустил трехсотенный: отряд телохранителей Ромула. Он не хотел ни казаться недоверчивым к доверявшим ему, ни властвовать над опасавшимися его. Затем к двум жрецам Юпитера и Марса он прибавил третьего, жреца Ромула, назвав последнего Фламинием Квирином.

После этих преобразований, способных расположить к нему народ, Нума принялся за город, с намерением внушить ему вместо суровой страсти к войне, мягкость нравов и справедливость. Рим, созданный стекшимися отовсюду людьми, до крайности смелыми и воинственными, питаемый постоянными войнами, увеличившими его могущество, город этот, подобно кольям, укрепляющимся по мере того, как их вбивают в землю, черпал в опасностях, по-видимому, новую силу. И потому Нума, убежденный в трудности управлять народом столь надменным и смягчить его к миру, прибегает к помощи богов, устраивает торжественные жертвоприношения и пляски, руководимые им самим, и, примешивая к величию удовольствия, побеждает эти свирепые сердца, всецело преданные страсти к боям. Иной раз он внушает своим подданным страх пред божеством, рассказывая им об ужасных видениях и о

страшных голосах, и кончает порабощением мыслей народа и подчинением его суеверию.

Большую часть провозглашаемых откровений Нума приписывал музам. Он же вменил в обязанность римлянам торжественное поклонение одной из них, которую назвал Тацитой, т. е. молчаливой или немой, что может указывать на уважение Нумы к соблюдавшим молчание пифагорейцам*.

Еще большую связь с учением пифагорейцев обнаруживают узаконения Нумы относительно статуй богов. Пифагор думал, что высшее существо невидимо, беспорочно и чисто духовно. Нума запретил римлянам придавать богу вид человека или какого-то животного, и в течение первых ста семидесяти лет мы не встречаем у римлян никакого графического или пластического изображения божества, так как они считали возможным постигать его только мыслью. Да и жертвоприношения Нумы соответствовали учению пифагорейцев; ни одно приношение не было кроваво; для них употреблялись обыкновенно мука, напитки и тому подобные предметы.

Нуме приписывают установление жрецов, называемых понтифексами; говорят, что он был первым их начальником. В ведение жрецов входило содержание и починка мостов, а равно и соблюдение важных и народных торжеств. Нуме же приписывают учреждение весталок, поручение им поддерживать вечный огонь и сопряжен-

* Философская школа, основанная греческим мудрецом Пифагором, в которую ученики принимались только после продолжительного испытания, включавшего и совершенное молчание в течение нескольких лет. *Переводч.*

ные с этим обряды и почести. Весталки пользуются большими преимуществами. Когда они выходят, перед ними идут ликторы*, и если они

Жертвоприношения весталок (из позднейшего времени).

случайно встретят преступника, которого ведут на смертную казнь, то он освобождается, Вест-

* Публичные служители высших должностных лиц, носившие перед ними пук прутьев, разгонявшее толпу и исполнявшие уголовные наказания..

талка должна лишь поклясться, что встреча была случайна.

Весталка, нарушившая свои обеты, зарывается живою близ одних из ворот Рима. Там, в черте города, находится довольно пространный холм, В нем устроен небольшой погреб, в который можно спускаться сквозь отверстие, выходящее на поверхность земли. В погреб ставят кровать, зажженную лампу и небольшое количество жизненных припасов: хлеба, воды, горшок молока, масла, чтобы не оскорбить религии, моря голодом человека, освященного самыми святыми обрядами. Преступницу сажают в носилки, плотно закрытые и стянутые ремнями, чтобы голос весталки не мог быть слышен, и таким образом несут ее через площадь, Все встречные молча сторонятся и образуют безмолвное, печальное шествие. Нет зрелища более ужасного, нет дня, в который бы город представлял вид более печальный. Когда носилки достигают места, ликторы развязывают ремни. Верховный жрец произносит тайные молитвы, воздевает руки к богам, приступая к ужасной казни, затем берет преступницу, наглухо укутанную, из носилок, ставит ее на лестницу, ведущую в погреб, и удаляется с остальными жрецами. Когда преступница спустилась, поднимают лестницу и засыпают погреб землею, вровень с поверхностью холма.

Нума учредил еще жреческие общины салиев и фециалов. Фециалы примиряли враждующих и дозволяли прибегать к оружию лишь с утратою всякой надежды на соглашение. Они по несколько раз сами навещали врагов и старались склонить их ко взаимным уступкам. Если враждующие

стороны упорствовали, то фециалы призывали богов в свидетели и произносили страшные угрозы, моля, чтобы в случае несправедливости притязания, кара постигла виновных и их страну; затем они объявляли войну.

Вот по какому случаю Нума учредил братство

Пляска салиев.

салиев. В восьмой год его царствования свирепствовавшая в Италии заразная болезнь проникла в Рим. Народ впал в отчаяние. В это время разносится молва, что с неба свалился щит в руки Нумы, и последний велит распространить чудес-

ную весть — что щит этот есть дар нимфы Эгерий и муз, посланный для спасения города. Следует тщательно сберечь этот щит, и чтобы сделать похищение его невозможным, изготовить одиннадцать других щитов, совершенно подобных чудесному. Внезапное прекращение заразы заставило верить этому рассказу. Нума приглашает мастеров к изготовлению подобных щитов. Все мастера отказываются, за исключением Ветурия Мамурия, который изготовляет все щиты до того сходными с первым, что сам Нума не может отличить его. Хранителями этих щитов были салии, названные так по танцу вприпрыжку, с которым они, в марте месяце, носили священные щиты по городу, одетые в пурпуровые туники, снабженные широкими медными перевязями и медными касками и заставляя щиты звучать под своими коротенькими мечами.

Нума построил первый храм Вере и богу границ Терму и научил римлян, что самая великая клятва — клятва верой, — клятва, которую они продолжают употреблять и ныне. Истукан бога Терма похож на столб. Ему приносят публичные и частные жертвоприношения на границах полей; впоследствии приносили живые жертвы, но прежде жертвоприношение происходило без пролития крови. Нума, просветленный разумом, понял, что бог границ, хранитель мира и свидетель правды, не должен быть оскверняем убийством. Нума же, по всей вероятности, разграничил земли. Город вначале обладал небольшим количеством земли; но оно было увеличено победами Ромула. Нума распределил новые земли между неимущими гражданами, чтобы уничто-

жить бедность, непереносимый источник несправедливостей, обратить народ к земледелию, смягчить нравы подданных и в то же время оплодотворить почву. Он разделил землю на участки и приставил к каждому надсмотрщиков. Иногда он и сам посещал земледельцев и, судя о нравах граждан по их труду, повышал некоторых почестями, а других порицал за леность, стараясь своими упреками исправить нерадивых.

Сабиняне и римляне составляли, в одном городе два отдельных населения, и это порождало бесконечные раздоры. Нума решился разделить весь свой народ на сословия, чтобы эти новые деления изгладили более древнее. Он установил ремесленные общины флейщиков, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, кожевников, кузнецов, горшечников и т. п. В каждой общине происходили свои собрания, совещания и соответственные ремеслу религиозные обряды. С тех пор деление на народ Тация и народ Ромула исчезло и на словах, и на деле. Из деления возникло согласное смешение и слияние всех.

Нума изменил летосчисление и порядок месяцев. До него первым месяцем был март; он поставил, его третьим и заместил, его январем, который при Ромуле был одиннадцатым.

Месяц январь назван по имени Януса. Март, названный по имени бога войны, лишен Нумою первого места, вероятно, потому, что Нума во всем старался поставить воинские доблести позади добродетелей гражданских. А Янус, бог или король, был в глубокой древности другом мира и просвещения, и говорят, что он побудил людей

покончить с грубой и дикой жизнью. Вот почему его изображают двуликим, как бы сумевшим применить свое лицо и свой ум к этим двум образам жизни.

В Риме есть храм Януса с двух вратах; его называют вратами войны, из-за обычая отворять его в военное время и запирают в мирное. Запирается он редко, потому что римское государство, вследствие своего большого пространства, всегда вовлечено в борьбу и войны с окрестными дикими народами. Во все время республики храм этот был запираем лишь однажды, и то не надолго. Но в правление Нумы он ни разу не отворялся в течение сорока трех лет; до того ослабло во всех желание войны. В самом деле, не одни римляне смягчились и склонились к справедливости: из Рима как бы пахнуло благим ветром,

и окрестные города подверглись той же перемене;

во все сердца пришли любовь к порядку и миру, желание обрабатывать землю, мирно воспитывать детей и почитать богов; всюду лишь праздники и пиры; народы смешиваются, безбоязненно посещают друг друга и обмениваются гостеприимством, распространяющимся на всю Италию; мудрость Нумы служит

Янус.

как бы живым источником добра и справедливости, разливающимся по всему миру; спокойствие души Нумы охватывает все сердца, и, как говорит летописец Плутарх, Нума представляет собою образец государя по представлению мудреца Платона: мудреца на престоле.

Счастлив, конечно, человек добродетельный! Но счастливы и те, которые слышат речи из уст мудреца! Для управления народом почти никогда не нужно насилия и угроз: подданные, которым их властитель является блестящим и светлым примером, охотно следуют голосу мудрости, связываются дружбой и согласием, соблюдают справедливость и умеренность и таким образом ведут ту безупречную, счастливую жизнь, которая составляет благороднейшую цель всякого правительства. Наиболее достоин царствовать тот, кто внушает подданным такое нравственное настроение» И никто не понял этого лучше Нумы.

ВАЛЕРИЙ ПУБЛИКОЛА

(Около 509 г. до Р. Х.)

В эпоху, когда Римом правили еще цари, Валерий отличался красноречием и богатством, пользуясь первым прямо и откровенно в защиту справедливости, а богатством — на щедрую помощь нуждающимся. Уже в то время предвидели, что если правительство станет демократическим, народным, то Валерий займет в нем первое место.

Юний Брут.

По уничтожении царской власти, Валерий надеялся быть избранным в консулы* вместе с Брутом, но ошибся. Брута, вопреки его собственному желанию, избрали в товарищи, вместо Валерия, Тарквиния Коллатина, мужа Лукреции**.

* По изгнании последнего римского царя, Тарквиния Гордого, и установлении республики римляне вернули верховную власть двум консулам.

** Из-за оскорбления которой сыном Тарквиния и был изгнан его отец. *Переводч.*

Коллатин не превосходил Валерия доблестями, но влиятельнейшие лица города, опасаясь изгнанного царя, всеми средствами старавшегося склонить народ в свою пользу, хотели выбрать в консулы непримиримейшего личного врага бывшей царской семьи.

Валерий, оскорбившись тем, что его не считали способным сделать все для отечества, так как он не испытал от тиранов никакого личного оскорбления, перестает ходить в сенат, отказывается от защиты подсудимых и совершенно устраняется от общественных дел. Это порождает толки и заботы; боятся, чтобы Валерий, в сердцах, не вступил в заговор с царями и не разрушил еще неокрепшей республики. Но когда Брут, подозревавший других в таком намерении, предложил сенату поклясться в верности на внутренних жертв и назначил день для этой клятвы, Валерий сошел на форум с сияющим лицом и первый поклялся, что никогда не простит и не уступит бывшему царю Тарквинию, но что до последнего издыхания будет защищать свободу. Эти слова обрадовали сенаторов и успокоили консулов.

Несколько времени спустя, прибыли в Рим посланцы Тарквиния объявить, что он отказывается от царской власти и прекращает войну, но требует своих денег и имущества, принадлежащих ему, его родственникам и друзьям, чтобы иметь чем жить в изгнании. Несмотря на сопротивление Брута, сенат решает, что пользуясь свободой, не следует делать эти богатства препятствием к миру, а выбросить их из Рима вместе с тиранами. Да и Тарквиний хлопотал не об

имуществе; требование служило ему лишь средством испытать народ и составить заговор. Вот над чем трудились его посланцы, продолжавшие свое пребывание в Риме под предлогом имущества царя. Им удастся наконец подкупить два уважаемые семейства: семью Аквилиев, с тремя сенаторами, и семью Вителлиев, с двумя. Все они, по матери, были племянниками Коллатила; Вителлин были, кроме того, в родстве с Брутом, мужем их сестры.

Два сына Брута были еще юноши. Родственники и близкие друзья Вителлиев, они позволяют им вовлечь себя в заговор и пристают к нему, соблазнившись союзом с Тарквиниями, царскими милостями и избавлением от жестокости и тупоумия своего отца. Они называли в отце жестокостью его непоколебимую строгость к злым; что же касается тупоумия, то это была личина, которою он долго прикрывался для спасения от тирании, и личина обратилась в прозвище, которого Брут не отвергал.

Когда эти молодые люди были вовлечены и вступили в переговоры с Аквилиями, заговорщики, желая связать себя сильною и страшною клятвой, выпили, говорят, крови человека, убитого ими, и поклялись на трупе его. Для этого они собрались в доме Аквилиев. Зала, в которой следовало произнести клятву, была, конечно, пуста и темна. Поэтому заговорщики не заметили в ней раба по имени Виндиций, который спрятался в ней не с целью подсматривать и не потому, что предугадывал их замысел, а случайно находясь в доме, увидев их поспешно входящими и не смея показаться, он скрылся за большой

сундук, так что видел все их действия и слышал весь разговор и все их намерения. План состоял в том, чтобы убить консулов. Письменно уведомили о том Тарквиния, и письмо отдали его посланцам, жившим в этом доме и в качестве гостей Аквилиев присутствовавшим на совете.

Когда после того заговорщики вышли, Виндиций осторожно покидает дом, не зная, что ему делать со своим случайным открытием. Но и растерявшись, он угадывал опасность объявить Бруту преступный замысел его сыновей, Коллатину — участие его племянников. С другой стороны, он не знал в Риме честного лица, которому можно бы было доверить такую тайну. Но менее всего был он способен хранить молчание. Наконец, побуждаемый совестью, он бежит к Валерию, рассчитывая прежде всего на кротость и человеколюбие этого лица, доступного всем обращавшимся к нему, дом которого был всегда открыт и который никогда не пренебрегал ни делами, ни самыми маловажными нуждами просителей.

Пришедши к Валерию, Виндиций рассказывает ему все в присутствии его жены и брата, Марка Валерия. Валерий, охваченный изумлением и ужасом, задерживает раба, запирает его в особую комнату и, оставив жену стеречь дверь дома, поручает брату ворваться во дворец царя, захватить там, если окажется возможным, письмо и не выпускать рабов. Он же сам, в сопровождении толпы клиентов и друзей, никогда не покидавших его, и многочисленной прислуги, отправляется в дом Аквилиев. В доме не было никого, и *Валерий* беспрепятственно входит и отыскива-

ет письмо в помещении посланцев. В это время возвращаются Аквиллии; в дверях происходит схватка, и Аквиллии пытаются отнять письмо. Валерий с товарищами сопротивляются, закидывают заговорщикам тоги вокруг шеи и насильно, с трудом, толкая и толкаемые, тащат своих противников по улицам, к форуму*. Сходное произошло во дворце царя. Марк захватил там другие пись-

Брут произносит приговор своим сыновьям.

ма, уже уложенные в дорожные пожитки, и притащил на форум всех людей царя, которых мог захватить.

* Так называлась площадь, на которой совещался народ и происходил суд. *Переводч.*

Когда смятение было подавлено консулами, Валерий приказывает привести из своего дома Виндиция, и допрос начинается. Читаются письма, и заговорщики не смеют возразить ни слова. Собрание молчит, потупив взор; некоторые, из сострадания к Бруту, предлагают изгнание. Слезы Коллатина и молчание Валерия подают обвиненным некоторую надежду. Но в это время Брут обращается к своим сыновьям: "Что же, Тит! Что же, Валерий! Отчего не отвечаете вы на обвинение?" Они не отвечают на этот вопрос, повторенный три раза. Тогда Брут обращается к ликторам: "Исполняйте свою обязанность!" И ликторы схватывают двух юношей, срывают с них платье, связывают им руки на спину и бичуют их тело розгами. Никто из присутствующих не может вынести этого зрелища; один Брут не теряет мужества. Говорят, он ни на мгновение не отвратил взора, и разлитые по его лицу гнев и строгость нисколько не смягчились жалостью. Свирепым взглядом следил он за казнью своих детей, пока их не положили на землю и топором не отсекали им головы. Тогда он предоставил казнь других своему товарищу, встал с седалища и ушел, совершив деяние, которое нельзя ни достаточно хвалить, ни достаточно порицать. Действительно, душа Брута была вознесена его доблестью до равнодушия или силою его страсти до бесчувствия, и оба эти настроения чужды человеку: одно есть достояние божества, другое — свойство зверя. Но вместо того, чтобы сомневаться в добродетели Брута, руководствуясь при оценке его поступка нашею слабостью, справедливее будет основывать наш приговор на славе этого

человека: римляне убеждены, что Ромулу легче было основать Рим, чем Бруту восстановить и укрепить свободу своего отечества.

После ухода Брута изумление и ужас долго заставляли собрание хранить молчание. Но Ак-виллии, ободренные слабостью и медлительностью Коллатина, пользуются этим временем для приготовления своей защиты: они требуют выдачи своего раба Виндиция, чтобы он не оставался во власти их обвинителей. Коллатин уже готов был уступить им во всем: он даже намеревался распустить собрание. Но Валерий объявляет, что он не выдаст Виндиция, находящегося между лицами его свиты, и не потерпит, чтобы народ, разойдясь, помиловал изменников. Наконец он их хватает, зовет на помощь Брута и высказывает свое негодование недостойным поведением Коллатина: "В то мгновение, — говорит он, — когда Брут уступает необходимости казнить своих робственных детей, его товарищ, уподобляясь женщинам, пытается спасти изменников, врагов отечества". Оскорбленный консул приказывает ликторам схватить Виндиция. Ликторы прорываются сквозь толпу, хватают Виндиция и бьют пытающихся отнять его; но друзья Валерия заслоняют раба, а народ громкими криками требует Брута. Брут возвращается. С его появлением ворстанавливается тишина: "Меня хватило на то, —; говорит он, — чтобы осудить моих сыновей; что касается прочих, то народ свободен произнести приговор. Пусть же каждый говорит, как понимает дело и убеждает собрание". Пространнейших речей не требовалось. Собирают голоса, и преступники, единогласно осужденные, обезглавлены.

Естественно, что Коллатин, по своему родству с царями, впал в подозрение, а имя царей, по отвращению, внушенному Тарквинием, было ненавистно. Народ вознегодовал на Коллатина, и последний, сложив с себя консульство, удалился из города. Созываются комиции* для нового выбора, и Валерий, в награду за свою преданность, единогласно избран в консулы. Он признал справедливым наградить Виндиция и декретом, первым в этом роде, провозглашает его освобожденным и римским гражданином, с правом голоса в трибе, которую он изберет. По имени Виндиция и до сих пор освобождение раба называется виндиктою.

(После смерти Брута, последовавшей в первую войну, которую Риму пришлось вести с Тарквинием и этрусками, Публикола присвоил себе всю власть. Этот поступок уронил его во мнении народа. Валерия обвинили в намерении восстановить тиранию, приводя в доказательство некоторые его деяния, согласующиеся с подобным замыслом.)

Валерий жил в доме слишком пышном, стоявшем на верху Палатинского холма и господствовавшем над форумом, с почти неприступным подходом. Когда Валерий выходил в город, то принимал гордый вид и окружал себя по-царски пышною свитой. Но он показал, как благотельно для правителей и лиц, занимающих высокие посты, прислушиваться к откровенным и правдивым отзывам, а не к лести. Уведомленный Друзьями о недовольстве народа, Валерий, вместо того, чтобы спорить и сердиться, в ту же ночь

* Собрания народа для решения важных дел. *Переводч.*

собирает большое число рабочих и велит сломать свой дом и сровнять его с землею, так что с рассветом римляне, заметив перемену и узнав о причине ее, стали восхвалять и превозносить величие души Валерия, в то же время сожалея о таком большом и великолепном доме, ставшем, подобно человеку, жертвою зависти и несправедливости, и о консуле, который подобно иностранцу, вынужден был поселиться в чужом доме. Он нашел приют у своих друзей, пока народ не отвел ему места, на котором Валерий построил новый дом, более скромный.

Желая внушить народу не страх, а расположение и к себе, и к своей власти, Валерий велел снять топоры с ликторских пучков и, являясь в собрание, заставлял опускать эти пучки пред народом, в знак уважения к власти народа. Этот обычай соблюдается консулами и доныне. Большинство не поняло того, что этою скромностью Валерий не только не унизил себя, но оградил от зависти и выиграл в личном уважении все то, что, по-видимому, терял во внешних знаках власти. Действительно, народ с почтением подчинялся Валерию. И прозвище Публикола, т.е. "тот, который уважает народ", заменяло другие имена Валерия.

Валерий издал многие законы, придавшие народной власти большую силу. Один из этих законов позволял приговоры консулов вносить на утверждение народа; другим назначалась смертная казнь лицам, которые возложили бы на себя должностные звания, не будучи избранными народом. Смертная же казнь назначалась всякому, кто попытался бы стать тираном.

КОРИОЛАН

(Около 493 г. до Р. Х.)

Кай Марций Кориолан может быть приводим в подтверждение мнения, что человек, сильный телом и духом, но лишенный воспитания, совершает, наряду с хорошими деяниями, и дурные, подобно тому как плодородная, но необработанная почва дает и полезные, и вредные плоды. Сила характера и непреодолимая стойкость в намерениях подавали Кориолану мысль о великих подвигах и позволяли выполнять их. Но вспышки неумолимого гнева и непреодолимое упорство делали Кориолана негодным для общественной жизни. Удивлялись его равнодушию к удовольствиям и богатству и его терпению в труде. В глазах всех это доказывало умеренность, справедливость и силу души; но в обществе невыносимы были Кориолановы замкнутость, жестокость и высокомерие патриция.

Более чем кто-либо, Марций был, казалось, рожден со страстью к битвам. С самого детства он упражнялся в военном деле. Убежденный в том, что приобретенные средства борьбы бессильны без полученных от природы, он упраж-

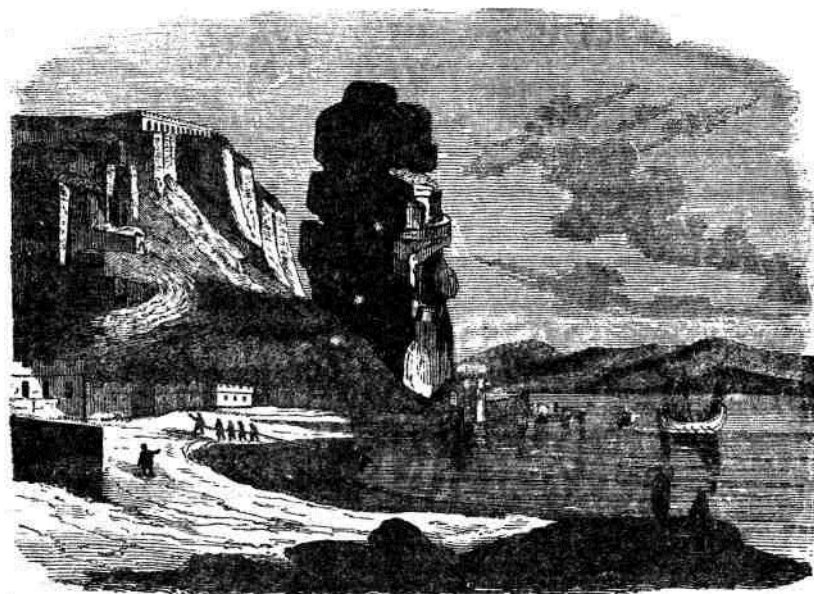
нялся во всех видах боя и стал искусен в беге и непобедим в борьбе.

Не было ни одного состязания, на котором Марций не заслужил бы венков и наград. Но он искал славы только из нежности к матери. Чтобы она слышала похвалы своему сыну, видела его венчаемым, плакала от радости, обнимая его, то было для Кориолана верхом славы и блаженства. Говорят, таково же было чувство Эпаминонда, считавшего за наибольшее счастье, что одержанная им победа при Левктрах застала еще в живых его отца и мать.

(Кориолан столько же великодушен, как и неустрашим. При Кориоли после военного подвига, давшего ему и имя, он отказывается от всякой награды, сходной с платой, и просит лишь одной милости, по его словам, дорогой для него: чтобы освободили его давнишнего гостя, взятого в плен. Две господствующие страсти Кориолана - гордость своею кастою и любовь к матери: обе являются источником всех его поступков. Он презирает плебеев и желает, чтобы во всем первенствовали и господствовали патриции. Если он в сражениях возбуждает множество своих юных сверстников, то из желания поддержать первенство своего сословия. С властью трибунов он вступает в страстную борьбу, навлекающую на него изгнание. Однако, как бы ни была сильна гордость Кориолана, все же его любовь к матери еще могущественнее).

Марций осужден на вечное изгнание. Но он ни изумлен, ни подавлен: его настроение, походка, осанка не изменяются; среди общего уныния он один спокоен, не по зрелому рассуждению

или мягкости характера, и не из покорности судьбе, а вследствие раздражения и гнева. Воротясь домой, Марций обнимает рыдающих мать и жену, убеждает их терпеливо сносить несчастье и, покинув их, направляется к воротам города. Там он прощается со всем провожавшим его сословием патрициев, ничего не принимая, ничего не прося, и удаляется лишь с тремя или

Анксур, город вольсков.

четырьмя клиентами. Он проводит несколько дней на одной из своих земель, обдумывая тысячу планов мести. Наконец он останавливается на намерении возбудить против Рима страш-

ного военного врага и прежде других решается обратиться к вольскам, богатым людьми и деньгами, рассчитывая, что их недавнее поражение римлянами не столько ослабило их силы, сколько разожгло их ненависть.

В городе Анциуме жил человек, которому богатство, храбрость и знатное происхождение давали царскую власть над всеми вольсками: то был Тулл Амфидий. Марций знал, что ненавидим Туллом более других римлян. Часто в битвах они обменивались друг с другом угрозами и похвалой, внушаемыми молодым людям соревнованием и страстью к славе, и потому к народной неприязни в Кориолане и Тулле присоединялась еще и личная вражда. Однако, зная Тулла за человека благородного, с возвышенными помыслами и более всякого другого вольска жаждавшего случая отплатить римлянам злом за зло, Марций отправляется, переодетый, в Анциум.

Марций прибывает туда вечером и, хотя встречает много людей, остается неузнанным. Он направляется прямо к дому Тулла, внезапно входит, молча садится у очага и, покрыв голову, остается неподвижным. Слуги, изумленные и пораженные его наружностью, отличавшеюся необыкновенным величием, не смеют тревожить пришельца и доносят о нем Туллу, сидевшему за ужином. Тулл встает, выходит к Марцию и спрашивает об его желании. Тогда Марций открывает свое лицо и после минуты молчания говорит: "Если ты не узнаешь меня, Тулл, или не веришь своим глазам, то мне приходится назвать себя. Я Кай Марций, причинивший столько бед тебе и вольскам, доказательство чему лежит и в моем

имени "Кориолан". От всех перенесённых трудов и опасностей мне осталось в награду лишь это имя, памятник моей вражды к вам: оно единственная вещь, которую не могли отнять у меня; всего остального лишили меня зависть и насилие народа, слабость и измена должностных лиц и патрициев. Изгнанный из отечества, я явился к твоему очагу просителем не за безопасностью и для сохранения жизни (явился ли бы я сюда, если б боялся смерти?), а чтобы отомстить изгнавшим меня, и я уже мщу им тем, что отдаюсь в твои руки. Итак, если в тебе хватает храбрости напасть на твоих врагов, то воспользуйся моими бедствиями, доблестный воин, и мое несчастье сделай общим благом вольсков. Я тем успешнее буду сражаться за вас, что гораздо лучше можно биться с врагом знакомым, чем с незнакомым. Если ты откажешься, то я не хочу более жить, и ты напрасно пощадишь человека, некогда бывшего врагом твоим и твоего отечества, а теперь бесполезного". Едва дослушав Марция, Тулл выразил чрезвычайную радость и, протянув Марцию руку, сказал: "Встань и ободрись! Твой союз для нас большое счастье. Ты можешь ожидать еще большего от вольсков". И Тулл дружески приглашает Кориолана к трапезе; в следующие же дни они совещаются о средствах к войне.

(Вольски объявляют римлянам войну и под начальством Кориолана вторгаются в их владения).

Марций разбивает стан у места, называемого Клуильскими рвами, в сорока стадиях от Рима. Приближение его внушает ужас и смятение. Видя женщин, мечущихся по городу, их мольбы и

слезы, молитвы старцев в храмах и всех неспособных к отваге и спасительной решимости, сенат единогласно определяет послать к Марцию выборных граждан с дозволением ему возвратиться в город и с просьбою покончить войну.

Почти все посланцы сената были родственники или друзья Марция; они надеялись быть встреченными милостиво, как другом и близким человеком. Но ожидания обманули их. Марций встречает послов, проведенных к нему по неприятельскому стану, сидя гордо и нестерпимо дерзко. Окруженный знатнейшими вольсками, он приказывает послам высказать порученное им. Они выражаются мягко, скромно, как приличествует их настоящему положению. Выслушав их, Марций отвечает с горечью и гневом, напоминая причиненное ему зло; от имени же предводительствуемых им вольсков он требует возврата отнятых у них римлянами городов и земель и дарования права гражданства, признанного за латинянами, — так как постоянен только мир, основанный на равенстве и справедливости. Для обсуждения этих требований он назначает срок в тридцать дней.

Однако все это время Марций не остается в бездействии: он принимается разорять земли союзников Рима и берет семь больших городов, густо населенных. И римляне не смеют помочь побежденным: они в каком-то усыплении, вполне подавляющем их воинственность. Перемирие истекает, и Марций появляется вновь со всеми своими войсками. К нему отправляют другое посольство, умоляющее его смягчить свой гнев, увести вольсков из владений Рима и затем

высказать, что он признает лучшим для обоих народов, так как римляне не уступят ничего из страха. Если он думает, что вольски имеют право на уступки, то они получают все требуемое, но лишь сложив оружие. На это Марций отвечает, что в качестве предводителя вольсков ему нечего добавить к сказанному раньше, но что в качестве римского гражданина, каким он остался, он советует римлянам умерить свою спесь и подчиниться разумным условиям. И потому пусть посольство возвращается через три дня с декретом, отвечающим на требования. Если же решат противное, то пусть знают, что явиться в его стан с пустыми словами будет небезопасно.

Посольство возвращается в Рим. Выслушав ответ, сенат прибегает к последнему якорю спасения. Повелевается всем жрецам богов, всем ведущим священными тайнами, сберегателям храмов, прорицателям, унаследовавшим от предков свое древнее народное учреждение отправиться посольством к Марцию, в облачениях, употребляемых при их обрядах, и прибегнуть ко всем увещаниям, способным склонить его к миру и к последующему устройству отношений вольсков и римлян. Марций принимает посольство в своем стане, но не делает никакой уступки: в его действиях и словах ничто не указывает на колебания; он требует, чтобы римляне или приняли предписанные им условия, или ожидали войны.

По возвращении жрецов римляне решаются упорно защищать стены города и отбивать врага, надеясь на время и непредвиденные повороты счастья. Между тем римские женщины рассея-

лись по различным храмам, и в числе простертых пред алтарем Юпитера Капитолийского была сестра Публиколы Валерия. Она, как по происхождению, так и по поведению своему, пользовалась в городе всеобщим уважением. Внезапно охваченная божественным вдохновением, она встает, заставляет встать и других женщин и направляется с ними к дому Марциевой матери, Волюмнии. Они находят Волюмнию сидящую подле невестки (Ветурии) и держащую на коленях детей своего сына. Валерия, поставив сопровождавших ее женщин в полукружие перед матерью, говорит: "Все мы, пришедшие сюда женщины, обращаемся к женщинам: к тебе, Волюмния, и к тебе, Ветурия! Не декрет сената, не повеление консула, а бог, умиловившись нашими молитвами, внушил нам мысль прийти сюда, обратиться к вам и вымолить у вас то, что должно спасти и вас, и других граждан и, поверьте мне, прославить вас более сабинянок, склонивших от войны к миру и дружбе своих отцов и мужей. Пойдемте вместе с вами к Марцию: облекитесь, подобно нам, в одежды молящих и засвидетельствуйте в пользу родины ту истину, что несмотря на бедствия, причиненные Марцием отечеству, оно не руководилось гневом и не предприняло, не повелело ничего против вас, а отдает вас ему, хотя бы и не получило в возврат ни одного смягчения условий".

Так говорила Валерия. Волюмния отвечала: "Поверьте, и мы несем долю общего несчастья, кроме несчастий, павших на нас одних; мы утратили славу и добродетель Марция и видим его самого скорее под стражею, чем под охраною

врагов. Но наибольшее наше несчастье — это видеть родину в такой крайности, что она надеется только на нас. Не знаю, смилуется ли Марций над нами, когда не умилоstitвляется над родиной, которую всегда предпочитал матери, жене и детям, Но располагайте нами, ведите нас к нему; если мы и не достигнем ничего, то можем хоть умереть пред ним, моля его о родине".

С этими словами Волумния берет своих внучат, велит идти и Ветурии и вместе с другими женщинами направляется к стану вольсков. Зрелище это внушает врагам сострадание, уважение и молчание. Марций сидел, окруженный военачальниками. Видя приближающихся женщин, он сначала изумляется; потом, узнав идущую впереди их мать свою, хочет упорствовать в своих намерениях, но вскоре уступает нежности. Смутившись, он не в силах ожидать мать на-своем сидении, сходит, или, скорее, бежит к ней; долго держит ее в своих объятиях, а затем жену и детей, не стараясь уже удержать слезы, не сдерживаясь от ласк и отдаваясь, как потоку, влечению души.

Утолив свою нежность и заметив, что мать его хочет говорить, он подзывает к себе членов Вольского совета и слушает мать, которая выражается так: "Сын мой! Хотя бы мы и не говорили, по нашим одеждам и нашим лицам ты видишь, в какое горе повергло нас твое изгнание. Подумай же, как мы несчастны теперь: самое сладкое для нас зрелище судьба обратила в самое ужасное, показывая нам, матери сына, а ей мужа — осаждающим родной город. И то, что другим служит утешением в несчастьях, именно молитва

к богам, стало для нас источником страданий. Мы не можем молить богов одновременно и о победе родины, и о спасении тебя; и в молитвах наших содержится все, что мог бы пожелать нам враг. Для твоей жены и твоих детей стала неизбежною участь лишиться родины, или тебя. Что до меня, то я не дожусь живою исхода войны. Если я не склоню тебя покончить войну и ее бедствия миром и согласием и стать благодетелем обоих народов, вместо того, чтобы быть бичом одного, то ведай и готовься, что ты приблизишься к Риму, только перешагнув через труп народившей тебя. Не ожидать же мне дня, когда я увижу либо сына, побежденного римлянами, либо родину, побежденную моим сыном. Если б я просила тебя спасти Рим, погубив вольсков, то потребовала бы, сын мой, трудного и тяжелого выбора: не хорошо ни губить своих соотечественников, ни изменять тем, кто доверился нам. Но мы просим тебя освободить нас от наших бедствий, просим об одинаково спасительном для обоих народов, но более славном для вольсков, потому что они как бы даруют нам, не лишившись их, величайшие из благ, мир и дружбу. И если мы достигнем этих благ, то будем обязаны ими прежде всего тебе; если же этого не случится, то виновником неуспеха перед обоими народами будешь ты же. Как ни неверен исход борьбы, но верно то, что, победив, ты станешь бичом своей родины; побежденный, ты, по-видимому, из чувства гнева навлечешь самые ужасные несиастия на своих благодетелей и друзей".

Пока Волумния говорила, Марций слушал, не

возражая, Когда она замолкла, он, задумавшись, долго не отвечал. Волюмния продолжала: "Зачем молчишь ты, сын мой? Разве хорошо позволять

Римлянки, умоляющие Кориолана.

все своему гневу? Разве не лучше уступить матери, просящей о таких благах? Прилично ли великому человеку помнить испытанные им бед-

ствия? Разве не достойно человека великого и добродетельного помнить благодеяния, оказанные ему отцом и матерью, почитать и уважать их? Никто на свете не обязан этою признательностью более тебя, столь ревностного в преследовании забывчивости о благодеяниях. Ты страшно покарал свою родину и не выказываешь никакой благодарности к твоей матери. Да и без этих побуждений на тебе лежит священная обязанность исполнить мою просьбу, столь справедливую и разумную. Если ты не даруешь мне ничего, на что же мне еще надеяться?" При этих словах она вместе с женою и детьми Марция бросается пред ним на колени. Марций восклицает: "Что делаете вы, мать моя?" Он поднимает ее и, сжимая ей руку, говорит: "Вы одержали победу, счастливую для родины, гибельную для меня. Я удаляюсь, побежденный вами одними". Сказав это, он разговаривает несколько времени, в стороне, с матерью и женой, отсылает их, по их просьбе, в Рим и по прошествии ночи уводит вольсков, далеко не разделяющих его чувств относительно происшедшего. Одни из них порицают Марция и его поведение, другие недовольны ни тем, ни другим, хотя и радуются окончанию войны. Некоторые, хотя и негодуют на происшедшее, не считают Марция за худого человека и прощают ему уступку таким могущественным побуждениям. Никто не противится: все следуют за ним, уважая еще более его добродетель, чем его власть.

(Эта любовь Кориолана к матери очень трогательна; но, хотя бы мы и были смягчены уступкою свирепого солдата слезам матери, мы не можем

оправдать его. Он пошел войною на родину, следовательно, виновен. Как послушный сын, он мог найти прощение в сердцах матерей; как гражданин, восставший против родины, он не мог быть прощен республикой. Рим понял это, и если верить сказанию Плутарха то римляне, узнав о смерти Кориолана, не выразили к его памяти ни уважения, ни гнева и только дозволили женщинам носить в течение десяти месяцев траур как по сыну.)

КАМИЛЛ

(Около 389 г. до Р. Х.)

(Жизнь Камилла представляет лишь кажущееся сходство с жизнью Кориолана. Правда, Камилл, несмотря на многочисленные услуги, оказанные отечеству, не был любим, и за свою борьбу с трибунами он, подобно Кориолану, был изгнан. Но тем и ограничивается сходство этих двух знаменитых людей. Когда трибуны предложили переселить в Вейи половину народа и перенести туда же половину сената, Камилл отверг закон, но не из побуждений партий, а из любви к отечеству, так как считал предложенный закон пагубным для величия Рима. Доказательством тому, что он не руководился себялюбием и духом партии, подобно Кориолану, может служить то, что он сам нанес последний удар господству патрициев: в последний год своей жизни он согласился допустить избрание плебеев в консулы. Главными военными подвигами Камилла были: взятие, после долгой осады, города Вей, взятие г. Фалерии и особенно освобождение Рима, попавшего во власть галлов. Мы передадим Плутархов рассказ о нашествии гал-

лов, оговаривая, впрочем, возможную неверность рассказа, так как Плутарх заимствовал его из римских источников, которые, не колеблясь, скрывали истину, если она оскорбляла их народное самолюбие.)

Галлы — народ кельтского племени*. Излишек населения заставил их покинуть свою страну, которая не могла питать их, и они стали искать другие земли. Это были многочисленные сонмища людей молодых, воинственных, сопровождаемых еще большим числом женщин и детей. Одни орды направились к Северному океану и утвердились на концах Европы, другие основались между Пиренеями и Альпами. Позднее, впервые отведав вина, доставленного им из Италии, галлы были очарованы этим напитком и, отдавшись новому для них удовольствию, пристрастились к нему. Они вооружаются, уводят с собою своих сородичей и направляются к Альпам, ища прохода в страну, производящую такой плод и в сравнении с которой всякая другая кажется им бесплодною и дикою.

Прежде всего, галлы достигают этрусского города Клузиум и осаждают его. Клузийцы обращаются за помощью к римлянам и просят их отправить к варварам послов с письмами. Посланы были три человека из рода Фабиев, лица знатные и заслуженные. Галлы встречают их дружелюбно, из уважения к имени Рима, прерывают нападение на стены города и вступают в переговоры. Римляне спрашивают, за какую оби-

* Кельты, индогерманского происхождения, населяли в начале исторического времени Галлию (нынешние Франция и Бельгия) и Британские острова. *Переводч.*

ду галлы напали на город. Тогда предводитель галлов Бренн, смеясь, ответил: "Обидели они нас тем, что будучи в состоянии обрабатывать лишь малое пространство земли, хотят владеть большим и отказываются поделиться с нами, чужеземцами, которые многочисленны и бедны. Такова же была обида, которую некогда нанесли вам, римлянам, альбены, фиденаты, ардеаты и уже в нынешнее время вейенцы и капенаты, с большею частью фалисков и вольсков. Вы идете войною против всех, кто не хочет поделиться с вами своими богатствами, обращаете их в рабство, грабите, разрушаете их города. Перестаньте же сострадать осажденным клузийцам, чтобы не научить нас, галлов, защищать народы, угнетенные римлянами".

Эта речь убедила римлян в бесплодности переговоров с Бренном. Посланцы входят в Клузиум, возбуждают осажденных к вылазке против варваров, обещая и сами сражаться, чтобы испытать мужество галлов или показать им свое. Клузийцы делают вылазку, и под стенами города происходит сражение. Один из Фабиев, Квинт Амбуст, устремляется верхом против рослого и красивого галла, выступившего вперед других. За живостью борьбы, блеском оружия, слепящим глаза, Фабия сначала не узнают; но когда он, победив и убив своего врага, хочет снять с него доспехи, он узнан Бренном. Последний призывает богов в свидетели такого нарушения права, священного для всех народов, со стороны лица, пришедшего в качестве посла и действующего в качестве врага. Он тотчас же прекращает битву, покидает Клузиум и ведет свое войско против

Рима. Не желая вызвать подозрения, что он обрадовался обиде, как предлогу к нападению, Бренн через посла требует наказания виновного и замедляет свое шествие на Рим.

В Риме, в собрании сената, все порицают поступок Фабия, жрецы фециалы обвиняют его во имя богов и настойчиво убеждают сенаторов возложить на него одного искупление преступления, чтобы отвратить месть от прочих граждан. Сенат передает дело на решение народа, и жрецы повторяют свое обвинение Фабия; но народ не только не разделяет их мнения, а избирает Фабия и его братьев в военные трибуны.

Галлы, оскорбленные вестью об этом, ускоряют поход: их многочисленность, блеск их оружия, их сила и ярость распространяют ужас среди населения: оно предвидит уже всю страну погибшей, все города разрушенными. Но, вопреки всеобщему ожиданию, галлы не совершают насилий, не трогают полей и, проходя мимо городов, кричат, что они идут на Рим и воюют с одними римлянами, а другие народы считают друзьями.

Навстречу быстро приближающимся варварам из Рима выступают военные трибуны. Число их воинов не уступает числу варваров: у них сорок тысяч пехоты; но большая часть воинов не приучены к войне и впервые взяли в руки оружие. Кроме того, римляне забыли умиловить богов: перед выступлением не было принесено умиловляющих жертв, и прорицатели не были спрошены о том, что следует знать накануне опасности и сражения. Да и в движениях

войска происходит замешательство от множества начальников.

Римляне выступают на девяносто стадий с города и разбивают стан на берегах реки Аллии недалеко от слияния ее с Тибром. Вскоре являются и варвары; римляне, по причине беспорядка в начальствовании войск, бьются несмело и обращаются в бегство. С первого натиска галлы опрокидывают левое крыло врага в реку; правое крыло, чтобы избежать ярости галлов, спасается с равнины на возвышения; оно менее потерпелс от врага, и большое число воинов спасается в Рим. Что же касается остальных, то все воины, спасшиеся от галлов, утомленных побоищем, бегут ночью в Вейи, как будто Рим был уже взят и все жители его истреблены.

Если б после этой победы галлы преследовали бежавших, то ничто не могло бы спасти Рим от конечного разорения, жителей от избиения: таков был ужас, распространенный беглецами, так сильны были общее смятение и ужас жителей! Но варвары еще не смели верить значению своей победы; притом, в первом порыве радости они думали лишь о еде и дележе добычи в стане и тем дали толпе беглецов время добраться до города, а жителям принять меры к обороне. Покинув остальной город, римляне сносили оружие в Капитолий, укрепили его и начали переносить в него священные вещи.

Весталки, убегая, захватывали с собою огонь Весты и другие принадлежности богослужения. Идя вдоль Тибра, они обогнали находившегося между беглецами плебея Люция Альбина, который вез на телеге своих маленьких детей, жену

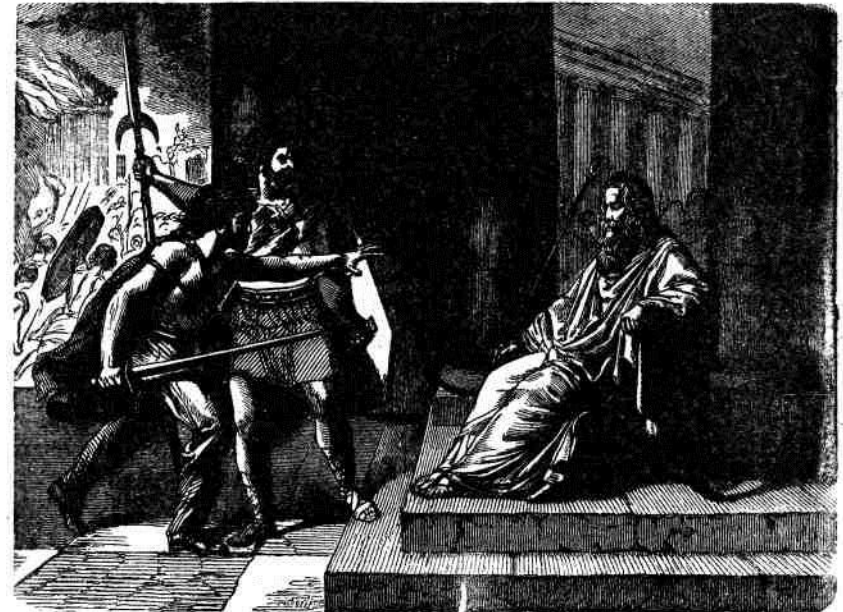
и свою домашнюю утварь. Едва заметив весталок, несших на руках предметы, посвященные богам, и изнемогавших от усталости, Люций велит жене и детям сойти с телеги, снимает с нее пожитки и сажает на нее весталок, чтобы они могли ехать в какой-либо греческий город. Это благочестие Альбина, это явное уважение к богам в столь опасное мгновение кажутся мне достойными сохраниться в памяти.

Между тем именитейшие граждане Рима — жрецы других богов, прежние консулы, лица, которым когда-либо устраивались победные шествия, не решаются покинуть город; они облачаются в самые блестящие из своих должностных одежд и в таком наряде обрекают себя как бы на жертву родине, молясь богам, садятся на свои курульские кресла на форуме и ожидают решения судьбы.

Через три дня пути Бренн появляется с войском перед Римом. Видя ворота и дома не охраняемыми стражею, он подозревает какую-либо хитрость и опасается засады, не веря, чтобы римляне в отчаянии отказались от защиты. Убедившись же в этом, он въезжает в Рим и овладевает им. Это случилось через триста шестьдесят лет после основания этого города.

Завладев Римом, Бренн оцепляет Капитолий войсками, а сам едет на форум. Он поражен видом сидящих там старцев, великолепно одетых, хранящих молчание, не встающих перед врагами и не меняющихся в лице, не обнаруживающих никакого волнения, остающихся спокойно на своих сидениях и, опершись на жезлы, лишь посматривающих друг на друга. Это стран-

ное зрелище до того поражает галлов, что они долго не решаются ни коснуться старцев, ни приблизиться к ним. Наконец один варвар подходит к Манию Папирию, гладит его по подбородку и тянет за длинную бороду. Папирий бьет

Смерть консула Папирия.

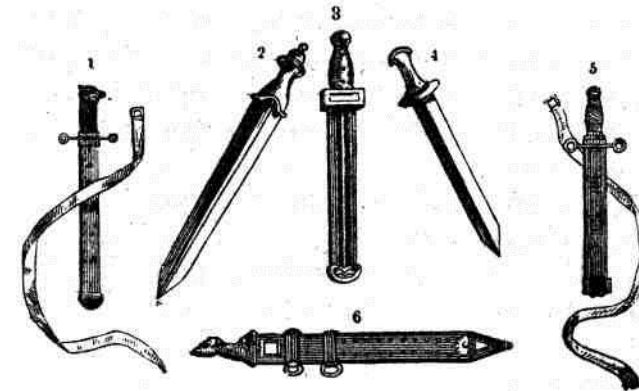
галла жезлом по голове и сильно ранит его; тогда галл выхватывает свой меч и убивает Папирия. Тотчас же галлы кидаются на других старцев, умерщвляют их, затем избивают и других попадающихся жителей и в течение нескольких дней грабят и разрушают дома, кипя яростью на за-

севших в Капитолии, которые не только не исполняют требования галлов о сдаче, но, сидя за укреплениями, издали бьют осаждающих.

Осада затягивается; галлы разделяются: одни продолжают осаду Капитолия; другие, рассеявшись толпами, опустошают окрестную страну. Против одной такой толпы, приблизившейся к Ардее, восстанавливает жителей этого города живший в нем в качестве частного лица Камилл. Он вооружает могущих сражаться, ожидает благоприятного случая и однажды ночью, когда пьяны галлы были погружены в сон, нападает на них и избивает большое число варваров.

Весть об этом событии, быстро разнесясь по городам, привлекает к Камиллу множество молодых солдат, преимущественно римлян, спасшихся из сражения при Аллии и укrywшихся в Вейи. Они говорили с сожалением: "Какого полководца лишила Рим завистливая судьба! Ардейцы прославлены успехами Камилла, а город, в котором он родился, который питал этого великого человека, погибает, и мы, за недостатком предводителя запертые в чужих стенах, бездействуем и отдаем Италию во власть врагов. Но пошлем к ардейцам за их полководцем или, еще лучше, возьмем оружие и отправимся к нему! Он уже не изгнанник, как мы уже не граждане: отечества нет, оно в руках врагов". Это мнение одерживает верх, и к Камиллу отправляется посольство просить его принять начальство над составившимся войском. Он отвечал, что примет приглашение, лишь когда засевшие в Капитолии граждане узаконят это решение; эти спасшиеся граждане представляют для него родину, и он с радостью

исполнит их приказания; если же они откажут в утверждении решения, то он не позволит себе назойливого рвения. Эта скромность и честность Камилла привлекают к нему все сердца; но как сквозь занятый врагами Рим проникнуть посланцу в Капитолий?

Римский меч в различные периоды.

1. Короткий меч пехотинца.	5. Меч с рукояткой и поясным ремнем.
2. Длинный меч всадника.	6. Меч в ножнах (из Помпеи).
3. Меч времен р. царей.	
4. Короткий испанский меч пехотинца.	

Между стекшимися к Камиллу молодыми воинами был некто Понций Коминий, гражданин незнатного происхождения, но мечтавший о славе и чести; он вызывается на опасное посольство. Он не берет писем к засевшим в Капитолии

римлянам из боязни, чтобы в случае плена посланца враги не узнали о намерениях Камилла. В ветхой одежде, под которой была навязана кора пробкового дуба, он отправляется и в течение целого дня не навлекает ничьих подозрений. Под ночь он достигает Рима и, заметив, что не может переправиться через реку по мосту, охраняемому варварами, навязывает свою легкую одежду на голову и, поддерживаемый на воде пробкой, переплывает реку и попадает в город. Избегая всех военных постов, различаемых им по огням и шуму, он доходит до Карментальских ворот, где господствовало глубокое молчание. В этом месте Капитолийский холм вздымается в вершину, представляя громадную скалу, со всех сторон обрывистую. С чрезвычайными усилиями поднявшись по крутому скату и никем не замеченный, Понций достигает стражи на стенах; называет ей себя и при помощи ее пробирается в крепость. Его проводят к начальникам, и вслед затем собираются сенаторы. Введенный в собрание, Понций рассказывает присутствующим о неизвестной еще им победе Камилла, сообщает выбор воинов и просит об утверждении избранного в полководцы Камилла, которому одному граждане вне Капитолия готовы повиноваться. Выслушав донесение, сенаторы совещаются, возводят Камилла в звание диктатора и отсылают Понция, который возвращается прежним путем так же счастливо. Он избегает врагов и приносит римлянам в Ардее повеление сената.

Приветствуемый с радостным восторгом, Камилл является к воинам, находит двадцать тысяч людей, вооруженных и готовых к походу, соби-

рает еще большее число союзников и готовится к нападению. Между тем в Риме несколько варваров, случайно проходя мимо пути, по которому Понций ночью пробрался в Капитолий, замечают в различных местах следы ног и рук, изломанные ветви кустов и осыпавшуюся землю и доносят об этом своему предводителю. Он приходит на место, осматривает его, но сначала не высказывается, а вечером, собрав наиболее ловких кельтов, говорит им: "Сами враги указывают нам ведущую к ним дорогу, которая была нам доселе неизвестна; она доступна людям. Было бы позорно, начав дело, не докончить его и отступить от крепости, как неприступной, когда нам указывают, с какой стороны можно взять ее. Путь, по которому легко прошел один человек, может служить и многим, по очереди; следующие один за другим могут помогать друг другу. Отвага каждого будет прилично награждена и отмечена".

Выслушав предводителя, галлы обещают смело подняться по скату. В полночь они поползли один за другим, храня молчание и цепляясь за скалы, которые оказываются более доступными, чем можно было предполагать. Первые галлы достигают вершины и уже готовятся овладеть укреплениями и избить неприятельскую стражу, потому что их приближения не слышали ни люди, ни псы. Но около храма Юноны содержались, в мирное время на щедром корму, священные гуси; теперь же, когда пищи едва хватало на людей, они обходились плохим уходом. Эти птицы, которым голод не давал спать и которые стали боязливее прежнего, чуют приближение галлов,

с криком бегут на них и будят римлян. Со своей стороны, варвары, сознавая себя открытыми, уже не боятся зашуметь и поспешно нападают. Каждый римлянин хватается первое попавшееся ему под руку оружие и кидается на шум. Впереди всех Манлий, консул, сильный телом и полный высоких помыслов, встречает разом двух врагов; одному из них, занесшему топор для удара, он отсекает мечом руку, а другого бьет щитом в лицо и опрокидывает со скалы. Затем он с прибежавшими и столпившимися около него римлянами вскакивает на стену и отражает малочисленных варваров, своим поведением не оправдывающих первоначального замысла. Избавившиеся от опасности римляне присудили Манлию за его победу награду более почетную, чем богатую: отдали ему свою дневную долю жизненных припасов, по полфунта пшеницы и по четверти греческого котиля вина.

Галлами овладело уныние. Притом они начинали ощущать недостаток в съестных припасах, так как из боязни нападения со стороны Камилла не решались высылать отряды для сбора запасов у окрестных жителей. В войске, стоявшем на развалинах, среди валявшихся повсюду трупов, появились болезни, и смертность усилилась до того, что из-за множества трупов их уже не зарывали. Но и положение осажденных было не лучше. Начинаясь голод, и неизвестность о действиях Камилла также поселяла уныние. Вестей нельзя было получить из-за сплошной массы варваров вокруг города. При таком обоюдном положении между передовыми постами завязываются переговоры. Потом по решению имени-

тейших граждан один из военных трибунов римских, Сульпиций, видится с Бренном и предлагает ему уплату римлянами тысячи ассов золота за немедленное, после платежа, отступление галлов от Рима и из его области. Предложение принято, договор утвержден клятвой, и золото принесено. Но при взвешивании его галлы прибегают сперва к обману, употребляя ложные весы, а затем к явному насилию, давя на чашку весов, в которую положены гири. Римляне выражают негодование. Но Бренн, в насмешку и обиду, снимает с себя меч с перевязью и прибавляет его к весу. Сульпиций спрашивает о значении его поступка. "Что же это может значить, — отвечает Бренн, — как не то, что горе побежденным" (*vae victis!*). Ответ этот вошел в пословицу.

Во время спора Камилл приближался уже к Риму. Узнав о происходящем, он велит большинству своего войска медленно, в строгом порядке следовать за ним, а сам с отборным отрядом спешит и скоро подходит к спорящим римлянам. Последние встречают его как диктатора, с почтением, молча и сторонясь. Камилл снимает золото с весов, отдает его ликторам, а галлам приказывает взять весы и гири и уйти, причем говорит, что римляне исконно привыкли спасать родину не золотом, а железом. Бренн в ярости: он кричит, что римляне нарушают договор. Камилл отвечает, что договорные условия не действительны: с того времени, как он назначен диктатором, не существует иной законной власти. Только теперь объявляются требования римлян: он пришел именем закона, гото-

вый простить, если нарушители покаются, а в противном случае покарать их.

Раздраженный этими словами, Бренн хватается за оружие: воины обеих сторон вынимают мечи и нападают на врагов в беспорядке, да и как могло быть иначе между домами и в улицах, заваленных обломками, на местности, на которой невозможно было построиться к бою, Бренн скоро одумывается и отступает без больших потерь в стан. Ночью он уводит всю свою армию на шестьдесят стадий от Рима, по дороге к городу Габиям. Но на рассвете его настигает Камилл в блестящих доспехах и сопровождаемый римлянами, полными мужества. Завязывается ожесточенная битва; Камилл разбивает галлов наголову и овладевает их станом.

Так Рим, взятый удивительным образом, был спасен еще более чудесным путем после семи месяцев нахождения во власти варваров.

ФАБИЙ МАКСИМ

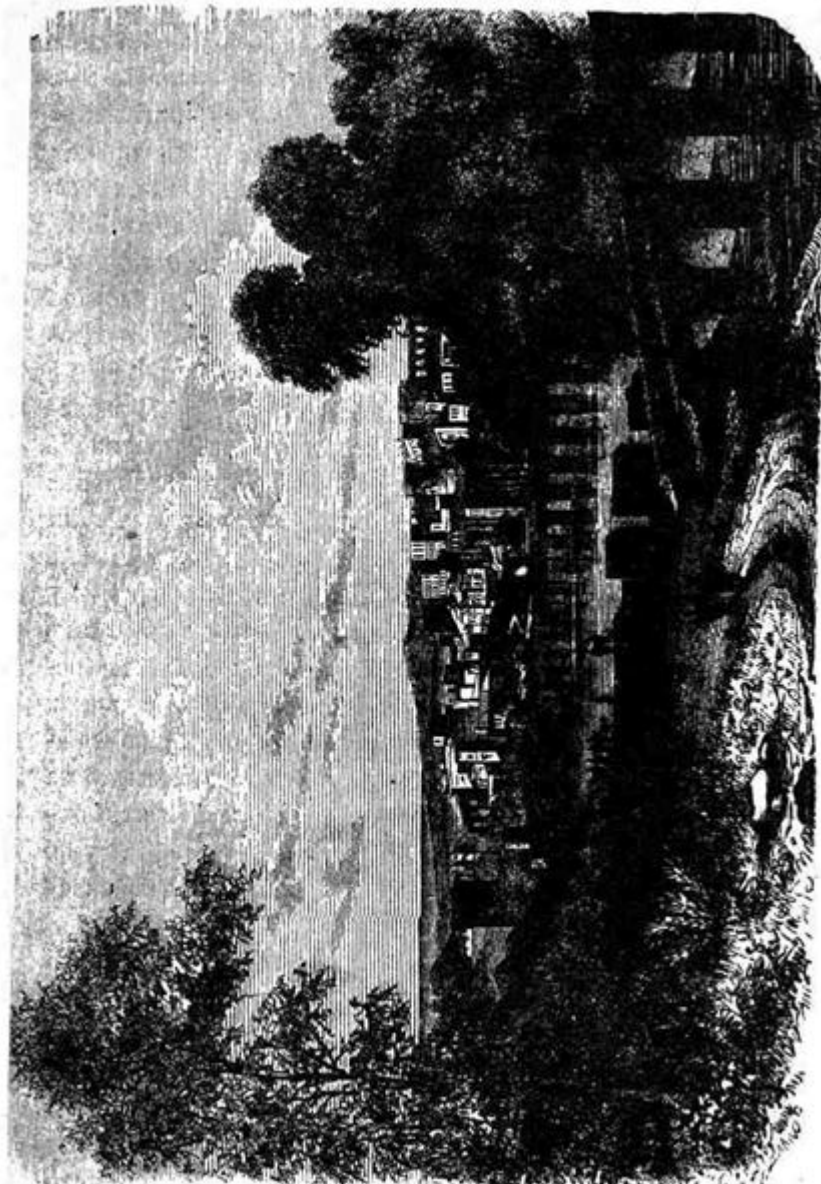
(Около 219 г. до Р. Х.)

Фабий Максим отличался в детстве нравом тихим и малоподвижным. Спокойный и молчаливый, он лишь крайне осторожно принимал участие в играх сверстников, усидчиво и терпеливо преодолевая не дававшийся ему труд ученья, кротко уступая товарищам и обнаруживая все признаки тяжеловесности и даже тупости. Весьма немногие умели различить в этом ребенке непреодолимую твердость, возвышенные помыслы и львиную отвагу. Но с течением времени жизнь разбудила мальчика и показала, что кажущаяся тупость была только благоразумием, а бесстрашие и отсутствие увлечения — постоянством и твердостью.

(Когда Аннибал* троекратно разбил римские войска при Тессино, Требии и Тразименском озере, римляне противопоставили ему Фабия с властью диктатора.)

* Полководец карфагенян, народа, жившего на северном берегу Африки, в нынешнем Тунисе. Аннибал перешел с карфагенскими войсками Испанию, Галлию и Альпы и вторгся в Италию.

Карфаген

Фабий выступает против Аннибала не с целью сразиться, а решив сломить и стереть силы врага временем, недостатком жизненных припасов, при изобилии их у римлян, и затем уже задавить остатки неприятеля многочисленными легионами. Оставаясь постоянно на возвышениях, недоступных неприятельской коннице, он как бы парит над врагом; коли неприятель спокоен, и Фабий не двигается; двинется неприятель — Фабий вращается около своих гор, настолько далеко от врага, чтобы не быть вынужденным принять сражение против воли, настолько близко, чтобы в его медленных движениях враг постоянно подозревал приготовление к битве.

Но затягивать таким образом дело значило вызывать всеобщее порицание, ропот стана, пренебрежение врага. Один Аннибал не впадает в заблуждение: один он понимает искусство и военный план Фабия. Убежденный в том, что необходимо хитростью или силою принудить диктатора к бою и что в противном случае карфагенянам грозит гибель, он прибегает ко всевозможным военным хитростям; подобно искусному борцу, испытывающему своего противника и старающемуся захватить его врасплох, Аннибал приближается к Фабию, с целью смутить его, увлечь за собою и ради собственной безопасности заставить отступить от первоначального плана. Но Фабий, уверенный в выгоде своего образа действий, непреклонен.

Сильно затруднял его задачу начальник римской конницы Минуций, охотник до бесцельных стычек, горевший нетерпением выказать свою храбрость, увлекавший воинов и возбуждавший

в них беспорядочное рвение и безумные надежды. Воины смеются над Фабием и презирают его, называя педагогом Аннибала. Напротив, Минуций в их глазах великий человек, полководец, достойный римского народа. И Минуций, всё более впадая в самодовольство и тщеславие, глумится над своим постом на высотах, как над прекрасным театром, нарочно построенным для диктатора, чтоб ему можно было любоваться Италией, преданной грабежу и пламени. Минуций спрашивает у друзей Фабия, не задумал ли диктатор вознести свое войско на небо и отречься от земли, или не надеется ли он, облекшись в туманы, укрыться от врагов. Друзья диктатора передают ему эту насмешку, убеждая его смыть с себя бесчестие отважным нападением на врага; но Фабий отвечает: "Я был бы гораздо трусливее, чем кажусь, если б боязнь этих насмешек и оскорблений заставила меня изменить моему решению. Бояться за родину не постыдно, но бояться мнения, клеветы, порицания недостойно человека, облеченного столь высоким званием, а прилично разве человеку, готовому отдаться в рабство людей, ошибки которых он должен сдерживать и подавлять".

(Наконец Фабий решает, что Аннибал в его власти: он заманил его на дорогу, ведущую сквозь одно ущелье Кампании.)

Аннибал хочет отступить: он сознает, что пошел по опасной дороге, понимает грозящую ему беду и велит распять проводников; затем, видя, что ему невозможно ни открыть себе проход, ни добраться до неприятеля на занимаемых им высотах, с войсками, потерявшими

Военная хитрость Анибала.

бодрость, испуганными и убежденными, что попали в ловушку, он намеревается обмануть Фабия. И вот что он делает. Он набирает около двух тысяч быков и велит навязать им на рога по пучку хвороста, с тем, чтобы ночью по данному знаку зажечь этот горючий материал и "погнать быков на высоты и в ущелье. Во время исполнения его приказаний он собирает войско и при наступлении ночи медленно приближается к неприятелю. Быки, пока огонь не разгорелся и пожирает лишь дерево, идут медленно в ущелье перед своими погонщиками, кажутся стоящим на высотах римлянам армией, наступающей строем и с горящими факелами. Но когда пламя стало жечь основание рогов и кожу, то быки, тряся головами, стали брызгать пламенем друг на друга и, взбешенные болью, метаться, разбегаться по горам и поджигать стоявший на них лес.

Зрелище это приводит в ужас римских сторожевых на высотах. Огни кажутся им горящими факелами в руках бегущих врагов; стража пугается и приходит в беспорядок; она ожидает, что все неприятельские силы нападут на нее со всех сторон; она не смеет оставаться на своем посту и отступает к главному войску, покидая ущелье. Пользуясь этим, легкие отряды Аннибала овладевают высотами а остальное войско спокойно проходит сквозь ущелье с тяжелой и богатой добычей.

(Несколько времени спустя, Фабий, отозванный в Рим для совершения религиозных обрядов, сдает предводительство войска Минуцию, запрещая ему вступать; в бой с неприятелем. Минуций нарушает приказание, нападает на Аннибала и

побивает часть его войска. Раздражение против Фабия достигает высшей степени; его обвиняют уже не в отсутствии решимости, а в измене. Не смея заставить его отказаться от диктатуры, облачают, однако, Минуция одинаковою с Фаби-ем властью.)

Надеявшиеся оскорбить диктатора плохо знали этого великого человека. Он не считал личным для себя несчастьем безумие других, а думал подобно греческому философу Диогену. Однажды последнему сказали: "Эти люди насмеются над тобою". — "Я, — отвечал он, — не иувствую себя осмеянным", выражая этим, что бывают осмеяны лишь те, которые считают себя осмеянными и сокрушаются этим. Так и Фабий перенес обиду с полным равнодушием, доказывая тем истинность убеждения философа, что человек честный не может быть ни оскорблен, ни обещен. Он скорбел только о вреде общественном и безрассудстве толпы, которая честолюбию безумца предоставила распоряжение войском и битвами. Сильно опасаясь, чтобы Минуций в увлечении тщеславием не навлек на войско какого-либо несчастья, Фабий выезжает из Рима, не сказав о том никому. Прибыв в стан, он застаёт Минуция в настроении, не допускающем соглашения, полным гордости и высокомерия и требующим начальствования над войском по очереди. Фабий отвергает эту меру, но разделяет с ним войско, убежденный, что лучше предоставить Минуцию предводительство одною частью, чем разделить с ним начальство над всеми войсками. Итак, он оставляет за собою первый и четвертый легионы, а Ми-

нуцию передает второй и третий. Союзные же войска распределяются поровну. Минуций восторженно чванится тем, что ради него унижена высшая и славнейшая должность диктатора. Фабий напоминает своему сопернику, что если он мудр, то должен бороться не с Фабием, а с Аннибалом. Минуций принимает слова Фабия за насмешливый совет старца, отходит со своею частью войска и разбивает отдельный стан.

(Аннибал, заметив это разделение, вовлекает Минуция в бой со всеми своими силами, В пылу битвы скрывавшиеся засады устремляются со всех сторон на римлян.)

Аннибал.

Тщеславный Минуций в отчаянии; смущенный, он обращается по очереди ко всем подначальникам, но никто из них не решается противостоять неприятелю, а все бегут, хотя не успевают спастись. Господствующие на местности нумидийцы

настигают и избивают рассеявшихся римлян. Но опасное положение уступленной Минуцию части войска не ускользает от внимания Фабия, который, предвидя последствия дележа, держал свой отряд под оружием и следил за движениями сражавшихся не по донесениям, а лично со сторожевого поста впереди стана. Он видит Минуциево войско окруженным, в беспорядке, слышит крики испуганных беглецов. Глубоко вздохнув, он говорит своим приближенным: "Клянусь Геркулесом, Минуций погубил себя раньше того, как я предвидел, и позже, чем он сам желал!" Приказав знаменосцам выступить вперед и войску двинуться, он воскликнул: "Кто помнит Марка Минуция, за мной! Он был храбр и любил родину! Если нетерпение прогнать неприятеля и вовлекло его в ошибку, то за это сочтемся потом". Едва появился издали Фабий, как окружавшие поле нумидийцы бегут и исчезают. Фабий устремляется на отряд неприятеля, зашедший римлянам в тыл, и убивает всех, кого может настигнуть. И остальные враги, боясь быть окруженными, как сами окружили римлян, отступают и бегут. Заметив этот поворот боя и увидя, что Фабий с силою, изумительною для его лет, пробивается сквозь сражающихся до возвышения, на котором стоит Минуций, Аннибал прекращает сражение, велит трубить отбой и отступает с карфагенянами в стан, к великой радости римлян, которые затем также возвращаются на прежнее место. Рассказывают, будто Аннибал, отступая, обратился к своим друзьям с таким замечанием и шутливым намеком на Фабия: "Я говорил вам, что туча, лежащая на высотах, когда-нибудь разразится бурей!"

После сражений Фабий собирает доспехи с убитых врагов и возвращается в стан, не позволяя себе сказать что-либо тщеславное или обидное для своего товарища. Минуций же, собрав свои войска, обратился к ним с такою речью: "Товарищи! Никогда не испытать неудачи при отправлении великих должностей превышает сил человека; но долг человека с сердцем и смыслом — сделав ошибку, извлечь из нее урок на будущее время. И потому я признаюсь, что не могу много жаловаться на судьбу, а, напротив, должен поблагодарить ее: чего я не понимал долгое время, то познал теперь мгновенно. Я признаю, что неспособен начальствовать над другими, что сам нуждаюсь в руководителе и не должен стремиться превзойти других, когда быть побежденным ими — достоинственно. У вас нет иного начальника, кроме диктатора: я поведу вас выразить ему нашу благодарность и сам первый подчинюсь его власти, покорный его голосу и готовый исполнить все, что ему угодно будет приказывать мне". После этих слов Минуций приказывает войску следовать за ним и отводит его в стан Фабия. Вступив в стан, Минуций направляется к палатке диктатора; все изумлены и в недоумении. Фабий выходит на встречу, Минуций приказывает положить пред ним знамена и громко называет его отцом. В свою очередь его воины называют Фабиевых патронами, именем, употребляемым вольноотпущенными в обращении к даровавшим им свободу. Когда шум смолк, Минуций обращается к Фабия: "Ты, диктатор, одержал сегодня двойную победу: своею храбростью ты победил Аннибала, своим благородием и великодушием ты побе-

дил своего товарища по должности; храбрость твоя спасла нас, благородие и великодушие — наставили. Испытать поражение от Аннибала было постыдно, быть побежденным тобою — спасительно и славно. Я называю тебя отцом потому, что нет имени более почетного; даровавший мне жизнь имеет менее прав на мою благодарность, чем ты; мой отец даровал жизнь мне одному, ты же спас нас всех". При этих словах он кидается в объятия Фабия. Воины следуют примеру своих начальников: жмут друг другу руки, обнимаются; весь стан в радостном восторге.

(Но жалобы римлян возобновляются, и Фабий слагает с себя диктаторство. Счастье покидает римлян, и они разбиты при Каннах. Но республика не падает под этим ударом, угрожающим ее существованию, а поддерживаемая мужеством Фабия, обнаруживает удивительную твердость.)

Фабий, который был так озабочен и так мало позволял себе надежд, когда другие не предвидели никакой опасности, — он же теперь, когда все впади в бесплодное уныние и предавались бесконечной горести, является в город спокойным, с лицом, полным надежды, ласковой речью успокаивая отчаявшихся женщин и рассеивая толпы, которые стекаются на улицах и площадях, оплакивая всеобщее бедствие. Он побуждает сенат собраться и ободряет должностных лиц, которые черпают у него воодушевление и силу и находят в нем опору. Он ставит стражу у всех ворот города, чтобы воспрепятствовать народу покидать город, ограничивает срок траура тридцатью днями и запрещает носить его на улицах.

Но всего: возвышеннее было за это время великодушные города к возвратившемуся в него беглецом консулу Варрону, виновнику самого постыдного и кровавого поражения, явившемуся с опущенной головой и со стыдом на лице. Сенат и народ вышли к нему на встречу к воротам города и приветствовали его с уважением. Должностные лица и главнейшие сенаторы, между ними и Фабий, благодарили Варрона за то, что после такого поражения он не отчаялся в республике и явился к исполнению своих обязанностей, чтобы побудить граждан к исполнению закона и трудиться на их спасение.

Узнав, что Аннибал после сражения направился в другую часть Италии, граждане ободряются и снаряжают войско и предводителей. Самыми знаменитыми из последних были Фабий Максим и Клавдий Маркелл; Фабия называли щитом, Маркелла — мечом Рима. В самом деле, твердость и благоразумие Фабия в соединении с предприимчивою деятельностью Маркелла обещали спасти римлян,

Рим осыпал Фабия почестями и избрал его сына в консулы. Однажды, когда сын исправлял свою должность и разбирал какое-то дело, касавшееся войны, отец, по причине ли старческой слабости или для испытания сына, садится на лошадь и подъезжает к окруженному народом сыну. Молодой консул, заведев его издали, не позволяет отцу приблизиться, а посылает к нему ликтора с просьбою, чтобы отец, если хочет говорить с сыном как с должностным лицом, слез с лошади и подошел пешком. Все присутствующие неприятно изумлены этим поступком и молча

обращают взоры на Фабия, как на оскорбленного в своей славе; Но Фабий, соскочив с лошади, быстро приближается к сыну и обнимает его: "Хорошо, сын мой, — восклицает он, — хорошая мысль, хорошее дело! Ты понимаешь, каким людям ты предпоставлен и каким высоким саном облечен. Этим способом мы и наши предки возвеличили Рим, всегда ставя наших родителей и детей ниже чести родины!

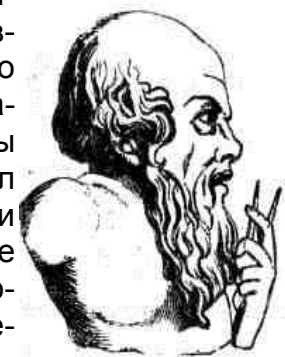
МАРКЕЛЛ

(Около 212 г. до Р. Х.)

Маркелл, пять раз бывший консулом, отличался опытностью в военном деле, был крепок телом, скор на дело и охотник до боя, с оговоркой, что воинственный пыл проявлялся в нем лишь на месте сражения. Во всем остальном он был умерен, человеколюбив, любил воспитание и греческое образование и чтит представителей последнего, хотя, занятый делами, не мог изучать их творений. Если существовали люди, которым, по словам Гомера, боги предопределили вести страшные войны с первых дней жизни до последних, то это были знаменитые римляне описываемого времени. В юности они сражались с карфагенянами в Сицилии, в зрелом возрасте — с галлами, в защиту Италии, в старости — снова с карфагенянами, предводительствуемыми Аннибалом, не имея возможности воспользоваться правами стариков, а вынужденные остаться в поле и сохранить за собою военное начальство, возложенное на них как знак внимания к их происхождению и храбрости, (Маркелл принимал деятельное участие в этих

трех войнах. Первою военною школою послужила ему Сицилия. Избранный в консулы в войну против галлов в Италии, он победил гезатов и убил в поединке их короля Бритомара. Таким образом, он был третьим и последним из римлян, которые сражались вождь против вождя. Посланный на Аннибала после поражения римлян при Каннах, Маркелл при Ноле дважды разбил карфагенские войска, расслабленные жизнью в Капуе. Затем он переправился в Сицилию и осадил Сиракузы.)

Маркелл подступил к Сиракузам одновременно с суши и моря. Сухопутной армией командовал Аппий, и Маркелл, плывя на шестидесяти весельных галерах с разного рода оружием и огромною машиной, поставленной на восемь связанных между собою галер, подступает к стене, полагаясь на количество и силу вооружения, а равно и на славу своего имени. Но сила римлян ничтожна пред машинами Архимеда*. Не то, чтобы этот великий человек сам считал свои машины очень ценными изобретениями: нет, они скорее служили ему забавой и были построены большей частью по желанию тирана Гиерона, поручившего ему эту задачу.

Архимед.

* Сиракузянин, величайший математик и механик древности, *Переводч.*

чившего Архимеду наглядно знакомить народ с открытиями в области наук.

Когда римляне напали на город одновременно с двух сторон, сиракузяне были поражены ужасом, так как не могли ничего противопоставить силе, которую считали непреодолимой. Но Архимед приводит в действие свои машины, и сразу останавливает сухопутное войско стрелами и громадными камнями, пущенными с неимоверною силою и быстротой; никто не может противостоять их удару; камни опрокидывают целые ряды воинов и приводят армию в смятение и беспорядок. Но и суда испытывают силу Архимедовых орудий: то на них обрушивается с высоких стен огромное бревно, разбивает их и погружает в бездну, то опускаются к ним подобно журавлиной голове, железные крючья, хватают их за передний конец, поднимают в воздух и топят; или суда, вращаемые двумя противоположными силами, разбиваются о выступающие между стен острия и скалы, тем же ударом убивающие всех пловцов. Каждое мгновение воины содрогались при виде судна, поднятого над морем и вращаемого то в одну сторону, то в другую, пока находившиеся на судне люди не были снесены с него этим движением и не разбивались о стены, либо не падали в воду.

Маркелл, не находя средств бороться, удаляется с флотом и вместе с тем велит и сухопутному войску отступить. Собравшийся военный совет решает попытаться подступить к стенам ночью. Военачальники надеялись, что на близком расстоянии Архимедовы машины будут бросать камни поверх голов наступающего врага и не причи-

нят ему вреда. Но Архимед заранее приготовил особые на такой случай машины, метавшие стрелы и камни и на коротком расстоянии: он устроил вдоль стен множество весьма близких одно к другому отверстий, сквозь которые невидимые для врага машины могли метать оружие.

Подкравшись к основанию стен, римляне считали себя в безопасности, но внезапно осыпанные градом стрел и камней, вылетающих из самых стен, они отступают. Однако это не избавляет их от опасности: стрелы настигают их и на значительном расстоянии. Таким образом римляне лишились множества людей и кораблей, не имея даже возможности бороться, потому что Архимед поместил все свои машины за стенами и римлянам казалось, что они сражаются с богами, которые невидимо рукою осыпали их смертоносным градом.

Однако Маркелл избежал опасностей и в насмешку над своими инженерами говорил: "И что же, так и не справиться нам с сиракузским геометром, этим новым Бриареем?"* В самом деле, все сиракузяне служили только как бы винтами Архимедовых машин. Сам он был Душою, приводившею все в движение; только его машины и защищали город: всякое другое оружие было оставлено в стороне. Наконец, видя римлян до того напуганными, что едва заметив высовывавшийся поверх стен конец веревки или бревна, они подозревали в нем какое-либо новое орудие Архимеда и обращались в бегство, — и сам

* В греческой мифологии Бриареем называлось чудовище с 50 головами и ста парами рук, в которых было сто мечей и сто щитов. *Переводч.*

Маркелл отказался от приступа и решился отложить осаду до поры до времени.

Силой и глубиной мысли Архимед скопил такое богатство научных открытий, что из-за них ему приписывали ум не человеческий, а божеский. Но ни одно из этих открытий он не записал для потомства, считая всякое искусство, служащее земным целям, занятием неблагородным, низким и уважая лишь науки, совершенство которых не диктовалось никакою нуждою. Этим объясняется предание, что Архимед жил всегда как бы очарованный домашней сиреной, которая заставляла его забывать и еду, и питье, и заботу о собственном деле. Часто, даже в бане, Архимед до того увлекался своими научными соображениями, что на золе камина или на своих умощенных членах чертил пальцем фигуры.

Отступив от защищаемых Архимедом Сиракуз, Маркелл совершил много военных подвигов. Он обошел почти всю Сицилию, отвлек многие города от союза с карфагенянами и разбивал все войска, осмеливавшиеся мериться с ним силами в открытом поле. Несколько времени спустя, он взял в плен одного спартанца, вышедшего из Сиракуз. Когда сиракузяне выразили желание выкупить этого пленного, завязались переговоры, в течение которых Маркелл замечает одну плохо охраняемую башню, к которой можно тайно пробраться по стене. Он верно измеряет глазами высоту стены, велит приготовить лестницы и, пользуясь праздником, справляемым сиракузянами в честь богини Дианы, незаметно овладевает ночью этой башней и прилегающей стеной, а когда сиракузяне при виде неприятелей приходят в

смятение, велит со всех сторон играть на трубах, что производит такое впечатление, как если бы был взят весь город. Однако Ахрадина, часть города, укрепленная лучше внешней, осталась во власти жителей.

Овладев к утру и этой частью, Маркелл принимает поздравления приближенных. Рассказывают, что, оглядывая с возвышенной точки величину и красоту города, он заплакал, в горьком предвидении того, что должно было случиться: ему представлялось, как этот город будет вскоре обезображен его воинами. А между тем ни один из военачальников не смел возражать солдатам, ожидавшим разрешения грабежа; многие требовали даже, чтобы город был сожжен и разрушен до основания. Но Маркелл решительно отклонил это последнее желание и только поневоле разрешил разграбление сокровищ и захват рабов, строго запретив касаться лиц свободных, убивать, бесчестить или брать в рабство кого-либо из сиракузян. Но и выказывая эту умеренность, он сожалел об участи города и выражал это сочувствие и сострадание при всей радости, которую он должен был ощущать при уничтожении благосостояния и роскоши враждебного его родине города. Сильно опечалила Маркелла весть о смерти Архимеда. Философ сидел дома один, размышляя над каким-то геометрическим чертежом. Углубившись в созерцание его и глазами, и умом, он не заметил ни беготни в городе, ни взятия его римлянами. Внезапно пред ним является воин и приказывает ему идти к Маркеллу. Архимед не хочет исполнить требования до разрешения задачи и установления доказательства.

Раздраженный воин обнажает меч и убивает старика. Огорченный Маркелл отрицал свою сопричастность к убийству Архимеда и приказал отыскать родственников философа, чтоб оказать им почет.

Призываемый обратно в Рим, Маркелл увозит с собою почти все, что было прекрасного в храмах Сиракуз, чтобы возвысить блеск своего торжества и украсить свой родной город. До того времени Рим не был знаком с такою роскошью, в нем нельзя было найти таких прелестных, тонких украшений. Переполненный кровавыми боевыми доспехами, увенчанный памятниками военных торжеств, Рим представлял лишь мрачные, страшные виды, несоответствовавшие вкусу людей миролюбивых. Поэтому-то Маркелл приобрел громкую славу тем, что украсил город предметами, которые привлекали эллинским* изяществом и разнообразием форм. Люди престарелые отдавали предпочтение поведению Фабия Максима. По взятии Тарента он не увез из него ни одного подобного предмета; он взял сокровища, но оставил статуи, произнося знаменитые слова: "Оставим тарентинцам их раздраженных богов". Маркелла, напротив, упрекали: во-первых, в том, что он осквернил город, влача тленных богов за своей победной колесницей; во-вторых, что народу воинственному или земледельческому внушил гордость знанием искусств и приучил своих сограждан тратить на них большую часть дня. Маркелл же гордился этим, говоря, что именно он познакомил невежественных римлян с чудно-

* Греческим. *Переводч.*

Смерть Архимеда.

прекрасными мастерскими произведениями Греции и научил восхищаться ими.

(Маркелл замечателен менее своими воинскими дарованиями, чем своей любовью к греческой литературе и произведениям искусства. Его поведение в Сиракузах свидетельствует одновременно и об его просвещенном уме и кротости

его нрава, а смерть его скорее приличествовала бы искателю приключений, чем воину.)

Никто не горел более жарким желанием померяться в бою с Аннибалом, чем Маркелл. Ночью это было его сном, днем, среди друзей и товарищей, его единственною мыслью; богов он молил лишь о том, чтобы свести его в битве с Аннибалом. И при этом самую заветную мечтою Маркелла было вступить с карфагенским героем в рукопашную схватку. И если бы Маркелл не совершил многих славных подвигов, могущих служить явным доказательством тому, что он был военачальником разумным и с высокими помыслами* то я сказал бы, что он впал в юношеское увлечение, отдался мечте безумной для старца (во время его пятого консульства Маркеллу было шестьдесят лет.)

Выступив из Рима со своим войском для продолжения войны, Маркелл располагается станом между городами Банцией и Венузией, откуда лостоянно тревожит Аннибала. Аннибал не принимает битвы, но, уведомленный, что консулы Бруциума* послали отряд войска против локридян**, устраивает засаду и избивает из этого отряда две тысячи семьсот человек. Этот удар распаляет нетерпение Маркелла, который снимается со стана и направляется с войском на врага.

Между двумя станами находился холм, представлявший выгодную стоянку, но поросший различным лесом; с обеих же сторон холма были

* Древнее название нынешней Калабрии, юго-западного конца Италии.

** Локры — значительный город южной Италии. *Переводч.*

овраги, на дне которых: протекали ручьи. Римляне удивляются, что Аннибал, прибывши на место первым, не занял такой выгодной стоянки, а предоставил ее врагам. Аннибалу же место показалось прекрасным для стана, но еще лучшим для засады. И потому, решившись воспользоваться им для этой последней цели, он наполнил лес и овраги множеством стрелков и копейщиков, уверенный в том, что римляне соблазнятся удобством местоположения. Надежда не обманула его. Во всем римском войске раздается крик: "Надобно завладеть этой стоянкой!" Всякий заявляет свои военачальнические соображения о выгодах пред неприятелем, какие доставит эта возвышенность, по крайней мере, если ее укрепить! И Маркелл считает необходимым послать в направлении холма разъезд из нескольких всадников. Он призывает прорицателя и приносит жертву. Когда предвестия оказываются благоприятными, он выезжает вперед со своим сыном, трибуном легиона и отрядом всадников в сто двадцать человек. Между последними не было римлян: весь отряд состоял из этрусков и только сорока фрегелланов*, которые всегда доказывали Маркеллу свою отвагу и верность. Холм был густо покрыт лесом, и на вершине стоял на страже неприятельский воин; незамеченный, он высматривал происходившее в стане римлян и передавал вести воинам засады. Они позволяют Маркеллу приблизиться и, когда он поравнялся с ними, внезапно вскакивают, рассеиваются вокруг него, мечут в него стрелы, нападают с мечами,

* Фрегеллы.— древний город вольсков. *Переводч.*

преследуют бегущих и вступают в бой, с оставшимися, именно фрегелланами. Этруски, сначала было оробевшие, потом поворачивают и сражаются перед консулами до мгновения, когда Криспин, раненный двумя метательными копьями, обращается в бегство, а Маркелл, пронзенный в бок широким копьем, падает на землю. Тогда оставшиеся в живых фрегелланы, покинув Маркелла, поднимают его раненого сына и бегут в стан. В этом бою пало не более сорока человек; пять ликторов и восемнадцать всадников попали в плен. Но один из римских консулов пал на поле сражения, а другой, Криспин, умер от ран, пережив бой только несколькими днями. Поэтому можно сказать, что никогда римляне не претерпевали такого поражения, никогда не случалось, чтобы оба консула погибли в одной и той же битве.

Аннибал очень мало заботился о павших римлянах, но, едва узнав о гибели Маркелла, отправляется на место побоища и, стоя перед трупом консула, долго рассматривает признаки телесной силы и лицо своего деятельного и, бывало, опасного врага, не позволяя себе никакой насмешки, не обнаруживая радости. Он, по видимому, лишь удивляется неожиданной смерти, снимает с мертвого кольцо, приказывает покрыть тело приличными украшениями, с почетом завертывает его и велит сжечь; затем, сложив пепел в серебряную урну, на которую накладывает золотой венок, он отправляет останки Маркелла его сыну. Посланцы встречают по дороге нескольких нумидийцев, которые намереваются отнять у них урну и для этого прибе-

гают к насилию; происходит драка-, и останки Маркелла рассыпаются по земле. Узнав об этом, Аннибал говорит окружающим его: "Против воли богов ничего не сделаешь!" Он наказывает виновных нумидийцев, но не пытается собрать останки, как бы полагая, что боги хотели послать Маркеллу необычайную смерть и странным образом лишить его погребения.

КАТОН СТАРШИЙ

(Около 184 г. до Р. Х.)

Марк Катон родился в Тускулуме. Предки его во все не знамениты; но сам Катон хвалит своего отца Марка, как честного человека и хорошего солдата, а о деде, заслужившем несколько наград своею храбростью, рассказывает, что когда он потерял в различных сражениях пять боевых коней, то, во внимание к его храбрости, стоимость коней была выдана из общественной казны. У римлян лица незнаменитого рода, прославлявшиеся собственными заслугами, обыкновенно назывались новыми людьми, и Катон был так называем; но если он был человеком новым по почестям и должностям, то по добродетельным подвигам своих предков принадлежал к самому древнему роду. Он был рыжеволос и с голубыми глазами. Сильное телосложение, постоянный труд, простота жизни и привычка к военной службе, в которую он вступил в ранней юности, поддерживали его здоровье.

Признавая речь орудием не только честным, но и необходимым для человека, не желающего жить в неизвестности, бедствии, Катон упражнялся в красноречии по селам и городам, защи-

щая пред судом просивших его о том. Таким образом он приобрел известность ревностного ходатая, а затем оратора. Прибегавшие к его помощи познали в нем возвышенность помыслов, по-видимому, предназначавшую его для великих дел и высоких должностей в республике. При этом Катон доказал и свое бескорыстие, отказываясь от всякого вознаграждения за свои речи и защиту. Но слава адвоката и оратора не удовлетворяла его; он предпочел приобрести известность в вооруженной борьбе с врагами отечества, и еще в юности тело его было покрыто следами славных ран. Он сам говорит, что первый поход свой совершил семнадцати лет, в то время, когда Италия была опустошаема победителем Аннибалом. В боях Катон отличался быстротою удара и стойкостью; при свирепой наружности речи его были полны угрозы, а голос страшен врагам, и Катон справедливо полагал и учил других, что эти средства действуют на врага часто сильнее меча. В поход он шел пешком, сам неся свое оружие; за ним следовал только один раб, со съестными припасами, и что бы этот раб ни подал ему к обеду или ужину, Катон никогда не изъявлял неудовольствия, не позволял себе укоризн; напротив, исполнив свои собственные служебные обязанности, он всегда помогал своему рабу. В войске он не пил ничего, кроме воды; лишь когда его мучила жажда, он спрашивал уксусу, а истомившись ходьбой — немного вина домашнего приготовления.

В деревне Катон жил подле дома Мания Курия, который троекратно был удостоен победного шествия. Катон часто посещал дом Курия, и видя ограниченность его полей и простоту жилища

останавливался на мысли, что Курий, величайший из римлян, покоривший самые воинственные народы и прогнавший Пирра из Италии, сам обрабатывал свой лоскут земли и после своих

Земледелие и сельский быт.

трех триумфов жил в столь скромном домике. В этом жилище застали Курия самнитские послы перед очагом, за варкой репы и предложили ему груды золота*. Курий отказался, говоря: "Довольствуясь таким обедом, человек не нуждается в

* Чтобы достигнуть выгодных условий мира. *Переводч.*

золоте; притом же я нахожу менее великим обладать золотом, чем побеждать богатых им". На пути домой Катон размышлял обо всем этом и, вновь увидя свой дом, поля и рабов, удваивал свой труд и устранял все лишнее.

Другим соседом Катона был патриций Валерий Флакк, умевший различать в других зачатки доблести, развить их и направить к славе. Он с удивлением узнал, что Катон раненько отправляется в суд защищать просящих его о том, потом возвращается на свое поле и, зимою в простой тунике*, а летом голый, работает со своими рабами; затем, по окончании труда, садится вместе с ними, ест тот же хлеб, пьет то же вино, Валерию рассказывают сотню других примеров Катоновой доброты и умеренности, приводят некоторые из его полных смысла изречений. Валерий приглашает Катона к себе, на ужин. Сошедшись с Катоном, Валерий различает в нем человека доброго и честного, который, подобно хорошему растению, требует ухода, доброй почвы и ясного неба, и потому уговаривает Катона переехать в Рим и принять участие в общественных делах. Катон едет и защитой подсудимых в короткое время приобретает почитателей и друзей. Валерий, со своей стороны, покровительствует ему в достижении почестей и власти. Катон делается сначала военным трибуном, затем квестором. Прославившись, он назначается, вместе с Валерием, на самые высшие должности: становится консулом, а скоро затем цензором.

Красноречие Катона принесло ему славу; его

* Рубаха до колен, составлявшая нижнюю одежду. *Переводч.*

называли римским Демосфеном*; но особенную славу и чрезвычайное уважение принесла Катону его частная жизнь. В самом деле, дар речи был не таким уж редким достоянием и для других представителей молодежи. Но человек, верный теории о важности личного труда, довольствующийся скромным ужином, изготовленным без помощи огня, и простою одеждой, счастливый обладанием самого плебейского жилища, решающийся лучше не нуждаться в избытке, чем искать его приобретения, — такой человек был редкостью в тогдашней республике, которая, расширившись, утратила чистоту нравов и, вследствие своего господства над столькими народами и странами, представляла крайнюю смесь нравов и многообразнейший образ жизни. Действительно, в Катоне было чему удивляться. Между тем как другие граждане, утомляясь малейшим трудом, изнеживали себя удовольствиями, один Катон оставался непоколебимо верен древней простоте не только в юности, когда искал почестей, но и седым стариком, после консульства и триумфа, подобно привыкшему к победам атлету, который продолжает свои обычные упражнения до самой смерти. Катон сам говорит, что никогда не носил платья ценою более ста драхм**, никогда, ни полководцем, ни консулом, не пивал иного вина, как подаваемого его работникам; кушанья его обеда никогда не стоили более тридцати ассов***. И все это Катон пере-

* Величайший из древних ораторов, грек.

** Драхма — древняя греческая серебряная монета, ценностью около наших 6 коп. сер.

*** Медная монета, стоившая на наши деньги около* 2 коп, сер. *Переводч.*

носил на пользу республики, чтобы сохранить бодрость для военной службы. Получив по наследству вавилонский ковер, Катон тотчас же продал его; ни одна из его загородных дач и ферм не была оштукатурена или снабжена обоями; никогда он не покупал раба дороже полуторы тысячи драхм, потому что искал людей не нежного телосложения, не красивых мальчиков, а выносливых работников, конюхов и пастухов. И когда они старились, он признавал нужным продать их, чтобы не приучать к даровой пище. В этом он был, кажется мне, неправ. Мне кажется, что прогонять и продавать состарившихся слуг, даже состарившийся скот, может лишь человек жестокий, полагающий, что люди связаны исключительно нуждою. Что до меня, то я не желал бы продать по старости даже своего рабочего быка, не только что старого слугу; сделав это, я прогнал бы человека из кормившего его дома, как из родины, оторвал бы его от обычного рода жизни и поступил бы с ним таким образом из-за денег, причем купля не принесла бы пользы ни продавцу, ни приобретателю. Но Катон едва не тщеславился подобными поступками: он сам говорит, что лошадь, служившую ему в походах, совершенных им в звании консула, он оставил в Испании, чтобы не заставить республику платить за перевозку. Возвышенность ли это помыслов или скарденность — предоставляю судить читателю.

Во всем Катон был изумительно умерен. Правители провинций и губернаторы обыкновенно удручали поставкою палаток, постелей, одежд; не говорим уже о сопровождавшем их множестве слуг и друзей, о расходах на стол и пышное, жилище губернаторов. Катон же, будучи назна-

чен губернатором Сардинии, жил неимоверно просто. Никогда, ни по какому случаю он не налагал на провинцию расходов на себя. Для

Домашняя утварь богатых римлян.

посещения города он ходил пешком, без повозки, сопровождаемый лишь одним должностным лицом, которое носило за ним перемену платья и чашу для употребления ее при жертвоприношениях. Непритязательный в этом отношении ко

всем подчиненным, Катон во всем остальном был взыскателен и строг: неумолим в отправлении правосудия, непреклонен в требовании, чтобы его приказания были исполняемы. Никогда власть Рима не была ни страшнее, ни приветливее.

(Катон, бывший консулом и удостоенный триумфа, не счел для себя унижением сопровождать, в звании лишь трибуна, Ациссия, посланного в Грецию против Антиоха Великого. Он много способствовал победе при Фермопилах.)

Несколько лет спустя Катон был по выбору назначен цензором, несмотря на сопротивление знати. Он начал исправление своей должности тем, что назначил старшим сенатором друга своего Валерия Флакка, данного ему в товарищи. Катон удалил из верховного собрания нескольких сенаторов, среди них бывшего консула Луция Квинция, брата Тита Фламиния. Главною целью, к которой стремился Катон, не останавливаясь пред возникшей против него ненавистью, было изгнание роскоши. Не имея возможности прямо напасть на зло, заразившее уже множество римлян, Катон напал на него косвенными путями. При оценке одежд, карет, женских украшений и остальной движимости, как скоро цена какого-либо предмета превышала полторы тысячи драхм, Катон оценивал его вдесятеро дороже, чтобы сообразно тому возросла и подать. Он взимал три асса с тысячи, чтобы, испугавшись этой подати и видя скромных граждан платящими казне менее с равного имущества, расточители были вынуждены отказаться от роскоши. Нисколько не заботясь о раздающихся против него упреках, Катон

обнаруживает еще большую строгость: велит уничтожить водопроводы от общественных фонтанов к домам и в сады частных лиц, разрушить здания, выдающиеся в улицы, понижает плату за работы, производимые по подряду, и увеличивает налог с продажи. Меры эти возбуждают против него чрезвычайную ненависть в затронутых ими лицах. Трибуны добиваются присуждения Катона к штрафу в два таланта. Катон встречает сильное сопротивление при постройке базилики*, которую он возводил на форуме, повыше здания для заседаний сената. Но Катон доканчивает постройку и называет здание Базиликою Порциев**.

Однако, кажется, большинство народа одобряло меры Катона. Строгому цензору была воздвигнута статуя в храме Здоровья с надписью: "Римская республика впадала в зло. Катон, став цензором, установил правила столь мудрые, учреждения и законы столь предусмотрительные, что укрепил и возвысил государство".

Катон вступил в брак с женщиною более знатною, чем богатою, думая, что хотя знатность и одинаково с богатством внушает гордость и высокомерие, однако женщина знатного происхождения скорее постыдится зла и скорее последует добрым внушениям. По мнению Катона, человек, бьющий свою жену или своего ребенка, налагает руки на предметы священные. Катон

* Здание с колоннадой для заседаний суда.

** Римский плебейский род, к которому принадлежали и Катоны. *Переводч.*

более гордился тем, что был хорошим мужем, чем своею славою в качестве сенатора. В Сократе* он наиболее уважал кротость и неизменную доброту к сварливой женщине и дерзким детям. Когда Катон стал отцом, никакое спешное дело, кроме общественной пользы, не могло помешать ему помочь жене, например, в обмывании и пеленании мальчика. Мать сама кормила ребенка грудью и нередко давала грудь детям своих рабов, чтобы общая пища расположила их в пользу ее сына. Как только мальчик достиг нужного возраста, Катон сам научил его читать, хотя у него был ученый и умный раб по имени Хилон, учивший многих детей. Катон, как сам говорит, не хотел, чтобы раб бранил его сына или драл его за уши за непонятливость или лень, ни того, чтобы сын был обязан рабу таким великим благом, как воспитание. И потому Катон сам учил сына грамматике, законам, гимнастике, не только метанию копья, но и бою во всем вооружении, езде верхом, бою на кулаках, учил выносить холод и жар, переплывать в быстрых местах Тибр. Катон прибавляет, что сам переписал для сына крупным почерком замечательнейшие события истории, чтобы ребенок дома развивался на благом примере древних римлян. Таким образом Катон воспитывал в своем сыне все добродетели.

(Старая, Катон не прерывал своих нападений на нравы римского общества, а еще усилил их,

* Сократ — один из величайших греческих мыслителей и характеров. *Переводч.*

всё более страшась обнаруживавшегося повсюду зла. Философы, последователем которых он и сам был некогда, показались ему зачинателями порчи, и он удалил их из Рима. Но борясь с нравами своего времени, Катон сам иногда подпадал под их влияние. Таким образом он подчинялся прелести богатства, только не употреблял его, подобно своим соотечественникам, на неслыханную роскошь, а впадал в противоположную крайность: стал копить. А скупость развила в Катоне и другие пороки: обратила строгость в неумолимую суровость даже к легким проступкам.)

Он, который, будучи еще бедным и простым солдатом, считал низостью ранить прислуживавшего за столом раба, позднее, разбогатевши, стегал ремнем небрежно изготовивших или подавших кушанья. Он старался поселить между своими рабами ссоры и вражду, опасаясь их дружелюбного согласия и его последствий. Если раб совершал преступление, достойное смертной казни, то Катон судил его в присутствии прочих рабов и, в случае осуждения, подвергал его смерти.

Став жадным к барышу, Катон смотрел на малоодоходное, сравнительно, земледелие уже не как на источник дохода, а скорее как на забаву, и потому искал своим деньгам оборот более верный и прибыльный, покупая рыбные пруды, теплые ключи, местности, выгодные для устройства сукновален, плодоносные земли, без всякого ухода производившие пастбища и лес, — имения, дававшие ему большой доход и которым, говорил он, Юпитер не может причинить ущерба.

Он занимался такого рода деятельностью, которая была в большом презрении, а именно морским ростовщичеством, состоявшем в следующем. Он требовал от своих должников, чтоб они составили товарищество для морской торговли. Когда набиралось пятьдесят участников и столько же кораблей, он выговаривал себе от каждого корабля известную долю, оборот которою поручал своему вольноотпущенному Квинтиону, совершавшему вместе с должниками Катона все сделки и путешествия. Таким образом Катон никогда не подвергал риску свои деньги, а вел оборот на малую долю их и притом из-за большого барыша. Чтобы привлечь своего сына к такому же промыслу, он говорил ему, что расходовать свое добро прилично не мужчине, а разве только вдове. Но всего поразительнее в Катоне то, что он осмелился сказать, будто человек, наиболее достойный восхищения и славы и даже божественный — тот, который по счетным книгам оставляет после себя более, нежели получил.

Последним государственным делом Катона было разорение Карфагена. Правда, увенчал это дело Сципион младший; но война была начата по настояниям Катона, по такому поводу. Катон был послан для исследования причин раздора воевавших друг с другом карфагенян и нумидийца Масиниссы. Издавна Масинисса был в дружбе с римским народом, а карфагеняне после поражения их Сципионом испросили себе мир, лишь отказавшись от своей независимости и под условием платить тяжелую дань. По приезде на

место, Катон видит их город не ослабленным и униженным, каким представляли его себе римляне, а населенным цветущею молодежью, изобилующим богатствами, снабженным всяким оружием и военными припасами и лелеющим обширные замыслы. Катон приходит к убеждению, что Риму не время разбирать и устраивать дела нумидийцев и Масиниссы, а что если римляне не поспешат уничтожить город, глубоко и вечно им враждебный и усилившийся вопреки всем ожиданиям, то им будут грозить прежние опасности. И потому Катон поспешно возвращается, сообщает сенату, что поражения и минувшие бедствия карфагенян менее ослабили их, чем образумили, и что войны, по всей вероятности, не отняли у них силы, а, напротив, придали им готовность сопротивляться врагам. Ссорой с нумидийцами карфагеняне как бы готовят себя к борьбе с римлянами: для них и договоры — лишь остановка в борьбе, возможность выждать случай.

Говоря это, Катон роняет посреди сената принесенные в подоле ливийские финики, и собрание изумляется их величине и прелести. Катон замечает, что страна, производящая эти плоды, находится лишь в трех днях плавания от Рима. Но лучшим доказательством ненависти Катона к карфагенянам может служить то обстоятельство, что о чем бы ни говорил он в сенате, каждую речь заключал словами: "Впрочем, я думаю, что нужно разрушить Карфаген".

ТИТ КВИНЦИЙ ФЛАМИНИЙ

(Около 196 г. до Р. Х.)

Тит Квинций Фламиний был скор и на гнев, и на милость, но с тою разницею, что наказывал лишь легко и без упорства, в услугах же был постоянен: при всякой встрече внимательный к обязанным ему людям, как бы к равным себе, и всегда считая наибольшей наградой дружбу благодетельствованных им лиц. Из любви к славе Фламиний хотел быть единственным виновником своих прекраснейших и величайших деяний и предпочитал нуждавшихся в его благодеяниях тем, которые могли оказать ему помощь: в одних он видел повод к проявлению добродетели, в других — соперников к славе.

Судьба возложила на Фламиния ведение войны против Филиппа и македонян, и, к счастью римлян, ни дела, ни люди, которыми предстояло руководить Фламинию, не нуждались в начальнике, привыкшем или вынужденном прибегать постоянно к войне и насилию, а скорее требо-

вали человека, способного вести их убеждением-и переговорами. В первом столкновении Филипп мог опереться на могущество одной Македонии; но в войне продолжительной силу, деньги, оружие его армии доставляла Греция. И потому, пока греки не покидали Филиппа, война против него не могла ограничиться одним сражением. Греция еще не привыкла к важным сношениям с римлянами, а лишь в первый раз была вовлечена в их дела, и если бы военачальник римлян не был доброжелателен по характеру, более склонен к примирению, чем к насилию, способен действовать убеждением и уступать просьбе, в то же время непоколебимо оберегая свои права, то не легко было бы заставить греков признать вместо их прежнего господина чужеземного.

(Умеренность Фламиния скоро была вознаграждена. Едва высадясь на берег, он победил Филиппа на берегах реки Ауса (нынешнего Воюса). Для привлечения греков на сторону Рима Фламинию достаточно было приказать своим войскам соблюдать умеренность относительно проходимых стран. Этот искусный образ действия, в сравнении с поступками Филиппа, который при своем отступлении разграбил и пожег несколько городов в Фессалии, произвел впечатление весьма выгодное для римлян.)

Едва проникли римляне в Фессалию, как все города стали сдаваться им: греки по ту сторону Фермопил* радовались приходу Фламиния. Ахеяне** отказались от союза с Филиппом, пореши-

* Горный проход между древнею Фессалией и остальною Грецией.

** Жители Ахаии, в северной части Пелопоннеса, теперешнего полуострова Морей. *Переводч.*

ли соединиться с римлянами для войны с ним. Опунцы*, которым этоляне**, бывшие тогда верными союзниками Рима, предложили поставить в их город войско для защиты, не принимают

Консул Фламиний в Греции.

этой помощи, а призывают Фламиния и, по данному им слову, передаются римлянам.

Эти союзники, которые, слушая рассказы ма-

* Жители берегов Унтского залива, что ныне залив Таланта.

** Этолия — область на северном берегу Коринфского залива. *Переводч.*

кедонян, ожидали встретить предводителя армии варваров, разрушавших и порабощавших все силой оружия, увидели вместо того юношу, правильно говорившего по-гречески и стремившегося к истинной славе, были очарованы и, разойдясь по городам, вселяли дружественное расположение к римскому вождю и уверяли своих единоземцев, что они найдут в этом человеке освободителя. Между тем Фламиний завязал переговоры с Филиппом, по-видимому желавшим мира, и предложил ему дружбу римлян, однако при условии, чтобы Филипп возвратил грекам свободу и вывел свои гарнизоны из занятых им городов. Но царь македонский отверг это условие. С этих пор даже сторонники Филиппа должны были признать, что римляне воевали не с греками, а с македонянами, защищая греков.

Вследствие этого все удавалось Фламинию даже без борьбы. Когда он мирно проходил Виотию*, знатнейшие фивяне вышли встречать его. Они стояли за македонян, но желали почтить Фламиния в качестве друзей обеих сторон. Он принял их милостиво, подал им руку и продолжал идти с ними, то обращаясь к ним с вопросами, то рассказывая и занимая их, пока его отставшие воины нагоняли передовой отряд. Подвигаясь вперед, Фламиний вошел, наконец, вместе с фивянами и в их город. Его новые друзья хотя не были этим довольны, но не смели воспрепятствовать Фламинию войти, тем более что его

* Страна древней Греции; города ее составляли Виотийский союз, во главе которого стоял город Фивы.

Переводч.

сопровождал довольно многочисленный отряд. Войдя в Фивы, Фламиний, будто город не был в его власти, убеждает фивян принять сторону римлян и в этом находит поддержку со стороны находившегося в Фивах пергамского царя Атталы*. Но при этом Аттал, вероятно, от усилий обнаружить пред Фламинием больший пыл красноречия, чем дозволенный его летами, впадает среди речи в обморок или в припадок удушья, падает и лишается сознания. Несколько времени спустя он был перевезен на собственных кораблях в Азию, где и умер. Тем не менее виотийцы вступают в союз с римлянами.

(Усилившись помощью греков, Фламиний предпринимает новый поход и разбивает Филиппа наголову при Киноскефалах. Строй македонский был впервые разорван по причине неровности почвы, и воины, стесняемые в своих движениях тяжелым оружием, не могли биться в одиночку с римлянами.)

Этоляне, дозволившие Филиппу бежать, оскорбили Фламиния, приписав победу себе и поторопившись разнести о ней в этом виде слух по Греции. И потому Фламиний стал действовать без них. Этоляне сердятся, и когда к Фламинию является македонское посольство, они распространяют по городам весть, будто римляне готовятся из-за денег заключить мир с Филиппом, когда можно покончить войну и уничтожить силу, которая первая поработила Грецию. Эти жалобы этолян поселяют раздор в союзниках; но подозрения рассеиваются Филиппом, который сам является для заключения мира и предает судьбу

* Пергамское царство было в Малой Азии. *Переводч.*

свою во власть Фламиния и римлян. Фламиний оставляет Филиппу македонское царство, но обязывает побежденного противника отказаться от всяких притязаний на Грецию и уплатить тысячу талантов*, отнимает все его корабли, за исключением десяти, и берет в заложники одного из сыновей Филиппа, Деметрия, которого и отсылает в Рим.

Находившиеся в стане римлян десять посланцев от сената советовали Фламинию объявить свободу всем остальным грекам, за исключением Коринфа, Халкиса и Димитриады, в которые предполагали поставить гарнизоны для защиты страны от Антиоха**. Тогда этоллы, очень склонные к пересудам, всячески стараются отвлечь греческие города от союза с римлянами. Они просят Фламиния снять с греков оковы, как Филипп обыкновенно называл три упомянутые нами города, и в то же время задают грекам вопрос, существует ли повод радоваться тому, что оковы эти стали глаже, хотя и тяжелее, и следует ли считать благодетелем Фламиния, который, сняв оковы с ног Греции, наложил ей то же ярмо на шею.

Оскорбленный этими подозрениями, Фламиний настаивает перед советом и наконец склоняет его к выводу гарнизонов из городов, чтобы грекам оказана была полная милость. В это время праздновались истмийские игры***, и греки, освободившись от войны, уверенные в заключе-

* Талант серебра содержал около 1 1/2 пуда металла и стоимостью равнялся приблизительно 1,300 руб. сер.

** Царя сирийского Антиоха Великого.

*** Праздновались в честь Нептуна, бога моря, каждые 2 года, на Истме, т. е. перешейке коринфском. *Переводч.*

нии мира и надеясь на дарование свободы, стеклись на игры в необъятном числе. Труба подает знак к молчанию, выступает герольд и произносит следующее объявление:

"Римский сенат и полководец — консул Тит Квинций, победив Филиппа и македонян, освобождают от гарнизона и объявляют независимыми, свободными от податей и полноправными в управлении собою по народным законам: коринфян, локров, фокейцев, эвбеян, ахейн, фтиотийцев, магнетов, фессалийцев и перребов".

За всеобщим изумлением и волнением слова герольда не были расслышаны ясно и до конца; присутствующие переспрашивали друг друга и просили повторить объявление. Тогда восстанавливается молчание, и герольд, усилив свой голос, дает услышать себя на всех ступенях игрища; общий крик радости раздается до самого моря; весь амфитеатр встает; никто уже и не думает о бойцах; все кидаются к Фламинию, хватают его за руки, называют спасителем, защитником Греции. Тогда оправдалось рассказываемое о силе крика многочисленной толпы: случайно летевшие над собранием вороны падали в беспамятстве на ристалище.

(В войне против Антиоха Тит Квинций был назначен товарищем консулу Манию Ацилию по причине своего влияния на греков. Он утвердил союз большинства греков с римлянами и после сражения ходатайствовал пред консулом в пользу остальных. Спасенные таким его заступничеством халкидяне посвятили ему, как бы божеству, свои прекраснейшие общественные здания.)

Ожесточение, с которым Фламиний пресле-

довал Аннибала, вызвало всеобщее омерзение. Аннибал бежал из Карфагена и нашел приют у Антиоха сирийского. Когда же этот царь, после сражения во Фригии, был вынужден заключить мир, Аннибал поселился в Вифинии при дворе Прузия. Римляне знали об этом, но не хотели преследовать слабого и престарелого врага, пораженного судьбой. Но Тит Квинций, посланный сенатом к Прузию по другим делам, находит Аннибала в стране, раздражается мыслью, что этот человек еще жив, и, несмотря на просьбы Прузия в пользу страдальца, настаивает на умерщвлении Аннибала.

Аннибал всегда подозревал слабость Прузия и его страх пред римлянами и потому устроил от своего жилища семь подземных ходов, выведших в разные скрытые места. Узнав о домогательстве Тита Квинция, Аннибал хотел бежать одним из этих ходов, но, задержанный стражею царя, решился лишить себя жизни. Он развел в вине находившийся при нем яд и, взяв чашу, сказал: "Избавим римлян от страшной заботы, так как они тяготятся ожиданием смерти ненавистного им старца. Но Тит одерживает победу, бесславную и недостойную его предков, которые уведомили Пирра, своего врага и победителя, о заговоре для его отравления".

Таков был конец Аннибала. Когда об этом событии было донесено сенату, Тит Квинций подвергся всеобщему порицанию за чрезмерную жестокость: он погубил Аннибала, не будучи вынужден к тому ничем, кроме славолюбия, намереваясь связать свое имя с этою смертью. Поведению его противопоставляли кротость и ве-

ликодушие Сципиона Африканского. Последний, разбив в Африке Аннибала, до того времени непобедимого и страшного римлянам, не изгнал его из страны и не побуждал его сограждан к выдаче героя. Напротив, при происходившем перед сражением свидании с Аннибалом он пожал ему руку, а после сражения, заключая мир, не предлагал великому полководцу ни одного постыдного условия, не оскорблял его в несчастии. Когда они свиделись вторично в Эфесе* и во время прогулки Аннибал стал на почетную сторону, Сципион стерпел это и продолжал прогулку. А когда разговор коснулся знаменитых полководцев и Аннибал признал первым из них Александра, вторым Пирра, а третьим назвал себя, Сципион заметил ему со спокойной улыбкой: "А как бы считал ты, если б я не победил тебя?" — "Тогда, — ответил Аннибал, — я назвал бы себя не третьим полководцем, а первым". И народ, восхищаясь этими чертами Сципиона, негодовал на Фламиния, наложившего руки на труп, принадлежавший другим.

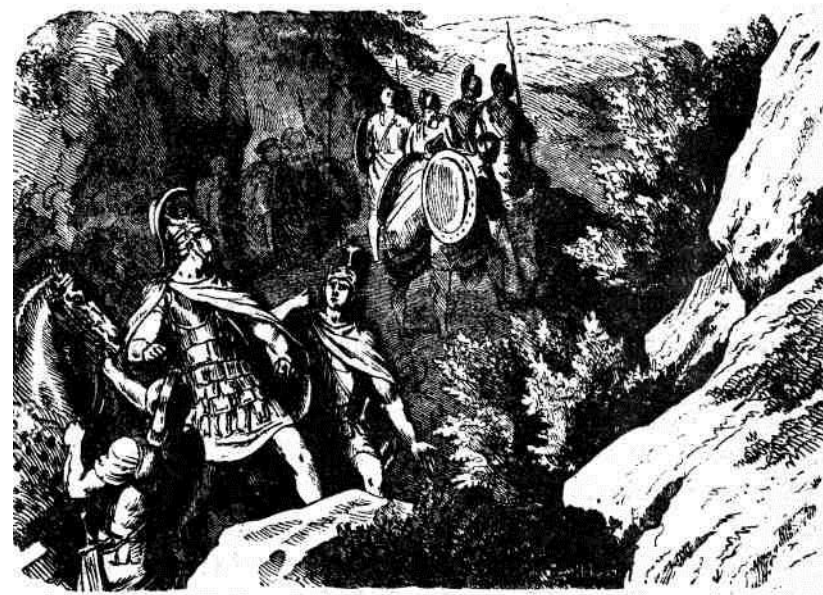
* Греческий город в Малой Азии. *Переводч.*

ПАВЕЛ ЭМИЛИЙ

(Около 168 г, до Р. Х.)

Эмилий принадлежал к роду патрициев и притом к одному из самых древних. Основателем этого рода, давшим ему и имя, был Мамерк, сын философа Пифагора, прозванный Эмилием по причине мягкости и прелести его речи. Почти все прославившиеся лица этого рода были обязаны успехом лишь собственным доблестям. Даже несчастье Люция Павла при Каннах обнаружило его благоразумие и храбрость: не сумев ни убедить своего товарища, ни иначе воспрепятствовать битве, он поневоле принял в ней участие и, не желая следовать примеру своего товарища, который, сам вызвав опасность, покинул Люция Павла, — последний умер сражаясь. Его дочь Эмилия вышла замуж за великого Сципиона, а сын, Павел Эмилий, возмужав при жизни лиц, славных подвигами и добродетелями, не был омрачен их славою. Притом он усвоил привычки и вкусы, совершенно отличные от замечаемых в знатных молодых людях той эпохи. Он не упражнялся в судебном красноречии и предоставил другим еще иной обыкновенный способ снискать

расположение народа: поклоны, рукопожатия и объятия, — а избрал путь, более достойный: Добивался известности мужеством, справедливостью и честностью, — качествами, в которых и превзошел скоро всех своих соперников.

Персей в фессалийских теснинах.

(В различных должностях, которые возлагались на него, — был ли он авгуром* или консулом, — Павел Эмилий строго соблюдал народные обычаи; внимательный даже к мелочам, он оправдывал это рвение пользою государству. "Никогда, — говорил он, — никто не потрясает общества

* Авгуры — жрецы-предсказатели. *Перевод.*

сразу большим преступлением, и внимание к важным вещам падает вследствие того, что пренебрегают мелкими".)

Самым славным походом Павла Эмилия был совершенный им против Персея, царя македонского. При Пидне* он победил войско македонян, но после скольких усилий и скольких опасностей! Была минута, когда консул разодрал свою тунику при виде того, что римляне отступали пред македонской фалангой, которую не могли сломить и которая была подобна стене, усаженной пиками. Что же касается Персея, то он с самого начала сражения бежал в Пидну под предлогом жертвоприношения Геркулесу, Оттуда он бежал в Пеллу, свою столицу, и на остров Самофракию, где нашел убежище в храме.

Кней бктавий, начальник Павлова флота, пристав к Самофракии, из уважения к богам не хочет осквернять насилием того храма, в который скрылся Персей, но запирает ему выходы и лишает его возможности бежать. Однако Персей тайно склоняет одного критянина** по имени Ороандес, хозяина небольшого судна, перевезти его вместе с его сокровищами. Ороандес поступает как истинный житель Креты: он грузит сокровища, назначает Персею прибыть ночью с женою, детьми и необходимыми спутниками к заливу подле мыса Деметриума, а сам уже с вечера уплывает. Персей с чрезвычайным трудом спускается со стены, из узкого окна, с детьми и женою, непривычно к трудностям странствую-

* В древней Македонии, ныне Китрос.

** Остров Крит — принадлежащая теперь Турции Кандия.

Переводч.

щей жизни. Но еще ужаснее стало положение Персея, когда встреченный на берегу человек сказал ему, что видел Ороандеса плывущим в открытом море. Надежда пропала, а между тем наступает утро. Персей бежит с женою назад к стене, уже не скрываясь, хотя случайно избегает встречи с римлянами. Детей же своих он передает на руки Иона, своего прежнего любимца, а теперь изменника, который принуждает Персея, как зверя, у которого отняли детенышей, отдаться во власть держащих их. Персей всего более доверял римскому предводителю Назике и потому ищет свидания с ним; но Назики не было. Персей оплакивает свое бедствие, сознает свое безвыходное положение и отдается во власть претора Октавия, обнаруживая при этом случае, что страдал болезнью более позорною, чем корыстолюбие, именно любовью к жизни, и вследствие того лишился единственного блага, которого судьба не может отнять у преследуемых ею: отвратил от себя сострадание. Он просит отвести его к Павлу Эмилию. Последний, ожидая встретить человека мужественного, ввергнутого в беду завистливым роком, выходит из палатки и идет навстречу Персею со своими друзьями и со слезами на глазах. Но какое постыдное зрелище ожидает его! Персей падает лицом на землю, обнимает колени победителя и изливается в мольбах, которых Павел Эмилий не может слышать без омерзения. Наконец, взглянув на царя печально и презрительно, Павел Эмилий говорит: "Несчастный, зачем оправдываешь ты судьбу в насланной на тебя жестокой беде, доказывая поступками, что ты заслужил свое несчастье и так же недостоин сегодня милости

нефа, как некогда был недостойн ее ласки? Зачем унижаешь ты мою победу, выказывая столь мало мужества, обличая в себе врага, недостойного римлян? Доблесть в несчастьи вынуждает уважение даже у врага; но в глазах римлян низость, даже увенчанная успехом, достойна лишь презрения".

Однако Павел Эмилий поднимает Персея, берет его за руку и передает зятю своему, Туберону. Затем, уведя в палатку своих сыновей, зятьев и самых молодых римских офицеров, Эмилий садится и долгое время хранит молчание, к изумлению присутствующих. Наконец, заведя разговор о судьбах и делах людей, он говорит: "Прилично ли, будучи лишь человеком, гордиться завоеванием народа, города, царства? Такая перемена судьбы, испытанной Персеем, такой указываемый воинам пример общей слабости, не говорят ли они, что в мире нет ничего твердого и постоянного? Может ли человек доверять надежде, когда сама победа заставляет его опасаться поворотов судьбы, когда сам успех повергает его в уныние, показывая ему непостоянство судьбы. Наследие Александра, достигшего столь высокого могущества и завоевавшего такое пространное государство, менее чем в час рушилось к вашим ногам; эти цари, некогда окруженные несметным множеством вооруженных пехоты и конницы, сегодня просят пищи и питья у своих врагов. И неужели вы еще верите в существование на земле счастья, могущего противостоять времени? Подавите же в себе, молодые люди, тщеславную гордость победой: будьте скромны, постоянно помня о будущем, о том часе, когда

судьба отомстит нам за настоящее счастье!" Подробно развив эту мысль, Эмилий отпускает молодых людей, своими словами обуздав и покарвав их тщеславие.

После сдачи Персея Павел Эмилий дает отдых своему войску и едет в Грецию. Везде он преобразует управление и щедро помогает народу, раздавая хлеб и масло из запасов царя. Он возвращает македонянам их земли, объявляет их города свободными и независимыми и налагает на них в пользу римлян лишь половину той дани, которую города эти платили своим царям. Затем он устраивает в честь богов различные игры, сам наблюдая за порядком и оказывая всякому с должным приличием подобающие ему почести с таким умением, что греки удивлялись, как человек, занятый столь важными делами, соблюдает приличия даже в мелочах. Но всего более похвал вызвало великодушие, с которым Павел Эмилий отказался даже взглянуть на множество серебра и золота, хранившегося в царской казне: он велел передать все квесторам в общественную казну. Он дозволил лишь своим любознательным сыновьям взять книги царя, а раздавая награды за храбрость в битве, дал своему зятю Элию Туберону лишь серебряную чашу в пять ассов. Этот серебряный предмет был первым, попавшим в дом Элиев, и был заслужен доблестью и честью, а до того времени ни они, ни их жены не хотели иметь ни серебра, ни золота.

Мудро устроив дела, Павел Эмилий направляется с войском в Эпир, вследствие повеления сената отдать города этой страны на разграбление воинам, сражавшимся против Персея. В

назначенный день эти воины вторгаются в города и грабят их: в один час полтораста тысяч людей повергнуты в рабство, разграблено семьдесят городов, и между тем общее бедствие доставляет каждому воину не более одиннадцати драхм серебра. Мир содрогнулся при этом исходе войны, когда ради такой ничтожной добычи был совершенно разорен целый народ.

После этого похода, столь противного кроткому и человеколюбивому характеру Павла Эмилия, он возвратился в Рим, где едва не был лишен почестей триумфа. Прибывшие из похода воины, недовольные малою долею добычи, обвинили Эмилия как полководца в жестокости и деспотизме. Личный враг его, Сергей Гальба, воспользовался этими жалобами для резких укоров, и можно было опасаться, что он убедит собравшиеся трибы* подать голос против триумфа Павла Эмилия; но они, увлеченные сильною речью Марка Сервилия, обнажившего перед ними многочисленные следы своих ран, единогласно присудили триумф.

Вот как происходило торжество. В цирках, на форуме и в других частях города, в которых можно было видеть шествие, народ построил возвышенные сидения и разместился на них в белых одеждах. Все храмы увешаны зеленью и полны благоуханий. Большое число ликторов и других общественных служителей сдерживают зрителей, рвущихся вперед или желающих перебежать улицу. Торжественное шествие распре-

* Подразделения римского народа, которых в это время было 35. *Переводч.*

делено на три дня. Первого дня едва достаточно для провоза награбленных во вражьей стране статуй, картин и колоссов, везомых на двухстах телегах. На второй день на множестве телег

1) Пращик. 2) Пехотинец. 3) Ликтор. 4) Всадник.

проводится прекрасное и богатое оружие македонян, блестящее заново вычищенными медью и железом; искусно расположенное, оно кажется наваленным случайно: видны шлемы на щитах, панцири, сложенные на обувь, колчаны поверх конской сбруи, пучки мечей и копий; и все это оружие связано лишь слегка, так что, ударяясь одно о другое, производит устрашающий шум и

создает впечатление, что даже вид оружия побежденного врага ужасен. За повозками следуют три тысячи человек, несущих серебряные монеты в полутораэта чашах весом в три таланта*, по одной на каждые четыре носильщика; другие несут серебряные чашки, чаши, вазы, художественно расположенные и поражающие величиною и прелестью чеканки.

На третий день, с утра, идут трубачи, играющие не какой-нибудь торжественный марш, а сигналы, которыми римляне созывали войско и возбуждали его к бою. За ними следуют сто тучных быков с позолоченными рогами, украшенные лентами и гирляндами. Ведут их молодые люди, опоясанные для жертвоприношения богато вышитыми передниками и сопровождаемые мальчиками, несущими золотые и серебряные вазы. За ними несут золотые монеты, подобно серебряным, насыпанными в чаши, весом каждая в три таланта, и таких чаш семьдесят семь. Затем несут священную чашу из массивного золота весом в десять талантов, украшенную драгоценными камнями и сделанную по заказу Павла Эмилия; наконец, вся золотая посуда Персея, его колесница, его оружие, поверх всего его корона.

Несколько позади идут пленные дети царя в сопровождении толпы воспитателей и учителей, плачущих, простирающих руки к зрителям и учащих детей молить народ о пощаде. Между детьми царя были два мальчика и одна девочка, по

* Талантом назывался у греков не только счет монеты, но и вес, около наших 1 1/2 пуда. *Переводч.*

возрасту своему еще не способные понять меры своего несчастья и тем более достойные жалости, что они казались равнодушными. Эти малютки до такой степени приковывали взоры римлян, что сам Персей проходил почти незамеченным. Все плакали и провожали детей взглядом, в котором удовольствие смешивалось с горечью.

Персей, в бурой одежде и македонских башмаках, кажется испуганным тяжестью бед и как бы теряющимся. Его провожает толпа друзей и родных, с лицами, исполненными горести, и глазами, обращенными на Персея, точно каждый оплакивает лишь несчастье царя, нисколько не думая о себе самом. За этой группой несут четыреста золотых корон, присланных Павлу Эмилию покоренными им городами. Позади едет виновник торжества, триумфатор, на великолепно украшенной колеснице, личность, сама по себе достойная привлечь все взоры и без помощи всей этой пышности, одетый в пурпуровую одежду, обшитую золотом, и держащий в правой руке лавровую ветвь. С лавровыми же ветвями идет за колесницей своего предводителя все войско, когорты и отделения, поет по очереди то народные, то шуточные песни или испускает клич в честь Павла Эмилия, общего предмета внимания, удивления и благородной зависти.

Но существует, должно быть, гений, которому судьба поручила нарушать чрезмерное счастье и примешивать к нему и горе, так чтобы ничья жизнь не была свободна от несчастий и чтобы,

по словам Гомера*, те люди казались счастливейшими, в жизни которых в равной мере встречались и удачи, и горе. У Павла Эмилия было четыре сына, из которых двое, родившиеся в первом браке, Фабий и Сципион, были усыновлены другими семьями; остальные двое, от второй жены, еще малолетние; жили при нем. Старший из этих мальчиков, четырнадцати лет, умер за пять дней до триумфа Павла Эмилия, а младший, двенадцати лет, спустя три дня после триумфа. Не было римлянина, который бы не сострадал несчастью Эмилия; всякий ужасался жестокости судьбы, не удержавшейся внести такое горе в дом, полный счастья, радости и жертвоприношений, и примешать рыдания и вздохи к возгласам торжества и ликования.

Павла Эмилия поддерживает благоразумие и убеждение, что мужество и стойкость нужны человеку не только против мечей и копий, но и против всяких невзгод судьбы. Едва похоронив старшего сына, *Эмилий* совершает триумфальное шествие, а по смерти второго созывает народное собрание и держит речь, в которой не просит утешения, а утешает своих граждан, страдавших его несчастью. Он говорит, что никогда не боялся причиняемого людьми, но относительно насылаемого богами всегда страшился крайнего непостоянства счастья, особенно во время по-

* Древнейший и знаменитейший греческий поэт. Главные творения, приписываемые ему, — "Илиада" и "Одиссея". Полагают, что произведения эти не творения одного лица, а собрание поэтических народных сказаний, и что сам Гомер лицо вымышленное. *Переводч.*

следней войны, когда счастье, подобно постоянному благоприятному ветру, венчало успехом все его предприятия, и тем заставляло предвидеть поворот и перемену. "В один день, — прибавляет Эмилий, — я переплываю Ионическое море от Брундузиума до Корциры; оттуда я в пять дней прибываю в Дельфы и приношу жертву богам; еще пять дней, и я принимаю начальство над войском в Македонии, очищаю его обычными обрядами, выступаю в поход и в пятнадцать последующих дней кончаю войну. Вот почему я, не доверяя счастью именно вследствие постоянства удач и несмотря на полную безопасность от врага, боялся прихотливости судьбы, завистливой к тому, что я возвращался с таким большим победоносным войском, добычей и плененными царями. Тем не менее я благополучно прибываю к вам, вижу город, занятый празднествами и жертвоприношениями. Но все же я не перестаю подозревать судьбу в злом умысле, зная, что она никогда не оказывает людям великой милости без затаенной мысли. Я страдал и с ужасом взирал на судьбу Рима, и этот ужас покинул меня лишь тогда, когда страшный удар разразился над моим домом, когда я в эти священные дни собственными руками схоронил двух сыновей, мою лучшую надежду, моих единственных наследников. Теперь я огражден от великих опасностей и думаю, что и ваше счастье будет твердо и продолжительно. Судьба достаточно отомстила мне, заставив меня искупить минувшие успехи и показав грозный пример человеческой слабости как на победителе, так и на побежденном, с тою разницею; что Персей, побежденный, не потерял

детей, а Павел Эмилий, победитель, утратил своих".

Таково было великодушное обращение Павла Эмилия к народу, внушенное искренним чувством. Тронутый несчастиями Персея и побуждаемый желанием помочь ему, Эмилий мог добиться лишь перевода пленника из общественной тюрьмы в место приличное и менее сурово оберегаемое стражею. В этом-то заключении Персей, по свидетельству большинства историков, уморил себя голодом. Двое из его детей также умерли; третий сын, Александр, научился писать и говорить по-римски и получил должность при суде, которую и исполнял достойно.

Хотя Павел Эмилий держал сторону аристократов, но народ избрал его в должность цензора, в которой и застала его смерть.

ТИВЕРИЙ И КАЙ ГРАКХИ

(Около 138 г. до Р. Х.)

Тиверий и Кай, сыновья Тиверия Гракха, были воспитаны своей матерью Корнелией с такою

Корнелия и сыновья ее.

заботливостью, что, одаренные природою, с общего признания, щедрее всех других римлян, были обязаны своею доблестью все-таки более воспитанию, чем природе.

Но как в статуях и живописных изображениях Диоскуров* сходство не мешает заметить разное сложение бойца и бегуна, так и Гракхи, несмотря на полное сходство храбростью, умеренностью, щедростью, красноречием и высокими помыслами, представляли в своих действиях и целях различия, можно сказать резкие и поразительные.

Прежде всего это относилось к их лицам, взглядам, жестам. Тиверий был кроток, спокоен, Кай горяч и стремителен. Выступая перед народом, Тиверий скромно оставался на одном месте; Кай первым из римлян ходил взад и вперед по трибуне и, говоря, дергал свою тогу через плечо, подобно Клеону Афинскому, который первым из известных ораторов раскрывал мантию и бил себя по бедру. Далее, красноречие Кая было жестким, сильно волновало, красноречие Тиверия было мягким и скорее вызывало кротость, чем страх. Сама речь Тиверия была чиста и сдержанна, речь Кая — страстна, приукрашена.

Подобно их красноречию, различались и их характеры: Тиверий был спокоен и мягок, Кай вспыльчив и крут; часто среди речи он, вопреки собственному желанию, отдавался гневу и резким голосом бросал укоризны. Для избавления себя от этого недостатка, Кай приказывал одному из своих рабов, Лицинию, человеку умному,

* Сыновья Зевеса Кастор и Поллукс. *Переводч.*

размещаться позади него с музыкальным инструментом и, заметив, что Кай раздражается и гневается, издавать мягкий звук, который заставлял бы Кая сдержаться, смягчиться и успокоиться.

Вот различия, замеченные между двумя братьями. Но оба они одинаково отличались мужеством против врагов, справедливостью к подчиненным, деятельным рвением в исполнении своих должностей и умеренностью в удовольствиях. Тиверий был девятью годами старше брата, что значительно разделило их управление и помешало успеху их предприятия. Усилившись не в одно время, они не могли соединиться и стать непобедимыми.

Законы Тиверия были вызваны следующим положением страны и народа. Когда римляне завоевывали земли у соседей, они обыкновенно продавали часть земель, а остальные присоединяли к общественному имуществу и сдавали за небольшую плату казне в пользование гражданам бедным, не обладавшим недвижимою собственностью. Богатые люди повысили эту плату и таким образом вытеснили бедных. Вследствие того состоялось запрещение семье владеть большим количеством земли, чем 1000 югеров (около 250 десятин). В продолжение некоторого времени этот закон сдерживал жадность богатых и облегчал положение бедных, которые жили на закрепленных за ними землях и сохраняли доставшиеся им при разделе участки. Позднее их богатым соседям удалось захватить эти участки под чужими именами или на свои собственные, и бедняки, лишенные достатка, не обнаруживали

уже охоты к военной службе и не радели о воспитании своих детей, так что почти вся Италия лишилась свободных людей и наполнилась рабами-варварами, которых богачи использовали для обработки своих полей, отнятых у граждан. Кай Лелий, друг Сципиона, попытался было искоренить это злоупотребление; но сопротивление знати заставило его опасаться возмущения, и он отступился от своего намерения.

Тиверий, став народным трибуном, возобновил попытку Лелия. Мысль об этом родилась в нем во время поездки из Рима в Нуманцию*, по Этрурии**. Страна эта стояла в запустении, представляя вместо земледельцев-собственников лишь пахарей и пастухов из иноземных рабов. Для устранения такого же плачевного положения в собственных владениях Рима, Тиверий составил закон о восстановлении прежнего порядка и обсудил эту меру с гражданами, наиболее известными своею добродетелью и заслугами: между прочими, с верховным жрецом Крассом, правоведом Муцием Сцеволой, тогда консулом, а также со своим тестем Аппием Клавдием. Никогда закон, направленный против несправедливостей и жадности, не был мягче и умереннее. Вместо кары за неповиновение и изгнания с земель, которыми люди пользовались незаконно, им вменялось лишь в обязанность уступить это пользование, даже с вознаграждением, гражданам, которым захваченная земля была необходи-

* В Испании.

** В северной Италии. *Переводч.*

ма для жизни. И несмотря на мягкость преобразовательной меры, народ готов был довольствоваться ею и забыть прошлое, лишь бы в будущем не испытывать новой несправедливости. Но богачи-собственники из жадности и упрямства пытаются настроить народ против предлагаемой меры, говоря, что Тиверий хочет ввести раздел земли для произведения общего беспорядка и полного переворота. Но попытка их не удастся. Тиверий защищает меру, столь справедливую, с красноречием, способным заставить принять самую дурную. С увлекательным жаром он говорит с трибуны, окруженной волнами народа, что дикие звери Италии владеют каждый норой или логовищем, а люди, сражающиеся и умирающие за Италию, пользуются лишь воздухом, и светом и ничем более: бродят с женами и детьми, лишены пристанища и крова. Полководцы, вступая в битву, воодушевляют воинов сражаться с врагом за могилы и храмы родины; но они лгут: у большинства римлян нет ни отцовского алтаря, ни могил предков. Они сражаются и умирают единственно ради роскоши богатых; их называют владыками мира, а они не обладают и горстью земли!

Речь эта, произнесенная с силою и истинною страстью, увлекает народ и наполняет его восторгом: ни один из противников Тиверия не возражает ему. Они отказываются от спора и обращаются за помощью к Марку Октавию, одному из трибунов, молодому человеку спокойного, сдержанного нрава и близкому другу Тиверия. Октавий сначала отказывается выступить против

своего друга, но потом, уступив многочисленным и настойчивым просьбам знати, как бы поневоле встает и возражает против закона. А запрета трибуна было достаточно, чтобы воспрепятствовать принятию закона: большинство было бессильно против сопротивления одного. Раздраженный этим препятствием, Тиверий отступает от закона, столь кроткого относительно богатых, но взамен его предлагает другой, более приятный народу, но суровый относительно несправедливых владетелей: закон этот обязывает их без промедления очистить земли, владеемые ими вопреки древним законам. Это порождает ежедневную борьбу красноречия между ним и Октавием, и Тиверий трибунским повелением прерывает деятельность всех правительственных мест и лиц до того времени, когда закон будет подвергнут голосованию.

В день, назначенный для подачи голосов, Тиверий всходит на трибуну и в последний раз пытается убедить Октавия. Но видя его упорство, он предлагает народу отпустить Октавия от должности. Всех триб было тридцать пять; семнадцать уже подали голос против Октавия, и нужен был голос лишь одной трибы, чтобы низвести Октавия на степень простого гражданина. Тиверий приостанавливает голосование, снова молит Октавия, обнимает его на виду народа, прося не подвергаться такому оскорблению, постановлению столь жестокому и тягостному. Говорят, что Октавий был тронут этими убедительными просьбами: глаза его наполнились слезами, и он долго молчал. Но когда взор

его упал на присутствовавших во множестве богачей и землевладельцев, стыд и боязнь обесчестить себя в их мнении заставляют его предпочесть этому всевозможное, и он предоставляет Тиверию действовать по своему усмотрению. Отрешение принято, и Тиверий приказывает одному из своих вольноотпущенников, служившему при нем ликтором, удалить Октавия с трибуны.

(Это нарушение власти трибуна возбудило неудовольствие, которое еще возросло, когда народ понял, что выполнение предложенных преобразований требует времени. Народ перестал поддерживать Тиверия. Однажды последний предложил новые законы и увидел перед собою лишь противников. Он отсрочил собрание на завтра.)

С наступлением часа Тиверий отправляется в Капитолий. Его встречают дружественными криками, и когда он всходит на трибуну, присутствующие выражают ему сочувствием наблюдают за тем, чтобы никто незнакомый не подходил к нему.

Муций снова начинает собирать голоса, но не может совершить обычных при этом действий из-за толкотни и беспорядка, которые устраиваются вновь прибывающими. В это время сенатор Фульвий Флак старается занять видное место, но, не будучи в состоянии достигнуть этого и высказаться, он подает Тиверию знак рукою, что хочет сообщить ему нечто частным образом. Тиверий приказывает толпе расступиться. Фульвий с трудом поднимается к нему и объявляет, что в заседании сената богатые, не сумев скло-

нить консула, порешили самым убить Тиберия и что с этой целью; они вооружили большое число рабов и друзей.

Тиверий сообщает весть окружающим его; те подтыкают свои одежды за пояс, ломают копья ликторов, служащие для раздвигания толпы, и вооружаются этими обломками для отражения нападающих. Сидящие поодаль, удивленные этим движением, спрашивают о причине его. Тиверий, не надеясь быть услышанным, показывает рукою на свою голову с целью дать понять угрожающую ему опасность. А враги его, увидя этот знак, бегут в сенат и заявляют, что Тиверий, указывая на голову, просит царского венца. Происходит общее смятение. Сенатор Назика приглашает консула защитить республику и истребить тирана. Консул кратко отвечает, что он не хочет насилия и не казнит гражданина без суда, но что если народ, увлеченный или принужденный Тиверием, издает декрет, противный законам, то он, консул, остережется утвердить такой закон. Тогда Назика, вскочив, восклицает: "Так как первое должностное лицо отступается от республики, то вы, которые хотите оградить законы, следуйте за мною!" Сказав это, он завертывает голову в полу одежды и идет прямо к Капитолию. Все следовавшие за ним обертывают тогою руку с целью силою устранять всякого встретившегося на пути; но никто не сопротивляется высоким лицам; напротив, все бегут, толкая друг друга. Слуги сенаторов явились с булавами, сами сенаторы хватают спинки и ножки скамеек, сломанных бежавшею толпою, и всходят

к Тиверию, колотя всех заграждающих его. Наступает побоище. Бегущего Тиберия хватают за тогу*; он оставляет ее в руках хватающего и продолжает бежать в тунике, но скользит и падает на других, упавших перед ним. Тиверий вновь подымается, но один из его товарищей, Публий Сатурей, на виду всех бьет его по голове ножкой скамьи; второй удар был нанесен Люцием Руфусом, который впоследствии хвалился этим, как доблестным подвигом. Всего было избито более трехсот человек, все кусками дерева и камня, ни один железом.

* верхняя одежда римлян. *Переводч.*

КАЙ ГРАКХ

(Около 123 г. до Р. Х.)

(В проведении общественного преобразования Кай пошел дальше своего брата. Он распространил право голосования на всю Италию и достиг утверждения закона, которого не успел провести Тиверий, именно закона, разделявшего судебную власть между сенатом и всадниками. И Кай погиб насильственной смертью. Мы заимствуем у Плутарха именно рассказ о трагической кончине Кая.)

Тотчас по выборе Опимия в консулы он отменяет многие законы Кая с целью раздражить его до такой степени, чтобы он сам подал повод к - убийству. Сначала Кай сдерживается, но подстрекаемый друзьями, особенно Фульвием, он собирает столько народу, чтобы противостоять консулу. Говорят, будто мать Кая участвовала в этом замысле, подкупила иноземцев и заставила их идти в Рим в платье жнецов. В день, когда Опимий и его приверженцы готовятся уничтожить законы Кая, обе партии стараются заблаговременно занять Капитолий. Консул совершает жертвоприношение. Один из его ликторов, Квинт Антиллий, унося внутренности жертв,

сказал Фульвию и другим сторонникам Кая: "Вы, недобрые граждане, уступайте места хорошим!" Он убит на месте. Убийство приводит народ в смятение, но производит на обе партии самое различное впечатление. Кай в отчаянии упрекает своих сторонников в том, что они дали предлог врагам, которые ищут его. Опимий же, в восторге от предоставленного предлога, возбуждает народ к мести.

Пошедший дождь разгоняет партии; но на другой день подстрекаемые к тому люди кладут тело Антиллия на носилки и со вздохами и плачем несут его по форуму. Тотчас же сенат повелевает консулу Опимию позаботиться о спокойствии республики. Опираясь на это повеление, Опимий предлагает сенаторам вооружиться и приказывает каждому всаднику привести двух вооруженных слуг. С другой стороны готовится и Фульвий и собирает толпу. Кай, возвращаясь с форума, останавливается перед статуей своего отца, долго смотрит на нее молча, вздыхает, плачет и уходит. Видя это, народ начинает сострадать Каю, упрекает себя в том, что покинул и предал своего защитника, провожает его до дому и всю ночь остается перед его дверьми, сторожа и раздумывая о будущем.

На рассвете слуги Фульвия, с трудом разбудив его от сна после попойки, вооружаются доспехами, развешанными в доме и завоеванными Фульвием в бытность его консулом, и выступают с угрозами и криками, чтобы завладеть Авентинскою горою*. Кай не хочет вооружаться, а выход-

* Самый южный из 7 холмов, на которых построен Рим. *Переводч.*

дит в простой тоге, как ходил всегда на форум, и только привешивает к поясу небольшой кинжал. На пороге его останавливает жена, бросается перед ним на колени и, одною рукою обняв его, другою своего ребенка, говорит: "Не для того покидаешь ты меня, чтобы, как бывало, взойти на трибуну законодателем; и не на славную войну идешь ты, чтобы, борясь с общим бедствием, оставить мне почетный траур; нет, ты отдаешься в руки убийцам Тиверия, безоружный, что прекрасно, но это заставит тебя не действовать, а страдать и погибнуть без пользы для родины. Уже сторона злых победила; насилие и железо торжествуют над справедливостью. Если бы брат твой пал перед Нуманцией*, то труп его был бы возвращен нам перемирием; а мне предстоит, пожалуй, вымалывать у реки или моря ответа, где они хранят твое тело. Можно ли доверяться законам и богам после смерти Тиверия?" Так молила Лициния. Кай бережно освободился из ее объятий и молча удалился с друзьями. Лициния пытается ухватить мужа за тогу, но падает на пороге и долго остается распростертою, без сознания и голоса. Наконец рабы поднимают ее и уносят к ее брату Крассу.

По совету Кая Фульвий посылает на форум своего младшего сына с жезлом герольда**; но Опимий велит арестовать молодого человека, идет на Фульвия со значительным отрядом пехоты и стрелков — критян и обращает его толпы в

* Взятою и разрушенною римлянами незадолго до того.

** В знак мирных переговоров. *Перевод.*

бегство. Спасаясь, Фульвий прячется в покинутую баню, но его находят и убивают вместе с его старшим сыном.

Никто не видел Кая в бою: возмущенный происшедшим, он удаляется в храм Дианы. Там он хочет лишить себя жизни; но верные друзья его, Помпоний и Люциний, препятствуют исполнению намерения, вырывают у Кая кинжал и убеждают несчастного бежать. Тогда он падает перед богинею на колени, воздевает к ней руки и молит, чтобы народ римский, в наказание за неблагодарность и измену, никогда не выходил из рабства. Нужно оговорить, что большинство сторонников Кая покинуло его, когда отставшим от него было объявлено прощение.

Кай бежит; враги пускаются по его следам и настигают его перед деревянным мостом. Два друга принуждают Кая идти вперед, а сами оборачиваются против преследователей, стойко защищают вход на мост и, пока живы, никому не позволяют перейти его. С Каем бежал раб его по имени Филократ. Все одобряли бегство Кая точно игрище, но никто не помог ему, никто не дал ему просимого коня. Враги настигают Кая, однако он опережает их на некоторое расстояние и кидается в лес, посвященный фуриям*, где был по собственному приказанию убит рабом своим Филократом, который затем лишает и себя жизни.-

(Вскоре затем народ выразил сожаление о смерти Гракхов, воздвигнув им статуи и сделав священными места их смерти.)

* Богини мести. *Переводч.*

Рассказывают, что мать Гракхов, Корнелия, перенесла свое несчастье с твердостью и величием души и будто по поводу священных зданий, воздвигнутых на местах гибели ее сыновей, сказала, что памятники достойны их тел. Она провела остаток дней в своем имении, называвшемся мизенским, ни в чем не изменяя своего прежнего образа жизни. При ее чрезвычайном гостеприимстве и множестве друзей, у нее собиралось многочисленное общество просвещенных людей; даже цари принимали от нее и посылали ей подарки. Большое удовольствие получали ее гости и друзья, когда она рассказывала о жизни и привычках своего отца, Сципиона Африканского; но еще достойнее удивления была она, когда, без укоров и слез, по просьбе присутствующих описывала несчастья и действия своих сыновей, как будто рассказывая о глубокой древности.

МАРИЙ

(Около 102 г. до Р. Х.)

Крепкий и сильный от природы, воспитанный более для военной жизни, чем для гражданских занятий, Марий не умел соблюсти меры власти. Сказывают, что он не учился греческой грамоте и ни о каком значительном деле не хотел говорить по-гречески, считая смешным изучать язык людей, ставших рабами. Но как Платон* часто говаривал философу Ксенократу, отличавшемуся диким нравом: "Друг Ксенократ, почитай граций**", так Мария следовало бы убедить почитать

Марий.

* Знаменитый греческий философ.

** Музы — богини изящных искусств и наук; грации — богини красоты и любезности. *Переводч,*

греческих муз и граций. Тогда он не закончил бы свои воинские подвиги и свое славное правление жестокою и свирепою старостью, полной мести, честолюбия и ненасытной жадности.

Марий родился в бедной семье, жившей своим трудом. Он увидел город и освоился с его нравами лишь очень поздно. До того времени он жил в деревне Корнетум* в области города Арпинума, в обстановке очень суровой в сравнении с приятным образом жизни в Риме, но порядочной и согласной с воспитанием древних римлян. В войне он участвовал впервые против кельтиберов**, когда Сципион Африканский осаждал Нуманцию: Последний отличал Мария между другими юношами. Однажды после ужина в разговоре о полководцах один из присутствовавших гостей, действительно ли задавшись вопросом или желая польстить Сципиону, спросил его, кто из римских вождей заменит его; тогда Сципион, слегка ударив Мария по плечу, ответил: "Может быть, он".

(Марий достиг звания трибуна благодаря расположению полководца Цецилия Метелла, клиентом*** которого он был. Но раз возвысившись, он забыл эту услугу, так как прежние его отношения с Метеллом связывали Мария в борьбе с аристократией. По примеру Гракха, Марий предложил закон, лишавший патрициев исключитель-

* Родина: еще двух знаменитых римлян — оратора Цицерона и полководца Агриппы.

** В древней Испании.

*** Так назывались покровительствуемые лица, в противоположность своим покровителям — патронам. *Переводч.*

ного права на занятие судебных должностей. Метелл поддерживает консула, требующего от Мария отчета в действиях, и Марий приказывает ликтору отвести Метелла в тюрьму. Позднее Марий на короткое время сблизился со знатью, нуждаясь в ее помощи для возвышения на военном поприще, и Метелл, как увидим ниже, поддался игре лицемера).

Цецилий Метелл, выбранный в консулы и назначенный вести войну против нумидийского царя Югурты, берет с собою в Ливию Мария в качестве помощника. Там Марий выплескивает всю свою энергию. Посреди бесчисленных затруднений он не бросает самых трудных дел и не пренебрегает самыми невидными, но, превосходя сверстников умом и благоразумием, соперничая с простыми воинами в неприятельности образа жизни и терпении, он снискивает расположение всей армии. Для римского воина нет ничего приятнее, чем видеть, как его предводитель ест с ним при всех один хлеб, спит на простой рогоже и трудится рядом с ним на земляных работах. Поступая таким образом, Марий приобретает любовь воинов; слава его имени распространяется по всей Ливии и достигает самого Рима. Все письма из армии в Рим повторяют, что война кончится лишь с избранием Мария в консулы и с предоставлением ему одному предводительства.

Столь очевидное предпочтение Мария сердит Метелла. Однажды он с насмешкой говорит Марию: "Итак, доброжелательный муж, ты хочешь покинуть нас; ты намерен плыть в Рим и скрытыми путями искать консульства, так как не захочешь

же быть консулом в одно время с моим сыном?" А сын Метелла был тогда еще молодым человеком. Однако Марий настойчиво просит отпуска, который постоянно отсрочивается Металлом. Последний отпускает Мария лишь за двенадцать дней до избрания консулов. Марий совершает путешествие до того поспешно, что прибывает в Рим на седьмой день, Народ тотчас же признает в нем желаемую личность; один из трибунов ведет Мария в собрание, где, заявив свое желание быть избранным в консулы, Марий возводит на Метелла множество обвинений и обещает либо убить Югурту, либо взять его живым.

Избранный без сопротивления в консулы, Марий тотчас же вопреки закону и обычаю, записывает в милицию* толпу нищих и рабов. До него ни один полководец не допускал этих людей в войско; напротив, оружие, подобно другим почетным отличиям, составляло достоинство лишь людей достойных и обеспечивавших свою верность известным имуществом. Но не эта мера повредила Марию в мнении богатых, а его речи, полные угроз, подозрительных намеков и презрения. Он кричал везде, что его консульство — добыча, взятая им у слабых патрициев и богачей, и что он более гордится перед народом своими ранами, чем памятниками предков. Часто, называя по имени полководцев, потерпевших поражения в Ливии, например, Бестию, Альбина, членов знаменитых родов, но обманутых счастьем; он отзывался о них как о людях, лишенных

* Народное ополчение, в противоположность войскам, набираемым очередью на постоянную службу, а также войскам наемным, из иностранцев. *Переводч.*

воинских дарований и испытавших поражение лишь по своей неумелости. Он спрашивает народ, не предпочли ли бы предки этих полководцев оставить после себя потомков, подобных ему, Марию, так как сами прославились не знаменитостью рода, а добродетелями и, доблестными подвигами. Не хвастливость говорила в Марии, и не желал он без нужды навлекать на себя ненависть патрициев; а поступал так потому, что народ с удовольствием слушал, когда сенат втапывали в грязь, измерял величие души напыщенностью речей, восхвалял Мария до небес и тем побуждал его для удовольствия толпы не щадить знатных.

По возвращении Мария в Ливию, Метелл, не желая встречаться с ним, поручает армию одному из своих помощников, который и передает ее Марию. Но судьба мстит Марию за Метелла. Как Марий отнял у Метелла славу успеха, так Сулла предупреждает его самого. В течение этой войны Югурта получал лишь слабую помощь от царя Верхней Нумидии, своего тестя Боха. Когда Югурта в бегстве по необходимости укрылся у тестя, Бох принял его как чужого просителя, без всякой родственной ласки. Держа Югурту в своей власти; он делая вид, будто ходатайствует за него пред Марием, даже написал к последнему с кажушейся откровенностью, что не выдаст Югурту; но в тайне намереваясь обмануть зятя, он пригласил к себе оказавшего ему во время войны некоторые услуги Мариева квестора Луция Суллу. Последний доверчиво следует приглашению. Но Бох, по-видимому, уже переменял намерение и несколько дней колеблется, выдать ли

ему зятя или задержать Суллу. Наконец, решившись выполнить свой первый план, он выдает Сулле Югурту живым. Такова была первая причина непримиримой вражды между Марием и Суллою, которая едва не погубила Рим.

Марий был еще в Африке, когда кимвры и тевтоны вторглись в Галлию, разбивая на пути шесть римских армий. Вновь избранный в консулы, вопреки закону, Марий отправляется в Прованс обождать возвращение варваров, напавших на Испанию, но решивших не останавливаться нигде, пока не овладеют Римом и не разграбят Италии. Марий ждал три года, и так как воины его не хотели сражаться с варварами под предводительством кого-либо иного, то срок пребывания Мария консулом был ежегодно продлеваем. Пользуясь этим, Марий приготовил свое войско к борьбе. Он укрепил души своих воинов, — говорит Плутарх, — внушив им отвагу и, что очень важно, дав им понять себя. Когда они привыкли к повиновению и исполнению своих обязанностей, суровость Мария и неумолимость в наказаниях казались им не более, как спасительной справедливостью. Долго потом воины, безмолвно и охотно исполнявшие все приказанное, назывались мулами Мария. Наконец, варвары возвращаются из Испании двумя ордами: тевтоны и амброны идут прямо на Мария, а кимвры направляются через Гельвецию* и Норику**. Марий быстро укрепляется на берегу Роны.

Кимвры являются в несметном числе, распо-

* Нынешняя Швейцария.

** Нынешняя Австрия на юге от Дуная.

лагаются станом в долине и стараются завлечь Мария в бой. Марий не поддается на вызов, сдерживает своих воинов в стане, строго выговаривает дерзким, которые, увлекаясь молодечеством, хотят сразиться, и называет их изменниками отечеству. Цель Мария не в триумфах и трофеях*, а в отыскании средства рассеять сонмища варваров и спасти Италию. Так он объяснял свое поведение в частных беседах с начальниками войска; что же касается воинов, то он помещает их по очереди, отрядами, на окопы, дает присмотреться к врагу, его оружию и движениям, привыкнуть к их диким крикам и таким образом преодолевает первый страх войска.

Ежедневный вид варваров не только рассеивает внушаемый ими ужас, но их угрозы и хвастовство возбуждают ненависть и отвагу, особенно когда варвары грабят окрестности и дерзко кидаются даже на окопы. Воины начинают роптать на Мария: "Может ли он упрекнуть нас в трусости, если удерживает нас от боя, подобно женщинам, под запорами и засеками? Пойдем, как прилично свободным людям, спросим его, ожидает ли он другого войска, которое сражалось бы за Италию, и станет ли он по-прежнему употреблять нас как рабочих, когда понадобится копать рвы, счищать грязь и отводить реки? Не для этого ли подвергал он нас бесчисленным работам, не это ли дела, которыми он хочет похвалиться перед согражданами, как памятниками его консульств? Разве он боится участи Карбона и Целиона, которые были побеждены врагом, но зато и далеко уступали Марию в славе

* Отнятые у неприятеля знамена и доспехи. *Переводч:*

и мужестве и располагали гораздо меньшем войском! Наконец, достойнее испытать подобно им поражение, чем сидеть сложа руки и спокойно смотреть на разграбление наших союзников".

Марий успокаивает своих воинов, жалобы которых его восхищают; он объявляет армии, что отнюдь не питает к ней недоверия, а, слушаясь предзнаменований, ищет удобного места и ожидает случая победить. Этот случай предоставляет ему уход тевтонов. Они отправляются в убеждении, что беспрепятственно перейдут Альпы. Шесть дней тянутся они безостановочно вдоль окопов Мария и, проходя мимо римлян, насмешливо спрашивают, не прикажут ли те сказать что-либо своим женам, так как тевтоны скоро с ними повидаются. Когда варвары прошли и удалились, Марий также снимается со стана и следует за ними по пятам до места, называемого Секстийскими Аквами*; здесь он намеревался вступить в сражение с варварами. Он занимает высоты, совершенно лишенные воды, и пользуется последним обстоятельством, чтобы разжечь ненависть римлян к варварам и воодушевить свое войско. Услышав жалобы солдат на смертельную жажду, Марий указывает им на ручей подле стана варваров и говорит, что там они могут найти питье ценою крови. "Зачем же, — возражают воины, — не ведешь ты нас сейчас же против варваров, пока у нас есть еще кровь в жилах?" Марий спокойно отвечает: "Сперва нужно укрепить наш стан".

Воины, хотя недовольные, повинуются, но тол-

* Аквы (воды) — римское название многих местечек с целительными источниками. Аквы Секстийские — теперь город (Аих) во Франции, недалеко от Марселя.

па слуг, не находя воды ни себе, ни лошадям, направляется к ручью, вооруженная заступами и топорами, отчасти мечами и копьями, захватив с собою сосуды и решившись добыть воды, хотя бы с боем. Случайно они подвергаются на реке нападению лишь небольшого числа врагов, так как большинство последних либо обедало после купания, либо еще купалось. В этом месте есть несколько теплых ключей, и большинство варваров наслаждалось купанием, любясь страной. Но на крики сражающихся варвары подоспевают в большом числе. Амброны, отягощенные обильной едой, но возбужденные вином, наступают с криками и в лад ударяя своим оружием, мирно подпрыгивая и часто повторяя свое имя "Амброны!" с целью ли созвать своих соплеменников или из желания испугать неприятеля. Из итальянцев первыми спускаются к ним лигурийцы. Они слышат крик варваров и повторяют его, так как и сами носят племенное имя амбронов. Таким образом, крик повторяется то с одной стороны, то с другой еще до начала боя, и каждая сторона старается превзойти другую силою голоса, так что уже один крик возбуждает отвагу.

Но впереди амбронов река, и прежде чем им удастся перейти ее и построиться, лигурийцы бегом нападают на передовой отряд неприятелей и схватываются с ним. Римляне спешат с высот на помощь к лигурийцам и опрокидывают варваров в реку, где в толкотне варвары падают друг на друга и заваливают русло трупами. Римляне, в свою очередь, переходят реку и бьют врагов, так что тем не удастся дать отпор и приходится отступить к стану и своим повозкам. Но там

навстречу римлянам кидаются женщины с мечами и топорами в руках, скрежеща от ярости зубами, убивают и бегущих, и преследующих, первых как изменников, вторых как врагов, поддерживают бой, руками вырывают у римлян щиты, хватают их мечи, не обращая внимания на раны и не уступая до последнего издыхания.

Избив множество амбронов, римляне с наступлением ночи возвращаются. После такой удачи можно было ожидать, что армия встретит воротившихся победными криками. Напротив, их не ожидают в стане ни вино, ни дружеская беседа, ни даже отдых, столь сладкий после трудного боя. Вся армия проводит ночь в беспокойстве. Стан ее не был огражден ни рвами, ни насыпями; крики всего сонмища варваров, не участвовавшего в бою, и успевших спастись амбронов раздавались в ночи нечеловеческими звуками; то был дикий рев, угрожающее рыкание; отдававшееся в окрестных горах и по речной долине. Этот крик устрасил римлян. Самого Мариа ужасала мысль о ночном беспорядочном нападении. Однако варвары не нападают ни в эту ночь, ни в течение следующего дня, хотя не отступают и готовятся к бою. Марий, видя за варварами отлогие возвышения и лесистые ущелья, посылает туда Клавдия Маркелла во главе трех тысяч пехоты с приказом незаметно зайти в тыл неприятеля и при нужде ударить на него. Остальные войска рано поужинали и легли на отдых, а с рассветом были построены перед станом, тогда кавалерии приказано было выехать на равнину. Заметив в стане римлян движение, тевтоны не ожидают их на ровном месте, где

могли бы сражаться с ними при одинаковых условиях, а наскоро вооружаются и с яростью кидаются на занятые римлянами высоты, Отби-

Взятие в плен царя тевтонов при Аквах Секстийских

тые, они мало-помалу отступают на равнину. Уже первые ряды их строятся на гладком поле, когда позади их раздается крик и происходит смятение. Это Маркелл бегом спустился с высот, с криком ударил в тыл неприятеля и смял его задние ряды.

К первым беглецам пристаю другие, и все войско варваров приходит в беспорядок. Под натиском с обеих сторон оно бежит. Римляне преследуют варваров и избивают более ста тысяч. Рассказывают, будто окрестные массилийцы* огораживали свои виноградники костями убитых варваров и что земля, упитанная кровью, дала в следующем году громадное количество, плодов.

Радость от победы была еще увеличена вестью, пришедшею из Рима. Когда Марий, среди войска готовился принести торжественное жертвоприношение, именно сжечь захваченные доспехи варваров, к нему подскочили некоторые из его друзей и сообщили, что он в пятый раз выбран в консулы; За победою над тевтонами при Секстийских Аквах следовала победа над кимврами при Верселе. Кимвры, оскорбленные насмешливым словом Мария об участии их товарищей, дрались с чрезвычайным упорством, а женщины их проявляли еще большую свирепость, чем в последнем сражении тевтонские.

Чтобы неприятель не мог разорвать строя кимвров, воины их первых рядов связали себя длинными цепями, закрепив их за перевязи мечей. Когда они были оттеснены в свой стан, происходили сцены самые ужасные. Женщины, одетые в черное, стоя на телегах, убивали бегущих, одни своих мужей, другие братьев и отцов; затем, душа своих грудных младенцев, они кида-

* Жителя г. Массилии, теперешнего Марселя.

ли их под колеса телег и под ноги вьючных животных, и, наконец, убивали и самих себя. Рассказывают, что одна из них повесилась на конце дышла вместе с детьми, которых привязала за шею к своим ступням. Мужчины за недостатком деревьев-привязывают себя за шею к рогам и ногам быков, колят их острием и погибают, удавленные и истоптанные этими животными. И хотя многие погибли таким образом, взято было в плен свыше шестидесяти тысяч и убито вдвое более. К концу срока своего пятого консульства Марий добивается шестого страстнее, чем кто-либо ищет первого, и, преодолевая свой нрав, заставляет себя быть снисходительным и ласковым. Но ему пришлось соперничать с Метеллом и, несмотря на помощь Главция и Сатурнина, располагавших толпами нищих, Марий достиг консульства лишь ценою денег.

В это время он вызвал против себя общую ненависть, помогая различным преступлениям Сатурнина, между прочим убийству Нония, которого Сатурнин ненавидел за соперничество на звание трибуна. Достигнув этого звания, Сатурнин предлагает аграрный закон*, одной из статей которого предписывалось сенату поклясться исполнять постановления народа и не оказывать им никакого сопротивления. Предложение, это должно было послужить ловушкою Метеллу. Марий в заседание сената нападает на закон и обещает не давать клятвы. Метелл объявляет, что и он не даст ее, и сенат расходится. Несколько дней

* Аграрными назывались законы относительно раздела завоеванных земель между бедными гражданами. *Переводч.*

спустя Сатурнин призывает сенаторов к трибуне* и требует от них клятвы. Марий подходит; при общей тишине взоры сенаторов обращаются к нему в ожидании отказа, а он, забыв все прекрасные речи и обещания в сенате, выражает готовность поклясться и выполнить закон. Обрадованный народ одобряет его жестами и возгласами. Патриции ощущают глубокое негодование и презрение к изменнику, однако из боязни народа клянутся и сами. Один Метелл не отступает от своего слова, готовый лучше пострадать, чем совершать постыдный поступок, и удаляется с форума, говоря провожающим его, что поступить дурно — позорно, поступить хорошо, не подвергаясь опасности, — дело обыкновенное, но что добродетельный человек тем и отличается, что поступает хорошо даже и с опасностью для себя. Сатурнин заставляет консулов объявить Метеллу запрет на огонь, воду и место за столом. В порыве народ изъявляет готовность убить Метелла. Но лучшая часть граждан сострадает к несчастью героя и спешит к нему на помощь. Метелл не допускает столкновения и удаляется из Рима, утешая себя такою мыслью: "Или граждане станут лучшими, и народ, раскаявшись, призовет меня обратно; или дела останутся в прежнем положении и тогда лучше быть вдали от них".

За услугу Сатурнина Марий вынужден был впоследствии потворствовать злоупотреблению им властью. Не предвидя того, Марий сделал

* Возвышение, на котором трибуны сидели при исполнении своей должности. *Переводч.*

Кимбры и тевтоны, защищающие свои обозы и семейства

Сатурнина невыносимым бичом, человеком, который прямо стремился к тирании и к ниспровержению государственного порядка оружием и убийствами. Из опасения знати и с целью снискать расположение толпы Марий совершает самый низкий поступок. Он собирает войско на форуме, преследует возмущавшихся приверженцев Сатурнина, засевших в Капитолии, и, отрезав водопроводные трубы, жаждою заставляет их сдаться. Доведенные до отчаяния, сатурнинцы призывают Мария и сдаются на так называемую общественную честь. Но едва они сходят на форум, как войско избивает их. Этот поступок не только не располагает народ к Марию, как последний надеялся, но возбуждает против него всеобщую ненависть. Народ возвращает Метелла, несмотря на горячее сопротивление Мария, который удаляется, чтобы не быть свидетелем торжества своего врага. Марий отправляется в Азию под предлогом выполнения обетов богине Цибеле*.

При возврате в Рим Марий застаёт в нем Суллу всемогущим. При такой встрече двух соперников борьба должна была завязаться в скором времени; она и возникла после так называемой общественной войны, и тем ожесточеннее, что подвиги Мария были забыты, а Сулла покрыл себя новою славою.

Общественная война подходила к концу, и многие полководцы добивались в Риме предводительства в войне против Митридата**, когда

* Богиня земли.

** Основатель Босфорского царства на берегах Черного моря. *Переводч.*

неожиданно трибун Сульпиций, человек весьма отважный, предлагает в полководцы Мария с титулом проконсула*.

Во всем поклонник и подражатель Сатурнина, Сульпиций упрекал свой образец лишь в нерешимости и робости. Сам он не останавливался ни перед чем, всегда окруженный шестьюстами всадниками, которые исполняли его приказания и были названы им противосенатом. Однажды он вместе со своими вооруженными войсками подходит к месту, где консулы исполняли свою должность; один из них бежит, и Сульпиций хватает и убивает его сына. Сулла, под приставленным к его горлу кинжалом, вынужден поклясться, что не будет добиваться предводительства. Торжествующий Сульпиций заставляет народ избрать главнокомандующим Мария, который, готовясь к отъезду, посылает двух военных трибунов принять армию от Суллы. Но Сулла поднимает войско, в котором около тридцати пяти тысяч человек, и ведет его на Рим. Слабо сопротивляясь, Марий бежит. Его приверженцы скоро рассеяны, а он в темноте добирается до своего загородного дома Солониума. Оттуда он отправляется в Остию**, где один из его друзей, Нумерий, приготовил для него судно. Марий садится в последнее со своим зятем Гранием и поднимает парус.

Ветер, благоприятный при отплытии, меняется; наступает буря. Судно, качаемое волнами, грозит пойти ко дну. Марий, страдая морскою болезнью, не в состоянии вынести дальнейшего

* Название консула, продолжавшего управлять провинциями по сложении консульского достоинства.

** При устье Тибра, на котором стоит Рим. *Переводч.*

пути, и беглецы с большим трудом пристаю к берегу. Буря усиливается; запасы оказываются истощенными, и Марий принужден выйти на берег. Здесь беглецы бродят без цели, стараясь, как это бывает в больших несчастьях, лишь отвратить настоящее, как наиболее страшное, и надеясь лишь на невидимое. Враждебна земля; враждебно море; страшна встреча с людьми, страшно, за недостатком припасов, и уединение. Наконец, под вечер беглецы встречают погонщиков быков, которые не могут дать им ничего съестного; но, узнав Мария, советуют ему поспешно удалиться, так как они встретили в стране отряд разыскивающих его всадников. В таких условиях, видя сопровождающих его друзей истомленными голодом, Марий сходит с дороги, углубляется в густой лес и проводит мучительную ночь. Утром голод заставляет выйти из лесу, и он, боясь утратить и последние силы, идет вдоль берега, ободряя провожатых, которые со своей стороны умоляют его не терять бодрости до осуществления или потери последней надежды.

Не более как в двадцати стадиях от итальянского города Минтурн, они видят приближающийся к ним отряд всадников и одновременно замечают две спущенные на воду лодки. Все, собрав последние силы, бегут к берегу, кидаются в воду и плывут к судам. Граний, достигнув одной из лодок, переправляется на островок недалеко от берега. Мария, обессилившего и слишком толстого для того, чтобы его можно было легко нести, два раба с большим трудом поднимают над водою и кладут в другую лодку, как раз в то время, когда всадники остановились на берегу и кричат,

приказывая лодочникам или причалить к берегу, или бросить Мария в море и убраться, куда хотят. Марий молит о пощаде, плачет, и лодочники, после продолжительного колебания, объявляют всадникам, что не покинут Мария. Всадники, удаляясь, раздраженные; лодочники, еще раз переменяв намерение, плывут к берегу. Доплыв до болотистого устья реки Лириса, они бросают якорь и убеждают Мария сойти на берег, поесть и отдохнуть, пока попутный ветер не позволит им отправиться в путь. Марий верит им и следует их совету; моряки несут его и кладут на поляну, а сами возвращаются на судно и, рассудив, что было бы нечестно предать Мария и небезопасно спасти его, поднимают якорь и уплывают. Покинутый всеми, Марий долго молча сидит на берегу, затем, с трудом поднявшись, идет по пустынной, бездорожной местности, перебирается через болота и рвы, наполненные водою и грязью, и, наконец, набрел на хижину тамошнего жителя, старика. Марий падает к ногам хозяина хижины и молит его о спасении, о спасении человека, который, если избегнет настоящей опасности, может наградить спасителя превыше его надежд. Потому ли, что старик некогда знал его, потому ли, что осанка и манеры просителя обличали в нем не простого человека, старик отвечает, что если просящему нужен лишь отдых, то хижина достаточно велика для этого, но что если он блуждает с целью уйти от погони, то лучше спрятать его в другое место, покойнее и безопаснее. Марий просит старика исполнить это. Старик ведет его в болото, заставляет спуститься в яму у реки и накрывает тростником и другими легки-

ми предметами, которые могут скрыть беглеца, не повредив ему.

Спустя некоторое время Марий слышит шум и спор со стороны хижины. Несколько человек

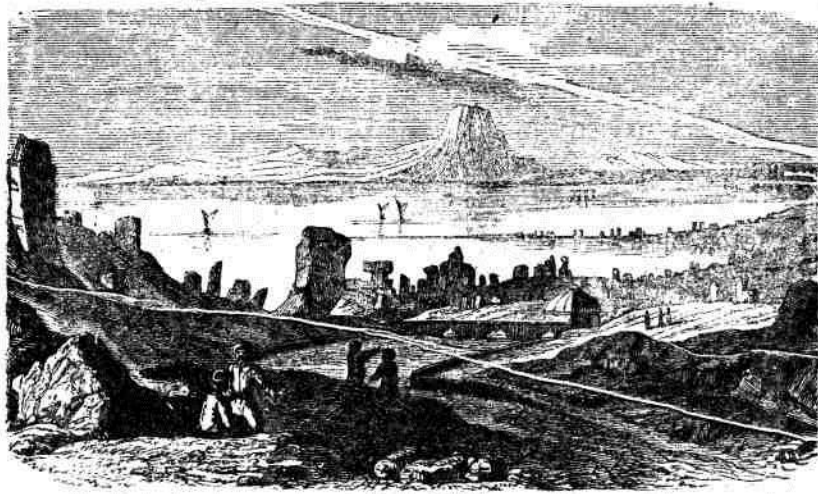

стараятся напугать старика, крича, что он принял и скрыл врага Рима. Марий встает, выходит из своего убежища, сбрасывает одежду и влезает в болото, полное грязи. Эти движения выдают Мариа, Всадники вытаскивают его из болота, голого и покрытого грязью, уводят в Минтурны и сдают на руки местным правительственным лицам, так как в городе уже был известен указ, повелевавший всякому преследовать и убить Мариа.

Правители Минтурн совещаются и решают поскорее отделаться от Мариа. Но никто из граждан не берется за это. Тогда один всадник, по происхождению — одни говорят галл, другие кимвр — входит к Марию с обнаженным мечом. Угол комнаты, в котором лежал Марий, был довольно темен, и говорят, что вошедший увидел глаза Мариа, метаящие пламя, и услышал исходивший из мрака громовой голос: "Человек, осмелишься ли ты убить Кая Мариа?" Варвар бросает меч, бежит от дверей и кричит: "Нет, я не могу убить Кая Мариа!" Все охвачены удивлением, а затем жалостью и раскаянием, упрекают себя в несправедливом, неблагодарном отношении к человеку, спасшему Италию, когда уже не помочь ему было преступлением. "Пусть он уходит, — решает народ, — пусть бежит, куда хочет, и испытывает судьбу в другом месте! А мы помолимся богам о прощении, что выгнали Мариа из нашего города нагим и без средств к жизни". Сговорившись, народ входит в комнату, где был Марий, окружает его и уводит к морю. Каждый старается оказать ему услугу, а один из жителей, Белей, предлагает ему лодку, Сев в нее, Марий предоставляет ветру нести его. Лодку прибывает к острову Энарии*, на котором Марий находит Грания и других друзей. Все они плывут в Ливию. Недостаток воды заставляет их пристать к Сицилии. Местность, к которой они причалили, была охраняема римским квестором. Он едва не

⁴ Ныне Ишия, в Неаполитанском заливе. Переводч.

захватил Мария, вышедшего на берег, и убил шестнадцать, человек из сопровождавших беглеца, занятых добыванием воды, Марий поспешно садится опять в лодку, переплывает море и пристает к берегу в области Карфагена. Консулом Ливии был в то время римлянин Секстилий,

Развалины Карфагена в нынешнем состоянии

которому Марий не сделал ни добра, ни зла и от которого он мог ожидать сострадательную помощь. Но едва Марий вышел на берег с несколькими спутниками, как встречает ликтора, который заступает ему дорогу, говоря: "Именем претора Секстилия запрещается тебе, Марий, ступать на Ливийскую землю; на случай, если ты не покоришься, он объявляет тебе, что будет повиновать-

ся декретам сената и поступит с тобою как с врагом Рима". Выслушав эти слова, Марий остается нем от горести и отчаяния; он замирает, в отчаянии страшно глядя на ликтора. Последний ждет от него ответа, который нужно передать претору. Тогда Марий, глубоко вздохнув, отвечает: "Скажи ему, что ты видел Мария в изгнании, сидящим на развалинах Карфагена". Поразительное сближение между судьбою Мария и этого города!

(Между тем в Риме происходит вооруженная борьба консулов. Октавий, побеждает и изгоняет Цинну*, добивавшегося восстановления законов Сульпиция. Цинна поднимает итальянцев. Узнав об этом, Марий решается тотчас же отплыть в Италию и, "хотя считает Октавия за человека, желавшего следовать законам справедливости", пристает к Цинне. Соединив свои войска, они идут на Рим и овладевают Яникульским холмом. А Октавий был зарезан подосланными убийцами.)

При таком положении дел сенат собирается и отправляет послов к Цинне и Марию с просьбою войти в город и пощадить граждан. Цинна в звании консула принимает послов, сидя на курульских креслах**, и дает сенату милостивый ответ. Марий, стоя подле кресел Цинны, не говорит ни слова; но по его мрачному виду и диким взглядам можно ожидать для Рима всяких ужасов. Цинна и Марий встают и в сопровожде-

* Приверженца Мария. *Переводч.*

** Почетное седалище высших правительственных лиц, во времена республики, консула, претора, эдила. *Переводч.*

нии войска направляются к городу. Цинна входит в него; Марий же останавливается у ворот и с злой насмешкой говорит, что ему, как изгнаннику, закон воспрещает входить в родной город и что если римляне желают его возвращения, то должны новым указом отменить прежний об его изгнании. И потому он велит собрать народ на форуме, но раньше, чем три или четыре трибуны успели подать голос, он, недовольный пустою формальностью призыва его на родину, входит в Рим, окруженный стражею, состоявшей из сбежавшихся к нему рабов. Эти люди убивают множество граждан по одному знаку Мария. Когда Марий не ответил на приветствие подошедшего к нему Анхария, они бросились на последнего и иссекли его мечами. С этого случая все, кому Марий не отвечал на поклон, были избиваемы на улицах. Даже друзья Мария трепетали каждый раз, когда им случалось подходить к нему для приветствия.

После большого числа убийств Цинна начал смягчаться, как бы насытившись кровью. Марий же, более и более раздражаясь, губил всех, кто возбуждал его подозрения. Все улицы, весь город были полны людьми, которые отыскивали и преследовали скрывавшихся и бежавших. Тогда можно было убедиться, что от ударов судьбы не спасают ни гостеприимство, ни дружба: очень редки были люди, не предававшие несчастных, искавших у них спасения. Поэтому достойны и удивления, и похвалы рабы Корнута, которые, спрятав своего господина в его доме, взяли один из валявшихся в городе многочисленных трупов, повесили его, надели ему на палец золотое

кольцо, показали этого подложного Корнута палачам Мария, а затем погребли тело. Никто не заподозрил обмана, и Корнут, спасенный таким образом своими рабами, успел бежать в Галлию. Оратор Марк Антоний также находит убежище у преданного друга, но счастье изменяет ему. Друг его был человек бедный, который, приняв к себе одного из первых людей Рима, захотел угостить его возможно лучше и послал раба к соседнему кабатчику за вином. Когда раб пробовал вино тщательнее обыкновенного и велел отмерить вина получше, кабатчик спросил его, отчего он не берет, по обыкновению, вина молодого и простого, а спрашивает получше. Раб простодушно отвечает ему, как другу, что хозяин его хочет угостить скрытого в его доме Марка Антония. Едва раб удалился, как подлый кабатчик бежит к Марию, сидевшему уже за столом, требует доступа, получает его и объявляет Марию, что предаст ему Антония. Выслушав это, Марий, рассказывают, вскрикнул от радости, хлопнул руками и едва не вскочил из-за стола, чтобы самому идти в указанное место. Но удержанный друзьями, он посылает туда с воинами Анния, приказав ему немедленно принести голову Антония. Когда отряд подходит к дому, Анний остается у дверей, а воины его поднимаются по лестнице в комнату верхнего этажа, но, увидев Антония, не решаются напасть на него, а только подстрекают друг друга. По-видимому, красноречие этого великого человека было таково, что когда он обратился к ним с мольбою о жизни, ни один воин не решился ни прикоснуться к нему, ни даже взглянуть ему в лицо, а все, рыдая, упали

пред ним на колени. Вследствие этого промедления Анний взбегает по лестнице и, увидя Антония говорящим, а воинов подавленными его красноречием, называет их трусами, сам бросается на Антония и отрубает ему голову. Друзья Лутация Катулла, бывшего товарища Мария в войне с кимврами и разделявшего с ним триумф, ходатайствуют за него пред Марием; но Марий отвечает им лишь следующими словами: "Ему надлежит умереть!" Катулл запирается в своей комнате, разводит большое пламя и убивает себя угаром.

Валявшиеся на улицах и попираемые ногами обезглавленные трупы уже не вызвали жалости, а возбуждали в зрителях лишь трепет ужаса. Всего более возмущала народ жестокость Мариевых сыщиков и убийц. Они совершали столько злодейств, что ужасали даже Цинну и Сертория. Однажды ночью последние напали на эту ватагу в ее стане и истребили ее.

В это время, как бы вследствие поворота счастья, прибывают вестники, объявляющие, что Сулла окончил войну с Митридатом и, возвратив отпавшие провинции, с громадным войском плывет к Риму. Эти вести временно прерывают испытываемые гражданами бедствия, так как виновники несчастий ожидают войны. Марий в седьмой раз избирается в должность консула, и в первый день года, календы* января, выходя из дому, приказывает сбросить некоего Секста Лу-

* У римлян — первый день каждого месяца, который торжественно начинался народными собраниями, жертвоприношениями и увеселениями. *Переводч.*

ция с Тарпейской скалы, предвещая таким образом страшные бедствия противной ему партии и всему городу. Истомленный трудами, мучимый мыслью о новых войнах и опасностях, он не находит покоя. Он понимает, что ему предстоит борьба не с Октавием, не с Мерулой,

Тарпейская скала

вождями беспорядочной толпы, а с Суллой, некогда изгнавшим его из отечества, с Суллой, победителем Митридата. Он вспоминает свое продолжительное скитальчество, опасности, испытанные им во время гонений на суше и на море, во сне видит страшные привидения, ужасные события и постоянно слышит голос, кричащий ему: "Логово льва страшно даже в его отсутствие!". Однако бессонница еще страшнее, и потому Марий прибегает к вину, надеясь найти в нем спасение от своих мыслей. По прибытии нового вестника с моря, Мария осаждают еще

более сильные опасения; подавляемый боязнью будущего, отвращением к настоящему, он находится в таком состоянии, что готов пасть от малейшего толчка, и в этом состоянии еще заболевает воспалением подреберной плевры. Некоторые рассказывают, что и в болезни в нем еще говорило честолюбие: в сильном припадке бреда он воображал себя предводителем в войне против Митридата, его тело принимало положения и совершало движения, свойственные сражающемуся, и испускал военные кличи. Так сильны были в нем страсть повелевать и завистливое желание предводительствовать в этом походе. Марий умер в семнадцатый день своего седьмого консульства, семидесяти лет от роду.

СУЛЛА

(Около 81 г. до Р. Х.)

Луций Корнелий Сулла, хотя из рода патрициев, вырос почти в бедности. О наружности Суллы можно судить по его статуям и сохранившимся описаниям. Глаза у него были серые, взгляд живой и жесткий; выражение лица становилось еще страшнее от его темно-красного цвета, с белыми пятнами, давшими одному афинянину повод сказать, что "Сулла похож на стену, осыпанную мукой". Характера Сулла был до того

насмешливого, что еще молодым, неизвестным человеком он проводил время с мимами и шутами, разделяя с ними распутный образ жизни. И став неограниченным властителем, он собрал вокруг себя наглых шутников сцены и театра, проводя дни в пьянстве и потехе двусмысленными остротами, унижая свою

Сулла.

старость и врученную ему власть и жертвуя этим вкусам предметами более достойными мудрой заботливости. За столом с ним нельзя было говорить о серьезных делах: в другое время деятельный, мрачный и строгий, он, попав в распутное общество, до того изменялся, что входил в панибратство с актерами и шутами, пользовавшимися с его стороны крайнею снисходительностью и управлявшими им по своей прихоти.

(Так как в жизнеописании Мария было уже сказано об его соперничестве с Суллой, то мы считаем излишним дополнять рассказанное событиями из жизни последнего. Мы предпочитаем посвятить еще несколько строк изображению характера этой мрачной личности.)

В общественную войну, столь изобильную страшными опасностями для римлян, Марий не совершил ничего великого, напротив, Сулла своими достопамятными подвигами приобрел славу великого полководца. К этой славе он относился совершенно иначе, чем афинский полководец Тимотей, сын Конона. Тимотей, узнав, что враги приписывают все его успехи случаю и рисуют его погруженным в сон, между тем как фортуна ловит за него города на удочку, рассердился на насмешников, утверждая, что они лишают его славы за его подвиги, и однажды, возвращаясь из успешного похода, сказал народу: "На этот раз, афиняне, я не должен ничем случаю". Сулла же, напротив, не только позволял выставлять его удачу и благосклонность судьбы, но, приписывая свои подвиги случаю, еще возвышал их и придавал им божественный характер.

Впрочем, характера Сулла был неровного и противоречивого: лишая многого, он давал еще больше; почитал без причины, оскорблял без повода; льстил тем, в ком нуждался; унижал просивших его, так что нельзя было сказать, высокомерен он или льстив. Так же неровен был он и в мести: посылал на казнь за самые незначительные поступки и в то же время терпеливо сносил величайшие преступления, легко прощал оскорбления, казавшиеся смертельными, и карал легкие проступки, не имевшие последствий, то смертью, то лишением всего имущества. Эти противоречия объяснимы лишь тем, что жестокий и мстительный по характеру, он подчинял свой гнев расчетам личной выгоды. Когда во время междоусобий воины его убили палками и камнями одного из его помощников, Альбина, он не наказал их и даже не назначил следствия по такому важному преступлению. Мало того, он воспользовался событием, говоря, что воины его, желая загладить свое преступление храбростью, будут сражаться с большим против прежнего жаром. Его попрекали этою слабостью; но он не обращал на упреки никакого внимания: он уже намеревался погубить Мария и, видя близкое окончание междоусобия, желал получить предводительство против Митридата и потому старался польстить состоявшему под его начальством войску.

(После побега Мария Сулла становится предводителем войска против Митридата. Полем битвы служила Греция. Сулла, чтобы добыть деньги, ограбил храмы, даже дельфийский. Он взял Афины после десятидневной осады, отдал их на

разграбление и не разрушил окончательно лишь из уважения к древним афинянам, говоря, что из-за мертвых он щадит живых. Затем Сулла разбил Митридатова полководца Архелая при Херонее и Орхомене. В это время до него дошли неприятные вести из Рима.)

Цинна и Карбон позволяли себе незаконное насилие относительно самых знатных лиц, почему многие из последних, спасаясь от деспотизма, бежали в стан Суллы, так что в короткое время возвращающийся победитель был окружен чем-то вроде сената. Жена его, Метелла, с трудом спасаясь вместе с детьми, извещает Суллу, что дом и поля его сожжены врагом, и умоляет его спасти оставшихся в Риме. Сулла не знает, на что ему решиться: он не может пренебречь отечеством, терпящим столь тяжкие бедствия, но не может оставить и неоконченную войну с Митридатом. Во время его колебаний один купец тайно сообщает ему несколько слов от имени Митридатова полководца Архелая. Сообщение до того радует Суллу, что он спешит завязать прямые переговоры. Свидание двух военачальников происходит на берегу моря. Архелай говорит первым и советует Сулле, покинув Азию и Понт*, отплыть в Рим, чтобы покончить междоусобную войну, и предлагает ему для этой цели от имени царя Митридата деньги, суда и войско в количестве, которое назначит сам Сулла. В свою очередь Сулла советует Архелаю покинуть Митридата, стать самому царем и вступить в союз с римлянами, выдав им корабли Митридата. Архе-

* Так называлось в древности Черное море. *Переводч.*

лай с ужасом отвергает измену. Тогда Сулла говорит: "Итак, ты, Архелай, каппадокиец, раб, или, пожалуй, друг царя-варвара, ты не соглашаешься принять позор ни за какие блага! А мне, римскому полководцу, мне, Сулле, ты осмеливаешься предложить измену, точно ты не тот Архелай, который бежал от Херонее с несколькими афинянами, остатками от ста двадцати тысяч человек, и который два дня скрывался в Орхоменских болотах, завалив все дороги Виотии трупами!" Архелай тотчас же меняет тон речи, кидается перед Суллой на колени и умоляет его окончить войну и заключить с Митридатом мир. Сулла изъявляет согласие, и договор заключен на следующих условиях: Митридат отказывается от Азии и Пафлагонии, возвращает Вифинию Никомену, Каппадокию Ариобарзану, уплачивает римлянам две тысячи талантов и передает им семьдесят кораблей с медной обшивкой носовой части, а равно и все их вооружение. Со своей стороны, Сулла оставляет Митридату все остальные земли и дарует ему звание римского союзника.

По заключении этого мира, Сулла возвращается к Геллеспонту* через Фессалию и Македонию, ведя с собою Архелая, с которым обращается с уважением. Прибыв в Лариссу, Сулла принимает послов Митридата, объявляющих, что царь принимает условия, за исключением уступки Пафлагонии и выдачи кораблей, на которые не может согласиться. "Как? — гневно восклицает

* Древнее название Дарданельского пролива, соединяющего Черное море с Архипелагом. *Переводч.*

Сулла, - Митридат притязает на Пафлагонию и отказывается выдать корабли, — он, которого бы я должен был видеть у моих ног молящим об оставлении ему правой руки, погубившей столько римлян! Но он заговорит иначе, когда я буду в Азии. А теперь, спокойно сидя в Пергаме*, пусть он готовится к войне, какой еще не видывал!" Испуганные послы не отвечают ни слова; но Архелай смягчает гнев Суллы, взяв его за руку и орошая ее слезами. Он склоняет наконец римского полководца послать его к Митридату: он заключит мир на условиях, какие определит Сулла, а если не преуспее в этом, то собственною рукою убьет царя.

Вследствие этого данного слова. Сулла отпускает Архелая, вторгается во Фракию, разоряет ее и возвращается в Македонию, где Архелай встречает его при Филиппах** и уведомляет об успешном ходе переговоров. Только Митридат непременно просит свидания с Суллой. Главною причиною этого желания было Приближение Фимбрии***, который, умертвив консула Флакка из противной партии и разбив полководцев Митридата, шел на самого царя. Боязнь его и внушала Митридату желание снискать дружбу Суллы.

Свидание происходит в городе Дарзане, в Троаде****. Митридат явился с двумястами гребных судов, двадцатью тысячами пехотинцев-гонплитов*****, шестью тысячами всадников и мно-

* Столица Митридатова царства.

** Ныне Филиппополь в Турции.

*** Римского искателя приключений.

**** Прибрежная часть Мизии в Малой Азии, где главным городом была Троя.

***** Тяжело вооруженные воины. *Переводч.*

жеством вооруженных колесниц. У Суллы было только четыре когорты* и двести всадников. Митридат подходит к Сулле и протягивает ему руку. Сулла спрашивает царя, хочет ли он закончить войну на условиях, обговоренных с Архелаем. Царь молчит. "Разве ты не знаешь, — спрашивает Сулла, — что просители должны говорить первыми и что одному победителю дозволено молчать?" Митридат пытается оправдаться, обвиняя в войне частью богов, частью римлян. Но Сулла прерывает его и вторично спрашивает, принимает ли он условия Архелая. И когда Митридат отвечает утвердительно, Сулла в свою очередь приветствует его, горячо обнимает и, подозревая царей Ариобарзана и Никомеда, примиряет их с Митридатом.

(Заключив мир, Сулла движется против Фимбрии, заставляет его скопище сдаться, и когда Фимбрия лишает себя жизни, Сулла овладевает Азией**, беспощадно грабмт ее. Он налагает на города общую уплату двадцати тысяч талантов и отягощает частные лица постоем наглых воинов. Он требует, чтобы каждый воин получал от хозяина ежедневно по четыре тетрадахмы***, а также ужин для себя и для стольких друзей, сколько ему заблагорассудится пригласить; чтобы каждый центурион**** получал в день по пятидесяти

* Десятая часть легиона, в котором было от 3—6000 воинов.

** Малой.

*** Тетрадрахма — древнегреческая монета, около 22 коп. серебром.

**** Сотник римского войска. *Переводч.*

драхм*, одежду для дома и другую для выхода), Наконец Сулла отправляется в Италию с войском, вполне преданным ему. Возвращение его патриции встречают с ликованием, и некоторые из них, наиболее беспокойные, Кресе и Помпей, собирают войско и успехами готовят окончательную победу своей партии. Сулла одерживает две важные победы над молодым Марием. Карбон бежит в Ливию, Марий в Пренесту**

Сулле предстояло еще сражение с самнитянином Телезином, который, как бы следуя расчету атлета, ринулся на утомленного врага и едва не опрокинул и не побил его у ворот Рима. Вместе с луканцем Лампнием он собрал большую шайку и шел на Пренесту, чтобы освободить осажденного Мария. Но узнав, что Сулла намеревается напасть на него спереди, а Помпей с тыла, спешат настигнуть его, он, подобно опытному полководцу, снимается ночью со стана и со всем войском идет на Рим. И ему едва не удается застич город врасплох. Но в десяти стадиях от него он останавливается и ночует перед стенами, гордый успешной борьбой со столькими славными полководцами. На рассвете, когда знатная молодежь Рима совершает против него вылазку, он убивает многих из них, между прочими храброго Клавдия Аппия. В городе происходит сильное смятение: женщины кричат, жители бегут по улицам, как будто бы город был уже взят приступом. В это время вскачь прибывает в Рим один из подчиненных Суллы, Бальб, с семь-

* Драхма — около 6 коп. сер.

** Теперь Палестрина, в 3 милях от Рима. *Переводч.*

юстами всадниками. Дав лишь короткий отдых вспотевшим коням, он приказывает вновь взнуздать их и готовится отразить врага. Но тут подоспевает сам Сулла, велит первым прибывшим наскоро пообедать и строит их к бою. Долабелла и Торкват настоятельно просят его не подвергаться с утомленными войсками крайней опасности, так как ему предстояло сразиться не с Карбоном или Марием, а с самнитянами и луканцами, двумя народами, наиболее враждебными Риму и наиболее воинственными. Но Сулла отвергает совет и велит трубачам подать знак к нападению, хотя был уже десятый час и начинало вечереть. Закипел страшный бой. Правое крыло под предводительством Красса одерживает блистательную победу. А когда левое крыло ослабевает, Сулла кидается ему на помощь, скача на великолепном белом коне. Два врага узнают его и уже поднимают копья, чтобы кинуть их в него. Он не замечает опасности; но его конюший, увидя движение врагов, дает Сулловой лошади удар кнутом и так кстати заставляет ее скакнуть вперед, что оба копья касаются хвоста животного и вонзаются в землю. Говорят, что Сулла, во всех сражениях носивший на груди полученную им в Дельфах* золотую статуетку Аполлона, нежно поцеловал ее и сказал: "О Аполлон Пифийский, увенчавший успехом и возвеличивший счастливого Корнелия Суллу в стольких битвах, неужели ниспровергнешь ты его здесь, у ворот родины, и

* Где был знаменитейший в Греции храм бога Аполлона с оракулом (провозвестником воли божества). Изречения произносила жрица Пифия, почему и Аполлон Дельфийский назывался еще Пифийским. *Переводч.*

дашь ему презренно погибнуть вместе с его согражданами?" Так молился Сулла, в то же время обращаясь к войску с просьбами и угрозами; но левое крыло его разбито, он увлечен общим бегством и вынужден возвратиться в стан, потеряв большое число друзей и товарищей.

Глубокой ночью прибывают посланцы от Красса, за пищей ему и его воинам, разбившим врага, преследовавшим его до Антемны и расположившимся там станом. Сулла, узнав от них, что большинство врагов погибло, идет на рассвете к Антемне, принимает условия сдачи трех тысяч человек, которым обещает пощаду при условии, чтобы до присоединения к нему они причинили какой-либо большой вред врагу. Веря его слову, эти воины бросаются на остальных, и между ними происходит ужасная свалка. Сулла сгоняет остатки обеих сторон, числом в шесть тысяч, запирает их в цирке и созывает сенат в храме Беллоны*. В начале его речи нарочно отряженные воины избивают этих шесть тысяч пленных. Крики избиваемых в небольшом пространстве раздаются далеко, сенаторы приходят в ужас, а Сулла, спокойно и бесстрастно продолжая говорить, просит их внимательно слушать его, не заботясь о происходящем вне храма, где по его приказанию усмиряют нескольких негодяев. Эти слова убеждают и самых недаленовидных римлян, что они не избавились от тирании, а лишь попали другому деспоту. Разница состояла в том, что у Мария деспотизм лишь выражал его обычный

* Богиня войны у римлян. *Переводч.*

нрав, не изменяя его, а Сулла, сначала пользовавшийся своими успехами с умеренностью и как добрый гражданин, заслуживший славу вож-

Междоусобная битва на улицах Рима.

дя-аристократа, преданного народу, и в юности любивший шутку и выказывавший сострадание, так что легко проливал слезы, теперь оправдывал своим поведением мнение, что неограниченная

власть изменяет саму природу людей, делая их гордыми, дерзкими и жестокими.

Раз начав побоище, Сулла продолжал заливать город кровью. Погибло множество лиц, никогда не навлекавших на себя его неприязни, так как он позволял убийства своим друзьям, руководившимся личною враждою. Один молодой человек, Кай Метелл, решился спросить Суллу в сенате, долго ли еще продолжится эта бойня, и просил его ответом устранить всеобщий страх. "Мы просим тебя не о пощаде людей, которых ты решил убить, — сказал юноша, — а об успокоении тех, которых ты намерен пощадить". Сулла отвечал, что он еще не знает, кого пощадит. "Так объяви, по крайней мере, — настаивает Метелл, — имена тех, которых хочешь наказать". — "Это я и сделаю", — отвечает Сулла.

Вслед затем Сулла издает проскрипцию восьмидесяти граждан, не сообщая даже о том правительственным лицам*. Мера эта вызывает всеобщее негодование, а Сулла, пропустив один день, издает проскрипцию еще двухсот двадцати человек, да и на третий день такого же числа. После этого в речи к народу он объявляет, что покарал всех, кого вспомнил, а что забытых он покарает впоследствии. Осуждал же он, между прочим, всякого, кто укрыл у себя или спас приговоренного, наказывая таким образом всякое проявление человеколюбия и не исключая

* Проскрипцией называлось у римлян осуждение на смерть или изгнание. По закону приговор этот произносился не иначе, как сенатом, но Сулла присвоил себе эту власть, а за ним злоупотребляли ею и последующие властители Рима. *Переводч.*

даже пытавшихся спасти брата, родителей, детей. В награду за убиение осужденного убийца получал два таланта, без разбора — умертвил ли раб своего господина, или сын отца. В завершение злодеяний, дети и внуки осужденных были караемы бесчестием и потерей имущества. Проскрипция не ограничивалась Римом, а распространялась на все города Италии: ни один храм богов, ни один дом не остались неоскверненными убийством: мужья умерщвлялись в объятиях жен, дети — на руках матерей. А число жертв гнева и ненависти еще далеко не равнялось числу людей, умерщвленных из-за их богатства. Убийцы могли говорить, что такой-то гражданин погиб из-за своего большого дома, другой из-за сада, третий из-за теплых ключей на его землях. Невинный гражданин Квинт Аврелий, думая, что общественные бедствия касаются его лишь в том отношении, что обязывают его к состраданию, приходит однажды на форум, читает имена осужденных и находит в списке и себя: "Ах, я несчастный! — восклицает он. — Это моя земля в Альбе погубила меня!" Он делает несколько шагов и падает под ножом пошедшего за ним убийцы.

Сулла является в Пренесту и начинает судить и казнить граждан поодиночке, но потом за недостатком времени собирает их, сразу двенадцать тысяч, и велит умертвить всех, за исключением лишь своего хозяина, которому дарует жизнь. Но этот человек в благородном порыве отвечает, что не хочет быть обязанным жизнью палачу своей родины и, смешавшись с толпой сограждан, погибает вместе с ними.

Одновременно с потерей граждан, Рим ли-

шается и своих древних установлений. Сулла провозглашает себя диктатором, восстанавливая таким образом звание, не существовавшее уже в течение ста двадцати лет. Он заставляет народ

Сулла слагает с себя звание диктатора.

уничтожить все прежнее и на будущее время признать за ним, Суллою, право казни, лишения имущества, раздела земель, учреждения и разрушения, его волю возводить в царское достоинство кого ему вздумается. Он продает с публичного торга отнятое имущество, сидя на трибуне, с такою наглостью и с таким деспотизмом,

что эта продажа возмутительнее самого лишения имущества. Он дарит игрокам на лире, мимам, преступным вольноотпущенным целые страны и доходы с городов, отнимает жен у одних, чтобы отдать их насильно за других. Желая породниться с Помпеем Великим, он заставляет его отказаться от прежней жены и жениться на его невестке Эмилии, которую отнимает у Мания Глабриона. Когда Лукреций Офелла, осаждавший Мария, хочет консульства, Сулла запрещает ему это домогательство. Лукреций, поддерживаемый народом, идет на форум; Сулла посылает одного из своих центурионов убить дерзкого и, сидя на трибуне в храме Диоскуров, смотрит сверху на исполнение этого приказа. Народ хватает центуриона и тащит его на суд; Сулла усмиряет возмущение, объявляет, что приказание дано им, и велит освободить центуриона.

После триумфа Сулла перечисляет перед собранием дарованные ему случаи успеха и приказывает, чтобы его впредь величали счастливым. Но еще большую веру в счастье Сулла доказал тем, что истребив такое множество сограждан и произведя такой коренной переворот в учреждениях, он добровольно отказался от диктатуры, возвратил народу право консульских комиций*, не приближался к ним и спокойно оставался на форуме, дозволяя всякому, в качестве частного лица, требовать от него отчета в его действиях.

Остаток дней Сулла провел в пьянстве и разврате, который и убил его: он был заживо съеден червями.

* Собрания римских граждан для решения важнейших дел. *Переводч.*

СЕРТОРИЙ

(Около 82 г. до Р. Х.)

Квинт Серторий происходил из довольно знатного рода в сабинском городе Нурсии. Хорошо воспитанный матерью, оставшеюся во вдовстве, он чрезвычайно любил ее, и эта-то нежность породила в нем любовь к родине. Сначала он занимался защитой подсудимых с таким успехом, что еще юношей славился в своем родном городе красноречием. Но блеск совершенных им военных подвигов обратил его честолюбие на воинское поприще.

(Одинаково деятельный и храбрый, он скоро достиг славы, но лишился одного глаза в междоусобную войну, в течение которой не щадил себя. В эту войну он доказал, что ставил пользу республики выше победы своей партии: будучи сторонником Мария, Серторий советовал Цинне не принимать его по возврате из Африки, из опасения бедствий, которыми грозила победа Мария. Когда Цинна не послушался совета, Серторий противится насилию Мария, склоняет Цинну к умеренности и с его помощью освобождает Рим от разбойничьих шаяк, совершавших всякие

злодейства. По переходе власти в руки Суллы, Серторий бежал в Испанию, где своею кротостью скоро привлек местное население. Он деятельно готовился к борьбе с врагами, когда помощник Суллы Кай Анний заставил его, не окончив приготовлений, покинуть Испанию. Серторий несколько месяцев боролся с небом и землей: на море с бурями, в Африке с варварами, на Балеарских островах и в Испании с войсками Анния. В отчаянии он намеревался переселиться на Счастливые острова*, о которых ходили тогда чудесные рассказы. От этого намерения его отвлек поход в Африку. Он воевал с мавританским царьком, которому покровительствовал Сулла, и взял приступом служивший ему убежищем город Тингис. Там, по рассказам африканцев, он велел вырыть гробницу Антея** и нашел тело в шестьдесят локтей длиною.

Серторий не знал, что предпринять, когда лузитанцы***, нуждаясь для войны с римлянами в опытном и известном полководце, призывают Сертория начальствовать их войском. Они прибегли к нему, доверяя рассказам живших с ним и знавших его нрав. Серторий не поддавался ни удовольствиям, ни страху; бесстрашный в опасностях, умеренный во время успехов, он не уступал в отваге ни одному из современных полководцев; притом, когда следовало скрыть свои передвижения от врага, предупредить его замыслы, овладеть выгодным местоположением,

* Теперь называемые Канарскими.

** Сказочный гигант, убитый Геркулесом.

*** Лузитания — западная часть древней Испании, почти совпадающая с нынешней Португалией.

совершить быстрый переход, Серторий столько же отличался хитростью и искусством обмануть неприятеля. Щедро награждая доблестные подвиги, он умеренно наказывал проступки. Впрочем, жестокость, обнаруженная им в конце жизни к заложникам, показывает, что он не был кроток от природы, а выказывал это качество лишь по необходимости или по расчету. По моему мнению, истинная добродетель, опирающаяся на ум, никогда не может быть случайностями жизни обращена в совершенно противоположное ей; но, с другой стороны, я не считаю невозможным, чтобы и сильные характеры, перенося незаслуженные, несчастия, не могли измениться. Это то и случилось, как мне кажется, с Серторием под влиянием судьбы: озлобленный несчастиями, он стал жесток к изменникам.

Как бы то ни было, призванный лузитанцами, он покидает Ливию и тотчас по прибытии на место командует, в качестве главного военачальника, армией лузитанцев и подчиняет соседние страны Испании, население которых, по большей части, сдается добровольно, привлекаемое кротостью и деятельностью Сертория. Правда, иногда последний для привлечения туземцев прибегает и к хитрости. Однажды туземец Спан встречает лань, только что родившую и преследуемую охотниками. Лань убегает от Спана; но он, пораженный совершенно белым цветом лани, гонится за нею и берет ее живьем. Это случилось в местности, где Серторий стоял станом. Так как полководец с удовольствием принимал всякую дичь и плоды земледелия и щедро награждал поносителей, то Спан решил отвести к нему

и белую лань. Серторий, принимая ее, не очень радовался, но вскоре он до того приручил животное, что оно прибегало на его зов и повсюду следовало за ним, не пугаясь ни людей, ни их шума. Затем Серторий выдает лань за подарок Дианы* и рассказывает, что животное открывает ему многие тайны. Он знал, что варвары очень склонны к суеверию, и хитро воспользовался этой их чертою: получив от местных жителей тайное известие, что враги вторглись в его область, он рассказывал, будто лань приказала ему держать войско наготове. Узнав, что кто-либо из его помощников одержал победу, он скрывал вестника и выпускал лань, украшенную цветами, как предвестницу удачи, и советовал воинам ободриться и принести жертву богам, так как в скором времени они должны получить счастливую весть. Таким образом Серторий вполне подчинил себе лузитанцев, следовавших, как им казалось, не указаниям начальника-иноземца, а велениям богов. Еще сильнее подкупают общее настроение в его пользу его успехи: с двумя тысячами шестьстами воинов, которых он называл римлянами, но между которыми находилось семьсот ливийцев, последовавших за Серторием в Лузитанию, с четырьмя сотнями лузитанских пельтастов** и семью сотнями конницы он боролся против четырех римских полководцев, предводителями ста двадцати тысяч воинов. С такими сравнительно слабыми силами Серторий не только побеждает могущественные народы и

* Богиня охоты. *Переводч.*

** Пехотинцы, составлявшие середину между тяжело вооруженною и легкою пехотою.

берет много городов, но из воевавших с ним полководцев побеждает Котту в морской битве при Мелларийском проливе, разбивает Фаутидия, командовавшего в Бетике*, и уничтожает у него две тысячи римлян; его квестор разбивает Луция Доминиция, проконсула ближайшей части Испании, а сам Серторий убивает Форания, посланного во главе отряда Метеллом, Что же касается Метелла, величайшего из современных полководцев, то Серторий, нанеся ему несколько значительных поражений, поставил его в такую крайность, что Луций Лоллий должен был торопиться на помощь Метеллу из Нарбонской Галлии**, а сенат поспешно послал на выручку его Помпея с войсками.

Пока Серторий сражался с Метеллом, он, повидимому, одерживал верх только благодаря старости и природной медлительности Метелла, неспособного справиться с человеком отважным, предводителем скорее шайки разбойников, чем войска. Но по переходе Помпея через Пиренеи, Серторию пришлось стоять лицом к лицу с этим великим полководцем. И что же? Серторий превзошел Помпея как в нападении, так и в защите, и до Рима донеслась молва, что Серторий самый искусный и предприимчивый полководец своего времени. В битве при Сукроне Помпей был бы уничтожен, если б не спасло его прибытие Метелла. "Если б не пришел старик, — сказал Серторий, — то я высек бы мальчишку и прогнал бы его обратно в Рим".

* Юго-западная часть древней Испании, нынешние Андалузия и Гренада.

** От г. Нарбонны, теперь во французском департаменте р. Оды. *Переводч.*

Метеллу удалось, наконец, разбить Сертория, и старик приходит от этого в такой восторг и до того гордится своей победой, что провозглашает себя императором. Города, через которые он проходит, встречают его жертвоприношениями на алтарях. Рассказывают даже, что Метелл повелел короновать себя и угощать роскошными пиршествами, на которых пил, облеченный в триумфальную тогу, и на которых, при помощи машин, спускались к нему победы, держа в руках золотые трофеи и короны, между тем как хоры мальчиков и девочек пели в честь его гимны. Как смешно такое тщеславие победой над тем, кого сам Метелл называл рабом, бежавшим от Суллы, и остатком от разбитого войска Карбона! Напротив, как великодушен в сравнении с ним Серторий! Он назвал сенатом собрание тех сенаторов, которые спаслись из Рима в его стане; их избирал он в свои квесторы и помощники, во всем сообразуясь с отечественными законами. Далее, хотя он вел войну оружием, деньгами и укрепленными городами Испании, но даже на словах не уступал испанцам высшей власти: он назначил им полководцами и губернаторами римлян, желая возвратить Риму свободу, а не увеличить за его счет могущество испанцев. Этот человек любил свое отечество и страстно желал возвратиться на родину. Поставленный в трудное положение, он проявил мужество и никогда не унижался перед врагами. Мало того: после победы он посылал сказать Метеллу и Помпею, что готов сложить оружие и жить частным человеком, если ему позволят возвратиться: ему приятнее, говорил он, быть безвестней-

шим гражданином Рима, чем изгнанником, хотя бы и в сане владыки мира.

Другое доказательство величия его души представляют его отношения с Митридатом. Когда Митридат, побежденный Суллою, восстал для новой борьбы и снова захватил Азию, слава Сертория уже распространилась, и возвращавшиеся с запада мореплаватели наполняли Понтийское царство рассказами о подвигах Сертория. Митридат снаряжает к нему послов, долженствовавших устно предложить Серторию необходимые для войны корабли и деньги при условии, чтобы он обеспечил Митридату обладание всею частью Азии, уступленную последним Риму по договору с Суллою. Серторий созывает совет, называемый им сенатом; все убеждают его принять предложение и согласиться, так как за одно словесное право на непринадлежащую им страну им предлагают то, в чем они наиболее нуждаются. Серторий не соглашается. Он говорит, что не жалел бы отдать Митридату Вифинию и Каппадокию, страны, всегда состоявшие под управлением царей и на которые римляне не могут иметь притязаний, но никогда не потерпит, чтобы под владычество царя подпала страна, по праву принадлежавшая римлянам, которую Митридат захватил и держал в своей власти, а затем, побежденный Фимбрией, утратил и по договору уступил Сулле. Собственными победами он, Серторий, хочет принести пользу Риму, а не умалить его силу. Мужественный человек хочет побеждать с честью и не платит за успехи позором. Рассказывают, что, узнав об этом ответе, Митридат вскричал: "Каковы же будут поражения Сер-

тория, если ему придется восседать на Палатинском холме*, когда теперь, оттесненный к Атлантическому морю, он определяет границы моего царства и грозит нам войною, если мы коснемся Азии!" Однако договор был заключен на условии, что Митридат будет владеть Вифинией и Каппадокией, а Серторий пошлет ему полководца с войском. В вознаграждение Серторий должен был получить от Митридата три тысячи талантов и сорок кораблей.

Однако как только пребывавшие в Испании сенаторы и товарищи Сертория смогли надеяться на свои силы для сопротивления врагу, то рассеявшийся страх уступил место безумной зависти к власти Сертория. Зависть эту возбуждал преимущественно Перпенна**; который, подчиняясь пустому желанию предводительствовать, тайно старался восстановить против Сертория его друзей. Веря внушениям Перпенны, большинство не решалось, однако, восстать, боясь могущества Сертория, но скрытно портило его дела, от его имени притесняло варваров, жестоко наказывало их и обременяло налогами. От этого возникли восстания в городах. Лица, которых Серторий посылал для успокоения умов, возвращались не иначе, как усилив раздоры и вспыхивавшие мятежи. Тогда Серторий, отказавшись от обычных мягкости и доброты, совершил жестокую неспра-

* После Капитолийского самый знаменитый из семи холмов древнего Рима, на котором впоследствии жили римские императоры, а в описываемое время, может быть, диктаторы. *Переводч.*

** Бежавший в Испанию бывший сторонник Мария. *Переводч.*

ведливость к испанским детям, которых он воспитывал в Оске: одних велел убить, других продать.

Болтливость привела к необходимости быстро

Убиение Сертория.

привести в исполнение замысел заговорщиков, и Перпенна, вместе со своими единомышленниками, подкупает человека, который должен принести письмо к Серторию, и приводят его к нему. Письмо извещало о победе одного из приверженцев Сертория и об избиении большого числа врагов. Серторий, обрадованный этою вестью,

устраивает благодарственное жертвоприношение, и Перпенна приглашает его на пир, который намеревается дать своим друзьям (то были заговорщики), и настоятельными просьбами убеждает Сертория принять приглашение.

Серторий всегда был очень воздержан на пиру и не терпел неприличных действий и разговоров, а приучал своих товарищей к умеренности и благоразумию. В этот день, в середине пира, заговорщики, ища предлога к ссоре и желая раздражить Сертория, притворяются пьяными. Возмутило ли это Сертория, или он угадал их намерение по смущенным разговорам пирующих и их необыкновенной вольности, — он, переменив положение, опрокидывается на свое ложе*, как бы не желая обращать внимания ни на них, ни на их речи. В это время Перпенна берет полную чашу вина и, приставив ее ко рту, выпускает из рук. При происшедшем шуме, который служил условленным знаком, Антоний, лежавший выше Сертория, наносит ему удар мечом. Серторий оборачивается и встает; но Антоний кидается ему на грудь, хватая его за руки, и Серторий, лишенный возможности защищаться, умирает под множеством ударов.

Тотчас же большинство испанцев убегает и отправляют к Метеллу и Помпею послов с предложением сдаться им. Перпенна собирает оставшихся и хочет сопротивляться, но побежден и казнен.

* За трапезой римляне лежали. *Переводч.*

ЛУКУЛЛ

(Около 71 года до Р. Х.)

(Своею известностью Лукулл обязан более своему образу жизни, чем походу против Митридата. И мы обойдем военную часть его биографии, а остановимся лишь на описании его вкусов и характера. В делах, общественных Лукулл был приверженцем Суллы и врагом Помпея. Последний лишил его славы окончания войны с Митридатом. Добавим, что Лукулл возбудил ненависть своих воинов проявленным в Азии человеколюбием к неприятелю, тогда как Сулла приобрел их любовь противоположным образом действий. Постоянно возобновлявшееся неповиновение войска лишало значения лучшие победы Лукулла, так как в римских армиях любовь к отечеству очень ослабела.)

Жизнь Лукулла очень напоминает те древние комедии, которые начинаются общественными и военными подвигами, а кончаются обедами, пирами, пылающими факелами и смешными сценами разного рода. На подобные зрелища, пышные здания, прогулки и купания, а еще более на картины, статуи и другие предметы искусств,

190

которые Лукулл собирал с большими издержками, он безумно растратил, громадные богатства, приобретенные им во время походов. Даже в настоящее время, когда роскошь так сильно увеличилась, сады Лукулла причисляются к самым великолепным императорским имениям*. Что же касается его построек на берегу моря и близ Неаполя, сооруженных им проходов в горах, морских каналов, выкопанных вокруг его усадьбы для размножения рыбы, дворцов, построенных на самом море, то видя их, стоик** Туберон назвал Лукулла Ксерксом*** в тоге. Около Тускулума у Лукулла были великолепные загородные дома, с чудными видами, просторными садами и огромными залами. Однажды Помпей, посетив эти дачи, трунил над Лукуллом, что он построил себе прекрасное летнее жилище, но необитаемое зимою. Лукулл рассмеялся: "Да разве ты думаешь, что у меня меньше смысла, чем у жаб и журавлей, и что я не меняю жилище по временам года?"

В другой раз претор, желая устроить зрелище для народа, просит у Лукулла пурпуровых хламид, чтобы одеть в них хор. Лукулл отвечает, что посмотрит и что если у него есть такие хламиды, то он даст их ему. На следующий день Лукулл спрашивает претора, сколько хламид ему надо. Тот отвечает, что сотни будет достаточно, а

* Плутарх умер в 134 году по Р. Х., т. е. уже во времена империи. *Переводч.*

** Стоики — философы греческой школы, считавшие за доблесть произвольное подвержение себя лишениям.

*** Персидский царь, славившийся богатством своей казны. *Переводч.*

Лукулл предлагает ему взять вдвое больше. По этому-то поводу поэт Гораций и воскликнул, что не признает за богатство, если предметы пренебрегаемые и незамечаемые менее многочисленны, чем видимые.

Обыкновенные трапезы Лукулла обличали разбогатевшего выскочку. Его пурпуровые ложи, посуда, украшенная драгоценными камнями, являвшиеся в промежутки хоры певцов и толпы танцовщиц, громадное число всякого рода яств, стоивших долгого труда, служили лишь для возбуждения изумления в людях, лишенных благородства. Поэтому так понравилось современникам слово, сказанное однажды Помпеем. Во время его болезни врач предписал ему съесть дрозда. Слуги докладывают больному, что в то время года, именно летом, откормленного дрозда можно найти только у Лукулла. Помпей запрещает им обращаться к Лукуллу и говорит врачу: "Как! Если б Лукулл не был таким страстным охотником хорошо покушать, то Помпею бы и не жить?" И он приказал изготовить себе кушанье, которое легко было добыть.

Катон был друг и союзник Лукулла, но до того гнушался его образом жизни, что однажды, слушая в сенате молодого оратора, в скучной и бесконечной речи некстати витийствовавшего об умеренности и простоте жизни, встал и сказал: "Скоро ли ты, богатый как Красс и живущий как Лукулл, перестанешь говорить как Катон?"

Лукулл не только любил такой образ жизни, но хвалился им, доказательством чему могут служить его собственные сохранившиеся слова. Говорят, что однажды он несколько дней сряду

угощал приехавших в Рим греков. Последние боятся злоупотребить его гостеприимством и отказываются от приглашения, по причине ежедневных больших трат на них. Но Лукулл отвечает, смеясь: "Малая доля этой траты действительно идет на вас, друзья-греки; но гораздо большая идет на Лукулла."

Однажды, когда он ужинал один, ему накрывают лишь один стол и подают лишь посредственное кушанье. Лукулл сердится и зовет раба, заведовавшего этою частью хозяйства. Раб отвечает, что за отсутствием гостей он не считал нужным готовить что-либо роскошное. "Что ты говоришь? Разве ты не знал, что сегодня Лукулл ужинает у Лукулла?" Слова эти, конечно, стали известны всему городу и возбуждали немало толков. В другой раз, когда Лукулл спокойно прогуливался по форуму, к нему подходят Цицерон и Помпей. Цицерон был с ним в тесной дружбе, и хотя Помпей и сталкивался с Лукуллом в спорах по поводу предводительствования войском, но они часто виделись и сохраняли вежливые отношения. Цицерон кланяется Лукуллу, осведомляется о его здоровье и спрашивает, дозволит ли он обратиться к нему с просьбой. Лукулл отвечает, что он чувствует себя очень хорошо и предлагает ему высказать свою просьбу. "Мы хотим,— говорит Цицерон,— отужинать сегодня у тебя, но с условием, чтобы для нас не готовили ничего нового". Лукулл колеблется и просит Цицерона и Помпея назначить другой день; но они не соглашаются и даже не позволяют Лукуллу говорить со своими слугами, чтобы те не заказали чего-либо лишнего; они разреша-

ют Лукуллу только сказать в их присутствии одному из своих служителей, что сегодня он ужинает в "Аполлоне". Так называлась одна из его великолепнейших зал. Этим способом Лукулл обманывает своих гостей так, что они того и не подозревают. По-видимому, у Лукулла для каждой столовой были определены и посуда, и расход, так что слугам достаточно было знать, в какой зале ему угодно ужинать, чтобы не ошибиться ни в кушаньях, ни в посуде. Ужин в "Аполлоне" стоил обыкновенно пятьдесят тысяч драхм. Та же сумма была издержана и на этот раз, к крайнему изумлению Помпея, пораженного и величиною издержки, и быстротою изготовления ужина. Таким образом Лукулл обошелся со своими тогдашними гостями как с пленниками и варварами. С тою же хвастливостью он всегда пользовался своими богатствами.

Более достойна уважения Лукуллова страсть к книгам. Он собрал множество книг хорошего стиля и хорошо употреблял это свое богатство, открывая всем беспрепятственный доступ в свои библиотеки и прилежавшие к ним галереи и кабинеты, в которые греки входили как во святилище муз, охотно оставляя другие занятия, чтобы проводить там день в беседах. Сам Лукулл нередко принимал участие в этих беседах, вклиниваясь, во время прогулок, в общество ученых, которым, в случае нужды, покровительствовал и в политических делах. Между прочим, дом его был убежищем, Пританеом* для приезжавших в Рим греков.

* Площадь в Афинах, окруженная общественными зданиями, в одном из которых содержались заслуженные государственные люди. *Переводч.*

Лукулл любил философию и к каждой школе относился доброжелательно, но особенное предпочтение он отдавал Академии, не так называемой новой, хотя и достигшей тогда нового блеска вследствие сочинений Карнеада, объясненных Филоном, а Академии древней, представителем которой был в то время человек умный и красноречивый — Антиох Аскалонский. Лукулл всячески старался подружиться с ним и привлечь его в свой дом и противопоставил его ученикам Филона, к которым принадлежал и Цицерон. Последний написал даже в защиту учения этой школы прекрасное сочинение, в которой заставляет Лукулла держать речь о вероятности, а сам защищает противное мнение. Книга эта называется "Лукулл".

КРАСС

(Около 71 г. до Р. Х.)

Марк Красс был сыном бывшего цензора, заслужившего триумф, и воспитывался в скромной семье вместе с двумя братьями. Эти братья были женаты еще при жизни родителей, и все члены большой семьи ели за одним столом. Вероятно, вследствие такого воспитания Красс вел всегда умеренную жизнь. Римляне говорят, что его многие добрые качества были омрачены только одним пороком — скупостью. Доказательством ее служили современникам средства добывать деньги и его чрезвычайное богатство. Вначале у него было не более трехсот талантов, а впоследствии, занимая общественную должность, он был в состоянии посвятить Геркулесу десятую часть своего имущества, задать пир народу и безвозмездно раздать гражданам хлеба на три месяца. Тем не менее, когда Красс перед походом против парфян составлял опись своему имуществу, то оно равнялось семи тысячам талантов (около десяти миллионов рублей). И большую часть этого имущества он скопил, к стыду своему, огнем и мечом, извлекая выгоду из общественных бедствий.

Когда Сулла, овладев Римом, стал продавать имущество убитых им, считая и выдавая продаваемое за добычу и желая привлечь к участию в позорном деянии возможно большее число граждан, и притом пользовавшихся почетом, Красс не уставал ни брать, ни покупать. Когда в Риме зачастую случались пожары и, кроме того, дома разрушались от чрезмерного числа этажей, Красс покупал рабов-плотников и каменщиков. Избрав их более пятисот, он покупал как погоревшие дома, так и упавшие в цене другие, и приобрел таким образом большую часть Рима. Однако, располагая таким числом рабочих, он построил для себя самого лишь один дом, говоря, что охотники до построек разоряются и без помощи врагов. Красс обладал многими серебряными рудниками, доходными землями с нужным для них числом земледельцев. Тем не менее доход с этих имений был ничтожен в сравнении с доходом, который он извлекал от множества рабов, искусных во всяких промыслах: между ними были чтецы, писцы, пробирщики*, режиссеры**, смотрители кухни. Красс наблюдал за их обучением и направлял их, убежденный, что господин обязан учить своих рабов.

Однако Красс был щедр к иностранцам; дом его был открыт всякому, и друзей своих он ссужал деньгами без роста; но с наступлением срока он неумолимо требовал уплаты, так что безвозмездный заем становился тягостнее займа за боль-

* Лица, определяющие относительное количество благородного металла, входящего в состав сплава.

** Управители театров. *Переводч.*

шие проценты. Гости находили у него обед весьма простой, но простота эта была скрашиваема чистотою и любезностью, предпочитаемых роскоши. В занятиях литературных он предпочитал упражнение в области наиболее выгодной в денежном отношении и, став одним из искуснейших римских ораторов, усердием и трудом превосходил более даровитых ораторов. Как бы ничтожно ни было, говорят, дело, он являлся на защиту его хорошо подготовившись. Иногда, когда Помпеи, Цезарь или Цицерон отказывались говорить. Красс принимал на себя роль защитника. Это принесло ему славу человека обязательного и сострадательного. В то же время он снискивал расположение людей вежливым, простодушным обращением. При встрече с римлянином, как бы малоизвестен и беден тот ни был, Красс никогда не проходил мимо без того, чтобы не поклониться и не назвать встретившегося по имени.

Он чрезвычайно искусно привлекая симпатии людей при помощи лести; но, с другой стороны, и он сам был очень податлив на лесть. Ему приписывают еще одну странную черту характера: что он, будучи крайне скуп, ненавидел и презирал скупцов.

(Главное событие в жизни Красса составляет его победа над Спартак в невольничью войну. Спартак далеко превосходил умом такую посредственность, как Красс, и если был побежден им, то потому, что при всей своей гениальности не умел приучить к военному порядку своего войска, состоявшего из невольников, и вдохнуть в него дух людей свободных).

Восстание гладиаторов* и разграбление Италии, которое обыкновенно называется невольничьею войною Спартака, возникло следующим образом. Некто Лентул Батиат содержал в Капуе гладиаторов, по происхождению большую частью галлов и фракиян. Двести из них сговариваются бежать. Заговор их открыт, и узнавшие об этом семьдесят восемь человек решаются спешить его исполнить, берут из лавки жарильщика мясо, ножи, вертела и уходят из Капуи. По дороге они встречают возы с оружием гладиаторов, которое перевозится в другой город, грабят эти возы и вооружаются найденными в них доспехами; затем, став на удобозащищаемой местности, они выбирают себе трех начальников, из которых главным был Спартак, фракиянин нумидийского происхождения, человек отважный и изумительно сильный, с необыкновенными в его состоянии умом и кротостью, более грек, чем можно было ожидать по его происхождению.

Рассказывают, что когда он был приведен в Рим на продажу, то однажды, во время его сна, змея обвилась вокруг его лица. Сопровождавшая Спартака жена его, фракиянка тоже, гадальщица, посвященная в таинства Бахуса, объявила, что случившееся с ее мужем предвещает ему великое и страшное могущество, которое окончится несчастьем.

Шайка Спартака побеждает отряд войска, высланный против нее из Капуи, отнимает у воинов оружие и, счастливая обменом, кидает свои гладиаторские доспехи, как позорные и прилич-

* Рабы, боровшиеся на римских общественных играх. *Переводч.*

ные лишь варварам. Но вскоре посланный из Рима претор Клодий с трехтысячным войском осаждает гладиаторов на горе, имевшей лишь один сход, трудный, узкий и оберегаемый Клодием, а с других сторон — крутые и скользкие скалы, на вершине поросшие диким виноградом. Невольники срезают пригодные для их цели виноградные лозы, сплетают их в длинные и крепкие лестницы, которые будучи прицеплены к вершинам скал, спускались бы до самой долины. Изготовив эти лестницы, невольники действительно спускаются; последний из них перед побегом сбрасывает товарищам их оружие. Римляне ничего не заметили; невольники окружают их, пугают неожиданным нападением, обращают в бегство и овладевают их станом. После этого к ним присоединяются многие погонщики быков и пастухи окружающей местности, люди сильные и ловкие; невольники вооружают некоторых из них, а остальных используют в качестве гонцов и легких отрядов.

Против них посылают другого претора, Публия Барина. Невольники разбивают его помощника Фурия, напавшего на них с двумя тысячами воинов. Затем Коссиний, советник и товарищ Барина, посланный со значительным отрядом, едва не попадает в плен к Спартаку, сторожившему его у Саленских бань. На помощь к Коссинию является сам претор; Спартак бьется с ним во многих сражениях, наконец захватывает его ликторов и коня и тем внушает еще больший страх. План его действий был очень мудр: не надеясь одолеть могущества Рима, он вел свою шайку к Альпам, считая за лучшее перейти горы,

чтобы невольники могли удалиться на родину, кто во Фракию, кто в Таллию. Но они, надеясь на свое число и возгордившись успехом, не слушают Спартака, а рассеиваются по Италии и грабят ее. С этого времени сенат смотрит на восстание уже не как на неожиданное, хотя и постыдное для себя событие, а как на опасное для государства, и, подобно тому, как в великие войны, посылает против Спартака двух консулов. Один из них, Геллий, прюблизясь к отряду германцев, хвастливо отделившись от войск Спартака, внезапно нападает на них и избивает весь отряд. Другой консул, Лентул, окружил Спартака; но последний вступает с ним в сражение, поражает его помощников и овладевает всеми его военными запасами. Затем Спартак направляется к Альпам, но встречает на пути Кассия, губернатора части Галлии, шедшего на него с десяти тысячным войском. Завязывается сражение, Кассий разбит с большою для него потерю и едва спасается бегством.

После вести об этом сенат, разгневанный на консулов, приказывает им остановиться и возлагает предводительство в этой войне на Красса, который располагается станом в Пицении*, чтобы встретить здесь направившегося в эту страну Спартака. Красс отряжает своего помощника Муммия с двумя легионами в обход врага, чтобы следовать по пятам последнего, не вступая в сражение, даже избегая стычек. Но Муммий при первой надежде на успех принимает бой и терпит

* Провинция древней средней Италии между Аппенинами и Адриатическим морем.

поражение. Много воинов убито, многие кидают оружие и бегут. Красс строго выговаривает Муммию, снова вооружает воинов, но уже требует от них залога в целости оружия и клятвы сохранить его. Затем он казнит тех пятьсот воинов, которые бежали первыми.

Спартак отступает через Луканию* к морю. Прибыв к Сицилийскому проливу**, он встречает тамошних пиратов***, и в нем возникает желание, переправив на Сицилию две тысячи человек, снова разжечь на острове недавно окончившуюся невольничью войну, для чего требовалась лишь искра. Пираты улавливаются со Спартаком и принимают от него подарки, но обманывают его и уплывают в море. Спартак отходит от берега и разбивает стан на Региумском полуострове. В это время прибывает с войском Красс. При осмотре местности он решает запереть перешеек укреплением, сооружение которого должно заполнить праздные досуги воинов и лишить неприятеля подвоза припасов. Работа была трудная; тем не менее Крассу удается окончить ее, вопреки ожиданиям, в короткий срок; он прорыл ров от одного моря до другого через весь перешеек на протяжении трехсот стадий шириною и глубиною в пятнадцать футов. За этим рвом возвышалась громадная стена. Сначала Спартак издевается над этой работой; но добыча у него истощается, а всякому движению вперед мешает возведенная стена. Тогда он, пользуясь случившеюся снежною ночью и холодным ветром, за-

* Тогдашняя область в Нижней Италии.

** Теперешнему Мессинскому.

*** Морских разбойников. *Переводч.*

валивает часть рва землею, бревнами и ветвями деревьев, чтобы перейти на другую сторону с третьей своей армии.

Красс опасался, чтобы Спартак не вздумал идти на Рим; но значительная часть невольничьего войска отделяется от главных сил Спартака и располагается станом подле одного луканского озера. Красс нападает на этот отряд и прогоняет его с озера, но вынужден прекратить преследование из-за внезапного появления Спартака, который останавливает бегущих. За какое-то время до этого Красс писал римскому сенату, что нужно призвать Лукулла из Фракии и Помпея из Испании; теперь он раскаивается в этом письме и торопится кончить войну до прибытия указанных лиц, предвидя, что иначе успех будет приписан не ему, а тому, кто явится на помощь. Порешив напасть сперва на отряд, отделившийся от прочего войска под предводительством Кайя Канниция и Каста, Красс посылает шесть тысяч человек овладеть одной из ближних гор, с поручением выполнить это, не будучи замеченными врагом. Отряд старается скрыть свои маневры и с этой целью обвязывает свои шлемы; но его замечают две женщины, совершавшие жертвоприношения впереди неприятеля. Отряд подвергается большой опасности, когда внезапно появляется Красс и завязывает с врагом самое кровопролитное сражение, в котором истребляет двенадцать тысяч триста человек. Из этого числа только двое были поражены в спину: все остальные пали на своем посту, встречая римлян лицом к лицу.

Спартак после этого поражения отступает на высоты Петелы; за ним по следам идут один из

помощников Красса и квестор Скрофа. Спартак поворачивается и начисто разбивает римлян, которые с трудом спасаются, унося с собою раненого квестора. Этот успех погубил Спартака, внушив невольникам безумную уверенность в победе. Они отказываются отступать и повиноваться своим начальникам, а когда последние выступают в поход, невольники окружают их, грозя оружием, и заставляют вести их назад через Луканию против римлян. Не менее их желал столкновения и Красс. Уже носился слух о скором прибытии Помпея, и в комициях многие говорили, что в эту войну победа предназначена ему и что вслед за своим прибытием к войску он даст сражение и окончит борьбу, и потому Красс, желая решительного боя, спешит приблизиться к неприятелю и строит окопы. Невольники бросаются на рабочих и вступают с ними в бой. Последовательно с той и другой стороны прибывают подкрепления. Спартак вынужден ввести в дело все свое войско. Ему подводят коня; но Спартак сморит; что если он победит, то добудет у врага много хороших коней, а если будет разбит, то уже не будет нуждаться в коне, и с этими словами выхватывает меч и убивает свою лошадь. Затем он старается пробиться к Крассу сквозь град стрел, но не успевает в этом, хотя убивает двух напавших на него центурионов. Наконец, покинутый своими, он бьется один с окружающими его врагами, упорно защищается, но, раненый смертельно, падает.

Красс воспользовался случаем и как полководец исполнил свое дело прекрасно; он лично подвергся опасности, и тем не менее, успех

увеличил славу одного Помпея, хотя он избил лишь бежавших. Сам Помпей писал сенату, что Красс победил рабов в бою, а он, Помпей, подрезал корень войны. И он блестящим триумфом торжествовал победу над Серторием и Испанией, тогда как Красс не был удостоин большого триумфа, а лишь триумфа пешим, который называют овацией*. Да и этот триумф казался лишенным достоинства, как достигнутый победою над рабами.

(Красс должен был сильно огорчиться тем, что Помпей извлек из невольничьей войны больше славы, чем он. Помпей являлся соперником, а Красс гордился отсутствием соперников и по богатству, и по могуществу. И он почти достиг этой цели. "Постоянным домогательством, — говорит Плутарх, — своими защитительными речами, ссудами денег, заступничеством и интригами в пользу тех, которые просили у народа какой-либо милости, он достиг влияния и славы, способных соперничать с влиянием и славой, заслуженными Помпеем путем многих блестящих походов". Но этого было не довольно Крассу. Когда он усилился настолько, что мог равноправно договариваться с Цезарем и Помпеем, он пожелал быть первым из триумвиров**. "Превосходя Цезаря во всем остальном, — говорит, несправедливо преувеличивая, Плутарх, — и не желая уступить ему и военной славы. Красс прибегал ко всяким средствам, чтобы удовлетво-

* Выражение уважения и благодарности к какому-либо лицу посредством нарочно устроенного торжества.

** Триумвиры — члены верховного правления из трех лиц.

счастную етрасть, приведшую его наконец к смерти, позорной и тяжелой для его отечества" Красс задумал подчинить парфеян. "Считая за игрушку поход Лукулла против Тиграна* и поход Помпея против Митридата, он простирал свои надежды на Бактрию**, Индию и Внешнее море***". Но надежды эти скоро рушились. Последовав за проводником-изменником в степи Мессопотамии, Красс увидел свою армию окруженную парфянской конницей и уничтожаемую ее стрелами и сам пал жертвою второй измены следующим образом.)

Суренна****, боясь, чтобы с наступлением ночи римляне не овладели соседними горами и не заняли таким образом неприступного положения, пытается победить Красса хитростью. Он дает бежать нескольким пленникам, которые в бытность в парфянском стане слышали нарочно подготовленный разговор варваров между собою, что их царь не хочет воевать с римлянами беспощадно, а намерен приобрести их дружбу, поступая с Крассом человеколюбиво. Варвары прекращают бой, и Суренна, спокойно приблизившись со свитою к холму, занятому римлянами, отвязывает свой лук и протягивает руку. Он приглашает Красса на свидание, говоря, что царь, хотя поневоле и выказал свое мужество и могу-

* По прозванию Великого, царя Армении зятя Митридата Великого понтийского.

** Теперь южный Туркестан.

*** Индийский океан, который древние греки и римляне считали концом света.

**** Предводитель войск Ородеса, царя парфян. Перевод*.

щество, но хочет обнаружить и свое милосердие, даруя римлянам жизни и доставляя им возможность отправиться на родину. Эти слова Суренны приводят римлян в восторг; но Красс, знакомый с коварством парфян и озадаченный внезапной переменой их поведения, не верит и колеблется. Воины кричат, понуждают его и даже оскорбляют, обвиняя в трусости и говоря, что он принуждает их воевать с врагами, с которыми, даже безоружными, он не осмеливается свидеться для переговоров. Красс пытается склонить их просьбой, добавляя, что если они потерпят остаток дня на крутой возвышенности, на которой стоят, то ночью будут в состоянии спастись, указывает им дорогу и убеждает их не отчаиваться в близком избавлении. Но раздраженные воины бьют в свое оружие и грозят Крассу. Последний уступает, соглашается на свидание и, обращаясь к приближенным, говорит: "Октавий, Петроний и вы все, присутствующие римские вожди, вы свидетели наносимого мне позора и насилия. Но если вам удастся спастись, говорите всем, что Красс погиб от обмана врагов, а не от измены своих сограждан."

Октавий и прочие вожди не покидают Красса и провожают его с холма. И ликторы хотят следовать за Крассом, но он благодарит их и отклоняет это предложение. Первыми встретившими их были два грека-метиса*. Приблизившись, они соскакивают с лошадей, простираются перед Крассом и, говоря по-гречески, советуют

* Метисами называются люди, происходящие от отца европейца и матери неевропейского племени. Переводч.

ему послать вперед нескольких воинов увериться, идут ли Суренна и его воины безоружными. Красс отвечает им, что если б хоть сколько-нибудь дорожил жизнью, то не пришел бы к врагу и не отдался бы в его власть. Он посылает двух братьев Росциев спросить парфян, каковы их условия и в каком числе они идут. Суренна велит схватить посланцев и держать под стражею; затем, подъехав к Крассу в сопровождении своих приближенных вождей, восклицает: "Что же это такое? Предводитель римлян идет пешком, а мы на лошадях?" И он приказывает подать Крассу коня. Красс замечает, что оба они правы, потому что каждый, отправляясь на свидание, следует обычаю своей страны. Суренна отвечает, что с этого мгновения существует мир между царем Ородесом и римлянами, но что договор следует подписать дальше, на берегу реки, "потому, — добавляет он, — что вы, римляне, плохо помните договоры". И он подает Крассу руку. Когда Красс требует своего коня, Суренна замечает, что его конь не нужен: "Царь, — говорит он, — дарит тебе этого". В то же время Крассу подводят коня в золотом уборе. Конюшие поднимают Красса, сажают его на лошадь и, идя рядом, подгоняют ее. Октавий хватается коня за узду, а за ним один из трибунов, Петроний, и другие окружают Красса, стараются сдержать лошадь и отстраняют парфян, теснящихся к Крассу с обеих сторон. Отсюда теснота и беспорядок, а скоро обе стороны доходят и до ударов. Октавий, выхватив меч у одного из варваров, убивает одного конюха, но сам погибает от руки другого варвара, поразившего его сзади. Петроний, который не может

добыть себе оружия, получает удар по шлему и соскакивает с коня, не будучи ранен. Красс убит парфянином по имени Промаксетресом. Все присутствовавшие римляне или погибают, сражаясь вокруг Красса, или немедленно бегут по направлению к своему холму. Парфяне нагоняют их, чтобы сказать, что Красс наказан за собственный проступок и что Суренна предлагает им сойти с холма. Одни сходят и попадают во власть Суренны, другие пользуются ночью, чтобы рассеяться по ближней местности; только немногим удается спастись. Остальные попадают в плен и погибают. Рассказывают, что этот поход стоил римлянам двадцати тысяч убитых и десяти тысяч пленных.

Помпей.

ПОМПЕЙ

(С 107 по 48 г. до Р. Х.)

По-видимому, Помпей уже в юности внушал римскому народу чувство, какое Эсхил^{*} Про-

^{*} Эсхил — основатель греческой трагедии. К семи сохранившимся до нас пьесам его принадлежит и "Прометей, прикованный к скале". В этой пьесе Прометей, похитивший с неба огонь для оживления слепленных им из глины людей, прикован главным греческим богом Зевсом к скале, где ворон клюет его внутренности, пока не освобождает Прометея Геракл, сын того же Зевса. *Переводч.*

метей выражает спасшему его Гераклу, говоря: "Дорогой моему сердцу сын ненавистного отца!" Римляне не испытывали ни к одному полководцу такой сильной и непримиримой ненависти, как к Помпееву отцу, Страбону: при его жизни они боялись его военного искусства, а когда он был убит молнией, они сорвали его тело со смертного одра и нанесли ему тысячу оскорблений. С другой стороны, ни к кому не питали они такого расположения, возникшего с ранней юности любимца, продолжавшегося в течение долгого времени его успехов и постоянного при неудачах, как к Помпею. Ненависть к отцу происходила от одной причины, именно от его ненасытного корыстолюбия; любовь же к сыну была вызвана многими обстоятельствами: его умеренным образом жизни, ловкостью в упражнениях тела, убедительным красноречием, искренностью его характера, снисходительностью в обращении, собственной неспособностью к назойливому искательству и ласковою готовностью помочь нуждающемуся, умением дать без чванства и принять с достоинством.

Уже в юности Помпея эти его качества обольщали народ и склоняли его к выражению выгодного мнения. К привлекательной наружности Помпея присоединялась важность, смешанная с ласкою; сквозь цвет юности просвечивали достоинство зрелого возраста и совершенно царское величие. Лоб у Помпея был открытый, а живой взгляд придавал лицу некоторое сходство с изображениями царя Александра.

(При возвращении Суллы в Италию Помпею было двадцать три года, и он оказал Сулле

величайшие услуги. Он привел ему три легиона, набранные им самим в Пицении* и давшие ему победу над несколькими полководцами партии Мария. Сулла, ясно видя честолюбие юноши, хотел удовлетворять его стремления, чтобы не опасаться Помпея впоследствии: он приветствовал его титулом императора** и поручил ему несколько походов против остатков побежденной партии. Помпей стал орудием Сулловой мести, и когда в его руки попал Карбон; он велел тащить этого римлянина, три раза бывшего консулом, на казнь в присутствии негодовавшей толпы.

Как только междоусобная война в Африке окончилась поражением и смертью Домиция, Помпей получает от Суллы приказание распустить войска и с одним легионом ожидать прибытия вождя, долженствующего заместить его. Это приказание возбуждает тайную досаду в Помпее. Войско же не скрывает своего негодования. И когда Помпей просит воинов отправиться на родину, они проклинают Суллу, говорят, что не дозволят Помпею ехать одному и довериться тирану. Помпей сначала старается укротить и утешить воинов, но, не преуспев в этом, сходит с трибун и в слезах удаляется в свою палатку. Солдаты идут искать его и несут его снова на трибуны, и большая часть дня проходит в том, что воины уговаривают Помпея остаться и сохранить начальство, а он упрашивает их повиноваться и не приступать к возмездью. Наконец, когда

* См. сноску на стр. (в биографии Красса).

** Титул этот давался войскам своему полководцу за славные победы и только впоследствии был присвоен царствующим лицам. *Переводч.*

они не перестают настаивать и кричать, Помпей клянется, что лишит себя жизни, если они заставят его действовать против собственного убеждения, и только этим средством ему удастся восстановить спокойствие.

К Сулле первому дошла весть, что Помпей изменил. Сулла говорит своим друзьям, что, по-видимому, судьба назначила ему в старости бороться с детьми, В самом деле, молодой Марий* причинил ему много хлопот и поверг его крайней опасности. Но вскоре, узнав истину о поведении Помпея и слыша, что все встречают последнего с чрезвычайным сочувствием и провожают его, Сулла хочет превзойти других, встречает Помпея, самым дружеским образом пожимает ему руку и приветствует его именем Великого, приказывая и всем присутствующим воздавать Помпею этот титул.

Пользуясь выказанным расположением Суллы, Помпей просит триумфа; но Сулла ему отказывает, так как закон предоставляет эту почесть лишь консулу или претору и никому другому. Так, Сципион, одержав в Испании великие и славные победы над карфагенянами, не просил триумфа, не будучи ни консулом, ни претором. Если б Помпей, ещё безбородый и по своим летам не могущий быть сенатором, вошел триумфально в Рим, то это отступление от закона сделало бы ненавистным и власть Суллы, и самое торжество Помпея. Вследствие этих соображений Сулла объявляет Помпею, что не только не одобряет

* Сын Мария, биография которого помещена раньше. *Переводч.*

его желания, а противится ему, и в - случае неповиновения Помпея подавит его честолюбие силою. Помпей не терпится, просит Суллу вспомнить, что люди более восхищаются восходящим солнцем, чем заходящим, и этим дает понять, что власть его, Помпея, усиливается, тогда как влияние Суллы начинает ослабевать и исчезает. Сулла, не расслышавший слов Помпея, но видя общее удивление на лицах присутствующих, спрашивает, чему они удивляются. Ему повторяют слова Помпея, и пораженный его дерзостью, Сулла дважды восклицает: "Так пусть же он торжествует!" Многие сторонники Суллы негодуют и грозят, и Помпей, желая, как говорят, еще более оскорбить их, решает въехать в Рим на колеснице, запряженной четырьмя слонами, привезенных им из Ливии и отнятыми у царей. Но ворота оказываются для этой упряжи слишком узкими; Помпей отказывается от своей зтеи и въезжает на лошадях. Его воины, не получившие всего, на что надеялись, устраивают беспорядок. Помпей говорит, что его не волнует это и скорее готов отказаться от триумфа, чем льстить воинам. Тогда Сервий, лицо знаменитое, сильнее других противившееся триумфу Помпея, сознается, что видит в последнем человека великого, достойного триумфа.

Очевидно, что пожелай Помпей, он легко получил бы звание сенатора; но он стремился к славе путями непроторенными и не хотел добиваться этого звания. Решение это послужило ему могучим средством к приобретению расположения народа. Толпа была в восторге от того, что Помпей после триумфа остался в рядах всадников, подчиняясь старейшинам.

(По смерти Суллы беспорядки возобновились. Помпею предоставляют предводительство во всех войнах. Он без боя кончает войну с Лепидом*: один из неприятельских предводителей, отец знаменитого Брута, переходит к Помпею, и Лепид, потеряв свою лучшую опору, бежит в Сардинию, где и умирает. Посланный в Испанию, Помпей разбит Серторием, но спасен Метеллом. Он побеждает, лишь изменника Перпенну, которого и казнит, и тем не менее, говорит Плутарх, "никто даже в шутку не смеет сказать, что войну кончил не Помпей, а кто-либо иной". Точно так же, явившись как раз вовремя, чтобы истребить последние отряды Спартака, Помпей хвалится, что подрезал корни междоусобной войны, и лишает Красса славы победы, подобно тому, как лишил ее Метелла).

Помпей награжден триумфом и консульством. Но еще более этих почестей свидетельствует об его величии то, что Красс, богатейший, красноречивейший и могущественнейший из государственных людей той эпохи, несмотря на свое презрение к Помпею и всему миру, не осмеливается искать консульства, не испросив на то разрешения Помпея. Помпей соглашается, так как уже давно искал случая подружиться с Крассом и выказать ему свое расположение. Он усердно хлопочет по его делу, старается склонить в пользу Красса народ и во всеуслышание говорит, что будет рад избранию своего товарища не менее, чем собственному.

* Консулом, пытавшимся вооруженною рукою уничтожить постановления Суллы. *Перевод.*

Однако по избрании они расходятся во мнениях по всем предметам. Красс пользовался большим влиянием в сенате, Помпей внушал более доверия народу. Он возвратил ему трибунов и добился издания закона, что суд будет вновь предоставлен всадникам. Кроме того, сильно польстило народу, что Помпей явился просить увольнения от военной службы. В Риме существовал обычай, что всадники, выслужив законный срок, приводили своих боевых коней к должностным лицам, называвшимся цензорами. Там, исчислив всех полководцев, под начальством которых они служили, и дав отчет в своих походах, они были увольняемы с похвалой или хулой, какую заслужили своим поведением. На этот раз судьями в торжественном облачении восседали цензоры Геллий и Лентулл, и перед ними проходили всадники, выслушивая приговор. Вдруг народ увидел сходившего на форум Помпея, окруженного знаками своего звания и ведущего в поводу коня. Приблизившись к зрителям, он приказывает ликторам разомкнуться и пропустить его с лошадью к трибуналу. Весь народ в изумлении молчит; цензоры преисполнены и радости, и сожаления. Старший из них вопрошает: "Спрашиваю тебя, Помпей Великий, совершил ли ты законное число походов?" Помпей во всеуслышание отвечает: "Я совершил их все, и во всех я сам был полководцем". Услышав этот ответ, народ поднимает восторженный крик и долго не смолкает; цензоры встают и провожают Помпея к нему, чтобы доставить удовольствие гражданам, встречающим Помпея громкими криками.

(Это народное действие Помпея вскоре было награждено в войне с пиратами).

Могущество пиратов*, зародившееся в Киликии**, разрослось во время войны с Митридатом до страшных размеров вследствие услуг, оказанных пиратами этому царю. Позднее, когда римляне, занятые междоусобными войнами у ворот Рима, оставили море незащищенным, пираты не только нападали на мореплавателей, но грабили острова и прибрежные города. Вскоре и люди богатые, знатного происхождения и образованные, садились на суда и пускаются на разбой, как на почтенное ремесло. Они устраивают в различных местах стоянки для пиратов с укрепленными башнями, выводят в море целые эскадры легких и быстрых судов, не только снабженных хорошими гребцами и управляемых искусными кормчими, но еще более роскошных, чем страшных; их раззолоченные носовые части, настланные на них пурпуровые ковры, их посеребренные весла обличали в хозяевах людей, которые тщеславились разбоем. По всему берегу раздавались музыка и пение, происходили пьянство, захват должностных лиц и, к стыду римского правительства, брались и облагались выкупом города. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, число взятых городов доходило до четырехсот. Пираты оскверняли даже священные храмы.

Они сходили на берег, делали опасными дороги и грабили приморские дачи. Однажды они захватили двух преторов, Секстилия и Беллина, облеченных в пурпуровые тоги, и несмотря на это увели их самих, их рабов и ликторов. В другой

* Морские разбойники.

** В Малой Азии.

раз они схватили ехавшую в свой загородный дом дочь Антония, удостоенного триумфа, и выдали ее лишь за большой выкуп. Но верх дерзости представлял следующий обычай пиратов. Когда какой-либо пленник восклицал, что он римлянин, и объявлял свое имя, то пираты притворялись изумленными и испуганными, всхлипывали руками, бросались пред пленником на колени и умоляли его о прощении. Он, видя их покорными и молящими, вдавался в обман. Тогда некоторые обували его и накидывали на него тогу, чтоб он был узнаваем; затем, достаточно потешившись над несчастным, они бросали лестницу в море и приказывали пленнику сойти по ней в глубину и вернуться, а когда он отказывался, они толкали его и топили.

Находившееся во власти этих разбойников море было заперто для мореплавания и торговли. Побуждаемые этим обстоятельством, вследствие нужды в жизненных припасах и опасаясь голода, римляне поручают Помпею очистить море от пиратов. Один из близких друзей Помпея, Габиний, предлагает закон, предоставляющий Помпею не только начальство над всеми морскими силами, но еще и неограниченную и притом безотчетную власть над всеми служащими на судах. Этот закон предоставил Помпею верховную власть на всем море до Геркулесовых Столбов* и на всех берегах на расстоянии четырехсот стадий от моря. Кроме того, Помпею разрешено

* Два мыса по обеим сторонам нынешнего Гибралтарского пролива, служащего пределом Средиземного моря от Атлантического океана и в древности считавшегося концом света. По преданию столбы поставлены Геркулесом во время его путешествия. *Переводч.*

было брать у казначеев и квесторов нужные ему суммы по его усмотрению, вооружить двести кораблей и при этом самому определять число набираемых для похода воинов и матросов, а также и способ набора.

Указ читают; народ слушает с восторгом; но наиболее могущественные и влиятельные члены сената считают предоставленную Помпею неограниченную власть опасною и, за исключением Цезаря, противятся принятию закона. Только Цезарь, защищая закон, думает не о Помпее, а хочет лишь снискать благосклонность народа. Другие сенаторы с жаром восстают против Помпея. Но когда один из консулов сказал Помпею, что если он станет подражать Ромулу, то и закончит подобно ему*, народ едва не разорвал оратора. Затем против закона стал говорить Катулл; народ из уважения слушает его молча. Воздав, без всякой зависти, высокую похвалу Помпею, Катулл советует побережь великого человека и не подвергать его непрерывным опасностям войны. "В самом деле,— говорит он,— кто заменит нам его, если он погибнет?" Тогда народ единогласно восклицает: "Ты сам!" Катулл, не достигнув цели, удаляется. За ним говорит Росций; но никто не слушает его. Тогда он показывает на пальцах, что нужно назначить не одного Помпея, в еще кого-либо. Но выведенный из терпения народ начинает до того кричать, что летевший в это время над форумом ворон бесчувственным и падает в середину толпы.

* Ромул исчез в бурю, наступившую во время смотра войск, и отсюда пошла молва, что он убит недовольными им знатными гражданами.

Собрание пока расходуется. На день голосования Помпей удаляется за город; но узнав, что закон принят, он возвращается ночью в город, в предупреждение зависти, какую могло возбудить желание народа выйти ему навстречу. На рассвете он совершает публичное жертвоприноше-

Торжественное жертвоприношение Марсу перед выступлением войска в поход.

ние, созывает народное собрание и достигает того, что ему назначается почти вдвое против того, что было определено указом на приготовления к походу. Ему снаряжают пятьсот судов и собирают сто двадцать тысяч пехоты и пять тысяч

всадников. Для предводительства под его начальством избираются двадцать четыре сенатора, прежние полководцы или преторы, и кроме того, в помощь ему назначаются два квестора. Когда вслед за этим цены на жизненные припасы понизились, довольный народ говорил, что одно имя Помпея кончило войну. Между тем Помпей разделяет Внутреннее* море на тринадцать участков, и в каждый из них он посылает эскадру под начальством особого лица. Как бы опутав сеть различные отряды пиратов, он преследует их и берет в плен. Но некоторые отряды, еще до его нападения, отделяются от прочих, бегут и спасаются в Смцилию, как в огромный улей. Помпей намеревается преследовать их с шестьюдесятью лучшими кораблями. Но предварительно он хочет очистить от пиратов другие местности, что и исполняет в сорок дней, благодаря собственной неутомимой деятельности и рвению своих помощников.

С некоторыми еще скитавшимися по морям пиратами Помпей обошелся мягко; овладев их кораблями и ими самими, он не присудил им, однако, никакого наказания. Другие, обнадеженные этою кротостью, стараются избежать встречи с его помощниками и сдают ему, с женами и детьми. Он прощает их всех и преимущественно с их помощью выслеживает, хватает и наказывает провинившихся в непростительных преступлениях.

Большая часть пиратов, и притом самые могущественные, обезопасив свои семьи, свои бо-

* Адриатическое. *Переводч.*

гатства и бесполезную толпу в замках и крепостях Тавра*, сами снаряжают корабли пред Корацезиумом в Сицилии и ожидают плывущего к ним Помпея. Завязывается битва; пираты побеждены и подвергаются осаде. Наконец, они посылают просить пощады, сдаются сами и сдают занимаемые ими города и острова, укрепленные так хорошо, что взять их было бы чрезвычайно трудно.

Так кончилась война с морскими разбойниками. Все пираты, рассеянные по морю, исчезли менее чем в три месяца. Помпей взял большое число кораблей, из которых девяносто были снабжены острием на носу, и пленил тысячу человек. Он не хотел предать их смерти, но счел неблагоразумным дать рассеяться по стране такому большому числу людей бедных и привыкших к войне,— правда, побежденных, но не потерявших свободы соединиться. Он дал им земли в Ахайе и Киликии**. В то время город Солес*** был обезлюден Тиграном, царем Армении. Помпей восстановил его и населил пиратами.

Когда в Рим дошло донесение, что война с пиратами окончена и что Помпей на досуге посещает города своей области, один из народных трибунов, Манилий, предлагает предоставить Помпею начальство над всею страной и всеми войсками, находящимися под начальством Лукул-

* Южная окраина малоазиатской возвышенности. *Переводч.*

** Римские провинции, первая в Греции, вторая в Малой Азии.

*** В Киликии; по поселении в нем пиратов был назван Помпеиополисом (ныне Мецтлю). *Перевод.*

ла, присоединить к ним Вифинию, занятую Глабрионом, и поручить Помпею же ведение войны с Митридатом и Тиграном, с прежним правом располагать морскими силами и неограниченную властью на морях. Это значило подчинить одному человеку все римское государство, потому что провинции, не состоявшие под управлением Лукулла, были бы предоставлены Помпею вместе со станами и воинами, служившими Лукуллу для поражения Митридата и Тиграна.

Аристократическая партия восстала не против несправедливости и неблагодарности к Лукуллу, которого мера эта лишала славы его подвигов, назначая ему преемника скорее для триумфа, чем для ведения войны. Нет, она не могла выносить власти Помпея, в которой признавала уже установившуюся тиранию. И потому члены этой партии подстрекали и ободряли друг друга воспротивиться предложенному декрету и не изменять свободе. Но в назначенный день они испугались народа и молчали. Один Катулл горячо возражал трибуну Манилию, но видя, что попытки его бесплодны, несколько раз приглашал сенат для спасения свободы удалиться, подобно предкам, на гору или скалу. Закон прошел, принятый, по некоторым сказаниям, всеми трибами, и отсутствующий Помпей был объявлен неограниченным властелином всего, захваченного Суллою в войне против родины.

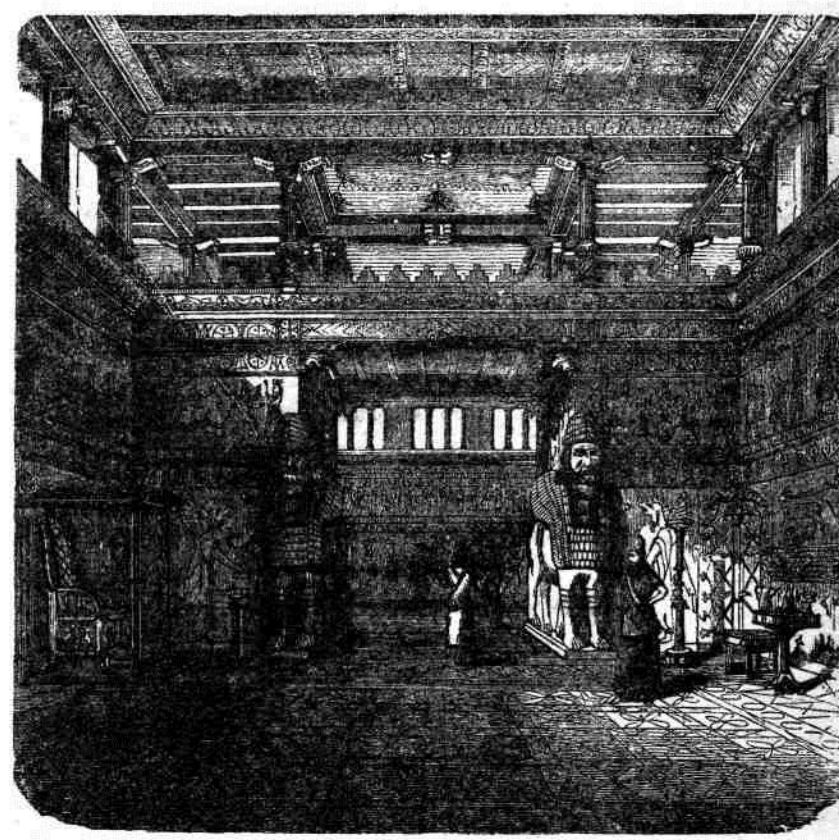
Получив и прочитав декрет в присутствии своих друзей и принимая их поздравления, Помпей, говорят, нахмурился и, ударив себя по ляжке, воскликнул, как бы подавленный тяжким бременем: "Труд бесконечный! Во сколько раз лучше

было бы мне оставаться безвестным гражданином! Неужели никогда не удастся мне перестать повелевать? Неужели никогда не удастся мне оградить себя от зависти, живя в деревне, с женою?" Это притворное сетование не понравилось даже самым преданным друзьям Помпея, которые знали, что внутренне он должен ощущать чрезвычайную радость, вследствие своего чуть ли не прирожденного честолюбия и желания господствовать, и в связи с неприязнью к Лукуллу.

(Помпей настигает Митридата близ реки Евфрат и в ночном побоище истребляет десять тысяч неприятелей. Митридат ищет убежища у Тиграна, в Армении, но покинутый им, бежит в Колхиду. Между тем Тигран является с покорностью к Помпею, который принимает его милостиво и оставляет ему все его владения за дань в шесть тысяч талантов. Помпей снова пускается преследовать Митридата, но скоро, утомившись бесконечной борьбой с народами Кавказа, отказывается от этого похода ради нового. План его состоял в расширении пределов римских владений в Азии до Красного моря. Мимоходом он покорил Сирию и Иудею. Вовлеченный в небезопасную войну с племенами Каменистой Аравии, он неожиданно узнает о смерти Митридата, который, преданный одним из своих сыновей и не желая попасть в руки римлян, лишил себя жизни. Помпей, освободившись таким образом от своего страшного соперника, забывает свои завоевательные планы и немедленно отправляется в Италию).

Прибытию Помпея в Рим предшествовали

слухи и толки. Город пришел в смятение; опасались, что Помпей тотчас же введет свое войско

Внутренность дворца персидских царей.

в Рим и установит монархию. Красс тайно вывозит своих детей и свои сокровища, из действительной ли боязни или, как полагают, чтобы

подтвердить клевету и разжечь ненависть к Помпею. Но Помпей, едва высадившись в Италии, собирает свое войско, обращается к нему с соответствующей случаю речью, прощается со своими и предлагает им возвратиться в свои города и заняться своими делами, имея в виду возвратиться в Рим для совместного триумфа. Этот роспуск армии и сопровождавшие его обстоятельства произвели удивительное впечатление. Жители городов, узнав о приближении Помпея без войска, в сопровождении лишь нескольких друзей, как бы по возвращении из простого путешествия, выходят к нему навстречу и провожают его до Рима в таком множестве, что если б Помпей хотел тогда низвергнуть существовавший порядок и установить новый, то не нуждался бы и в армии.

Триумф Помпея был до того богат подробностями, что даже по распределении его на два дня, он не мог окончиться в этот срок. Многие приготовленные для торжества предметы не могли быть употреблены и послужили для украшения другого торжества. Впереди всего шествия несли таблицы с именами завоеванных стран: Понта, Армении, Каппадокии, Пафлагонии, Мидии, Колхиды, Иберии*, Албании, Сирии, Киликии, Мес-сопотамий, Финикии, Палестины, Иудеи, Аравии, а равно упомянуты были пираты, взятые на море и суше. На таблицах же можно было прочесть, что Помпей взял тысячу крепостей и около девятисот городов, отнял у пиратов восемьсот кораблей и населил тридцать девять городов. Таблицы

* Теперешней Испании. *Переводч.*

возвещали еще, что общественные доходы были увеличены Помпеем более чем в полтора раза, что он доставил в казну, монетой и золотыми и серебряными вещами двадцать тысяч талантов, не считая розданного воинам, из которых никто не получил менее полутора тысячи драхм. Между пленниками, которых, вели перед триумфатором, были, кроме начальников пиратов: сын Тиграна, царя Армении, с женою и дочерью; Зозима, жена самого царя Тиграна; Аристовул, царь иудейский; сестра и пятеро детей Митридата; женщины-скифки, заложники альбанцев, иберийцев и царя Комагены*. Прибавьте к этому множество трофеев, добытых победами Помпея или его наместников. Но верх славы Помпея состоял в том, что он, чего не удавалось ни одному римлянину, удостоился триумфа в третий раз за победы в третьей части света. И до Помпея некоторые римляне удостоивались трех триумфов; но Помпей, торжествуя в первый раз победы в Ливии, второй раз — в Европе, а третий — в Азии, в эти три раза, по-видимому, торжествовал над всем обитаемым миром.

В это время Помпей был еще молод, так что сравнивающие его с Александром Великим и желающие выставить их сходство утверждают, что Помпею не было в упомянутую эпоху и тридцати четырех лет, тогда как на самом деле ему было около сорока.

Какое счастье было бы для Помпея умереть в ту пору, когда он удачею сравнился с Александром! Последующее время принесло ему, вместе

* В древней Норике, на Дунае. *Переводч.*

с удачами, достойными зависти, и непоправимые бедствия. Приобретя власть законным путем, он стал употреблять ее в пользу других, несправедливо, и тем усиливая могущество своих приверженцев, терял добрую славу, так что именно сила и величие Помпея погубили его власть. Как самые укрепленные части города, раз занятые неприятелем, служат лишь к его усилению, так и Цезарь, возвышенный могуществом Помпея, подкопался под него и свергнул его именно с помощью власти, данной ему Помпеем против сограждан. Вот как это случилось.

Оскорбленный Помпеем, сенат встречает возвратившегося из Азии Лукулла блестящим торжеством и пользуется одновременным возвращением Помпея, чтобы оживить честолюбие Лукулла и втянуть его в государственные дела. Но энергия Лукулла ослабла: он избегал деятельности и отдавался наслаждениям покоя и прелестям богатства. Однако он решился вступить в борьбу с Помпеем, сильно порицал его по поводу отмены им некоторых законов и одержал над ним верх благодаря поддержке Катона. Помпей, чувствуя, что его влияние слабеет, вынужден обратиться к народным трибунам и привлечь к себе молодежь. Самый испорченный и дерзкий из нее, Клодий, завладевает Помпеем и, не уважая его достоинства, вовлекает его в борьбу на форуме и заставляет своего покровителя подтверждать все, что сам ни напишет или ни скажет приятного или льстивого толпе. Мало того: точно будто отнюдь не обесчестив Помпея, а оказав ему услуги, он просит его отказаться от покровительства Цице-

рону, другу, оказавшему Помпею немало услуг. Цицерон, сознавая грозящую ему опасность, обращается за помощью к Помпею, но последний не хочет его и видеть, закрыв свой дом для ищущих доступа, выходит в другие двери и исчезает. Цицерон, боясь исхода суда, тайно покидает Рим.

Почти в это же время Цезарь, возвратившись из Испании, совершил деяние, принесшее ему тогда сильное сочувствие, а впоследствии большую власть, но ставшее гибельным для Помпея и государства. Цезарь хотел консульства. Видя, что пока вражда Красса и Помпея не смягчится, он не будет иметь возможности сблизиться с одним из них, не навлекая на себя неприязни другого, Цезарь старается примирить их: цель, вообще благая и благоразумная, но достойная порицания по руководившему Цезарем побуждению, которое он прикрывал с коварным искусством. В самом деле, поровну распределенная между Крассом и Помпеем власть установила в городе равновесие, как на судне, но, раз связанная на одной точке, она не могла уже противодействовать толчку, потрясшему и ниспровергшему республику. Потому-то Катон, слыша однажды, что падение республики приписывали несогласиям, возникшим между Цезарем и Помпеем, возразил, что ни ссора, ни взаимная ненависть этих лиц, а, напротив, их согласие и дружба были для Рима первым и величайшим несчастьем. Цезарь был выбран в консулы и тотчас же, чтобы привязать к себе нищих и бедных, предложил устройство поселения и раздачу земель,

нарушая этим достоинство своего звания, именно низводя консульство до уровня трибуната*. Когда товарищ Цезаря по консульству, Бибул, стал возражать против предложения и Катон намеревался упорно поддерживать Бибула, Цезарь на виду у всех подводит Помпея к трибуне и спрашивает, одобряет ли он его законы. Помпей отвечает утвердительно. "А если кто-нибудь,— спрашивает далее Цезарь,— употребит против моих законов насилие, 'защитишь ли ты их перед народом?" — "Да, я приду на защиту,— отвечает Помпей,— и против тех, кто станет угрожать нам мечом, я принесу меч и щит"¹.

До этого дня Помпей никогда не прибегал к насилию над народом, и в рассказанном случае друзья извиняли его слова тем, что Помпей говорил, не подумав; Но все дальнейшее поведение Помпея очевидно доказывает, что он вполне подчинился влиянию Цезаря. Несколько дней спустя он, вопреки общему ожиданию, женился на дочери Цезаря Юлии, обещанной Цепиону и готовившейся выйти за него, а для смягчения раздраженного Цепиона выдал за него свою дочь, невесту Фавста, сына Суллы. Сам же Цезарь женился на Калпурнии, дочери Пизона.

С этого времени Помпей наполняет город солдатами и во всем действует насилием. Однажды, когда консул Бибул сошел на форум с Лукуллом и Катоном, Помпеевы воины неожиданно кинулись на них и переломали у консуловых

* Как учреждения, исключительно предназначенного для защиты прав и выгод низшего сословия. *Переводч.*

ликторов их прутья*, даже опрокинули на голову Бибула корзину нечистот и ранили двух сопровождавших его народных трибунов. Эти насилия прогоняют с форума противную партию, и предложенный Цезарем аграрный закон** принят. Задобренный им, народ следует во всем внушениям Цезаря и Помпея, утверждает указы Помпея, оспариваемые Лукуллом, поручает Цезарю на пять лет Галлию цизальпинскую и трансальпинскую***, с Иллирией, и четыре полные легиона и, наконец, избирает в консулы и Габиния, самого беззастенчивого льстеца Помпея.

Цицерон.

(Цезарь не хотел оставить Рим в нераздельной власти Помпея и потому поручил борьбу с ним трибуну Клодию. Последний, избавившись от Цицерона изгнанием, а от Катона поручением ему предводительства в дальнем походе, становится чрезмерно дерзким. Помпей, которого он публично ос-

* Путь эти были носимы ликторами перед консулами и служили знаком достоинства последних.

** Так назывались законы относительно раздела земель между бедными гражданами.

*** По эту и по ту сторону Альп, т. е. нынешний север Италии до р. Эч и Франции* *Переводч.*

меивал, противопоставляет ему другого трибуна, Милона, и возвращает Цицерона, после вооруженной схватки, в которой Клодий был побежден. В благодарность Цицерон примиряет Помпея с сенатом и проводит закон, который, поручая Помпею ввоз хлеба в Италию, вторично отдает в руки этому лицу всю морскую торговлю.

Со смертью Красса пала последняя препона междоусобной войне. До этого времени Цезарь и Помпей хоть сколько-нибудь стеснялись несправедливости один относительно другого. Теперь же; когда их уже не сдерживало опасение второго соперника, они оспаривали друг у друга власть сперва тайными интригами, а вскоре и открытою войною. Описание этой борьбы, окончившейся поражением Помпея при Фарсале, вы найдете в биографии Цезаря; здесь же мы расскажем лишь о бегстве и смерти Помпея.)

Удалившись на несколько шагов от стана, Помпей отсылает коня и в сопровождении лишь немногих лиц, пользуясь тем, что никто не преследует его, идет медленно, погружившись в размышления, которые должны были занять человека, в течение тридцати четырех лет привыкшего побеждать и подчинять себе все и теперь, иа старости впервые испытавшего поражение и бегство. Он не мог не оглянуться на события, которыми слава и могущество, приобретенные столькими походами и сражениями, были разрушены в течение одного часа, и он, некогда располагавший громадными полчищами пехоты и конницы, а также многими флотами, вынужден был бежать, терпеть нужду, укрываться от неприятеля. Не остановившись при проходе через

Лариссу*, он спускается в "Темпейскую Данилу**", где жажда заставляет его лечь на берег реки и прилечь к воде. Затем он сходит к морю, проводит ночь в хижине рыбака, на рассвете садится в лодку в сопровождении готовых сопутствовать ему свободных граждан, а рабов отсылает к Цезарю, убеждая их не бояться последнего. Плывая вдоль берега, он замечает большой торговый корабль, готовый сняться с якоря, Хозяин корабля по имени Петиций был римлянин, никогда не входивший в сношения с Помпеем, но знавший его в лицо. По странной случайности в предшествовавшую ночь Петиций видел во сне Помпея не таким, каким он часто встречал его, но поникшим от несчастья и горя. Петиций видел, будто Помпей разговаривал с ним. Как часто случается, Петиций на досуге рассказал этот сон своим спутникам. Вдруг один из матросов говорит, что видит плывущую от берега на веслах лодку и что сидящие в ней люди машут экипажу корабля одеждами и простирают к нему руки. Петиций подымается, узнает Помпея именно таким, каким видел его во сне, с горести ударяет себя по голове и приказывает матросам спустить лодку, простирает руки и зовет Помпея, догадавшись уже по его внешности о перемене его судьбы. И не дожидаясь от него ни объяснений, ни просьбы, он принимает на корабль Помпея и выбранных им спутников (то были двое Лентулов и Фавоний) и пускается в море. Когда настало время ужинать, хозяин готовит пищу из имевших-

* Город в Фессалии.

** Там же. Переводч.

ся на судне запасов. Фавоний же, видя, что Помпей за отсутствием слуги начинает раздеваться сам, спешит помочь ему и натирает тело его маслом; с этого мгновения он не перестает ухаживать за Помпеем, как раб служит своему господину, даже моет ему ноги и готовит ему еду. Видя, с каким благородством Фавоний исполнял все это, просто и без жеманства, кто-то воскликнул:

— Боги, как великодушные сердца прекрасны во всем!

Помпей минует Афмиполис и направляется к Митилене*, чтобы взять с него жену Корнелию** и сына. Приплыв к берегу, Помпей посылает в город вестника, но не с новостями, каких ожидала Корнелия, которая на основании надежд, внушенных ей речами и письмами, рассчитывала узнать об окончании войны, а затем о бегстве Цезаря перед Помпеем; Прибывший вестник не в Силах приветствовать ее и скорее слезами, чем словами, передает ей размеры несчастья, постигшего Помпея; наконец, он просит ее поспешить на свидание с мужем, который располагает лишь одним судном и притом не своим. Корнелия падает и долго остается без чувств и без голоса.

* Город на острове того же имени, иначе Лесбосе, у берегов Малой Азии.

** Дочь Метелла Сципиона, на которой Помпей женился после смерти первой своей жены Юлии, дочери Цезаря. "Корнелия, говорит Плутарх, обладала тысячью прелестных свойств, кроме красоты. Прекрасное воспитание сделало ее сведущей в литературе, музыке, геометрии; она легко читала сочинения философов, и тем не менее не обнаруживала того тщеславия, которое часто порождают в молодых женщинах подобные знания". *Переводч.*

Наконец, придя в себя и понимая, что не время плакать и вздыхать, она идет городом к морю. Помпей встречает ее и принимает в объятия, готовую опять лишиться чувств и упасть. "Не твоя, а моя судьба низвергла тебя, дорогой супруг мой, на бедный корабль, тебя, который до брака с Корнелией плавал по этому морю на пятистах парусах! Зачем посетил ты меня? Зачем не покинул злой судьбе ту, которая навлекает на тебя такое тяжкое несчастье? Как счастлива была бы я, если б умерла до известия, что Публий, мой первый муж, погиб у парфян! Как мудро поступила бы, если б по его смерти, как и намеревалась, лишила себя жизни! Я сохранила ее, значит, лишь за тем, чтобы сделать злополучным великого Помпея!"

Таковы были, по рассказам, слова Корнелии. Помпей отвечал ей: "До сих пор, Корнелия, ты знала только мое счастливое время, и тебя обманывало именно то, что оно длилось необычно долго. Но всякому человеку как смертному следует испытать и несчастье. И потому, упав из прошедшего в настоящее, не должны мы отчаиваться в будущем". Корнелия посылает в город за своими вещами и рабами. Митиленцы приходят приветствовать Помпея и приглашают его войти в город; Помпей отказывается и убеждает их подчиниться победителю и ободряет их уверением, что Цезарь добр и милосерден. Относительно же собственной судьбы он, в разговоре с явившимся из города философом Кратиппом, выражает сомнение в провидении. Кратипп, не позволяя себе резких и настойчивых возражений, а напротив, как бы уступая доводам Помпея,

старается ободрить его надеждою на лучшее будущее.

Помпей, забрав с собою жену и друзей, продолжает путь, останавливаясь лишь для того, чтобы запастись водою и пищею. В город он зашел впервые в Атталии, в Памфилии*. Там его встречает несколько трирем из Киликии. Помпей начинает собирать войско и вскоре окружен шестьюдесятью сенаторами. Узнав, что флот еще не перешел к Цезарю и что Катон, набрав многочисленное войско, переправился в Ливию, Помпей, в присутствии приближенных, обвиняет себя в том, что боролся сухопутными силами, не прибег к помощи силы несомненно надежнейшей и не приблизил флота к месту борьбы, в каком случае имел бы возможность, по поражении на суше, противопоставить сопернику сильную морскую армию. И действительно, наибольшая ошибка Помпея и одновременно величайшее искусство Цезаря состояли в выборе места столкновения вдали от помощи флота.

Как бы то ни было, Помпей, вынужденный действовать лишь тогдашними своими силами, посылает гонцов в несколько городов и сам плывет морем в другие, чтобы собрать денег и снарядить корабли. Но, опасаясь быстроты действий своего противника, который может напасть на него и лишит его заготовленных средств, Помпей прежде всего ищет верного приюта. Совещающимся об этом предмете друзьям Помпея ни одна римская провинция не кажется надежною. Из чужих стран скорее других могло

* Береговая страна Малой Азии. *Переводч.*

служить им убежищем во время их слабости, а затем снабдить их значительными войсками — царство парфян. Другие склонялись в пользу Ливии и царя Юбы, но Теофан, с Лесбоса, замечает, что было бы безумием уйти от Египта, находящегося лишь в трех днях плавания, и от Птолемея*, правда, еще ребенка, но связанного с Помпеем дружбою и услугами, оказанному его отцу, и довериться парфянам — народу, самому коварному. Не желая уступить первенства римлянину, ставшему ему тестем, Помпей отказывается быть первым между всеми остальными и испытать милосердие победителя, а ему предлагают отдаться в руки потомка Арзака**, не умевшего взять живым даже Красса! И Помпей повезет молодую женщину из рода Сципионов к варварам, отличающимся дикостью. Если б даже жена Помпея и не подверглась никакому оскорблению, то уже ее пребывание между способными к нему людьми может дать повод к слуху, что она была оскорблена!

Именно это последнее соображение, говорят, убедило Помпея отвернуться от Евфрата.

Когда предпочтен был план отправиться в Египет, Помпей с женою отплыл с Кипра*** на селевкийской галере. Спутники Помпея следуют на длинных кораблях и на торговых судах. Переезд совершен удачно. Получив известие, что Помпей находится в Пелузии**** со своими войсками, в войне с сестрою, Клеопатрою, Пом-

* Тогдашнего царя египетского.

** Основателя парфянского царства.

*** Остров в восточной части Средиземного моря.

**** Город при устье Нила. *Переводч.*

пей направляется к этому городу и посылает к царю гонца с просьбой об убежище. Заведовавший в это время, по молодости Птолемея, всеми делами царства Пофин созывает совет влиятельнейших лиц, власть которых, однако, совершенно зависела от его произвола. Пофин приглашает их высказать свое мнение. Печальна судьба великого Помпея, когда она решается евнухом Пофином, Феодотом хиосским, наемным учителем риторики, и египтянином Ахиллой! Таковы были советники царя, набранные между его комнатными слугами, поварами. Вот судилище, решения которого ожидал, стоя на якоре, вдали берега, Помпей, считавший недостойным отдаться на милость Цезаря.

Мнения этих советников разноречивы: одни хотят отказать Помпею в дозволении высадиться, другие решаются принять его; но Феодот, желая показать свое красноречие, утверждает, что ни одно из этих решений не безопасно: принять Помпея — значит нажить в нем владыку, а в Цезаре врага; отказать Помпею в дозволении высадиться — значит подать ему повод мстить за изгнание и вызвать Цезаря на преследование, поэтому лучше всего принять Помпея и убить его; таким образом египтяне заслужат расположение одного и не подвергнутся опасности от другого. Говорят, оратор прибавил, улыбаясь: "Мертвый не укусит!"

Мнение Феодота одерживает верх, и выполнение решения возлагается на Ахиллу. Последний берет с собою некоего Септимия, бывшего у Помпея военным трибуном, другого римлянина, Сальвия, бывшего центуриона, трех или четырех

рабов и, направляется к кораблю Помпея, на палубе которого собрались все значительнейшие спутники Помпея в ожидании событий. Увидев вместо царского приема, блестящего, соответствующего ожиданиям Феофана, лишь несколько человек, приближающихся на рыбацкой лодке, спутники Помпея начинают подозревать что-либо недоброе и побуждают его удалиться в море, пока корабль ещё недосыгаем стрелам. Но лодка подъезжает, первым поднимается Септимий и приветствует Помпея на латинском языке титулом императора. Ахилла говорит Помпею по-гречески и приглашает его спуститься в лодку, так как, по его словам, побережье представляет много песчаных отмелей и недостаточно глубоко, чтобы можно было кораблю подойти к берегу. В то же время спутники Помпея замечают, что несколько царских кораблей готовятся к отплытию и что берег покрывается воинами. Бежать оказывается невозможным, если бы Помпей и изменил решение, а обнаружить недоверие значило бы дать убийцам извинение в преступлении. Помпей обнимает Корнелию, заранее оплакивавшую его смерть, велит спуститься в лодку двум центурионам, одному из своих вольноотпущенных Филиппу и одному рабу по имени Сценесу; затем, опершись на руку Ахиллы, он спускается сам и, оборотившись в лодке к жене и сыну, произносит следующие стихи Софокла*:

Кто осмеливается переступить через порог дворца,
Тот, хотя бы вошел в него свободным, уже раб.

* Один из, лучших греческих сочинителей трагедий. *Переводч.*

То были последние слова, произнесенные Помпеем своему семейству. От корабля до берега было далеко. Ни один из спутников не заговаривает сочувственно с Помпеем, и он, взглянув на Септимия, сам спрашивает его: "Если я не ошибаюсь, то ты был моим товарищем по оружию?" Септимий ограничивается кивком головы, не произнеся ни слова, не обнаружив ни малейшей признательности. Снова наступает полное молчание, и Помпей, вынув свои записные таблички, на которых он написал греческое обращение к Птоломею, читает эту речь. Когда лодка приблизилась к берегу, Корнелия смотрит с корабля в сильной тревоге, но начинает успокаиваться, видя приближающихся к месту причала слуг царя, как бы готовящихся приветствовать Помпея. Помпей встает, опираясь на руку Филиппа, и в эту минуту Септимий пронзает его сзади мечом; Сальвий, а за ним и Ахилла обнажают оружие. Помпей, ухватив обеими руками тогу, закрывает лицо и, не произнося ни слова, не совершая ни одного недостойного движения и лишь вздохнув, ожидает смерти. Он убит пятидесяти восьми лет, на другой день после дня рождения.

Лица, оставшиеся на корабле, испускают при виде этого убийства крик, доносящийся до берега, поднимают якорь и поспешно отплывают. Попутный ветер быстро относит их от берега, и египтяне отказываются от намерения преследовать корабль. Убийцы отрубают голову Помпея, а тело выбрасывают из лодки совершенно голым, предоставляя его любопытству охотников до таких зрелищ. По прошествии некоторого времени

тело прибывает к берегу, и вольноотпущенник Филипп, оставшись один подле него, обмывает труп морской водой и завертывает его за недостатком других одежд в одну из своих туник;

Смерть Помпея.

оглядев берег, он замечает на нем развалившуюся рыбачью лодку, достаточную для того, чтобы сложить костер. Пока он укладывает эти обломки, к нему подходит римлянин Корд, уже престарелый и в юности совершивший свои первые походы под начальством Помпея: "Кто ты, друг мой,— обращается он к Филиппу,— что

хочешь отдать посмертную почесть великому Помпею?" Филипп отвечает, что он вольноотпущенный Помпея. "Так не один ты совершишь это благородное дело. Дозволь мне принять участие

Сжигание усопшего.

в погребении, случайным свидетелем которого я стал. Тогда мне нельзя будет жаловаться на мое пребывание на чужбине, потому что в награду за тысячу лишений мне достанется счастье собственными руками предать земле тело величайшего римского полководца." Таковы были похороны Помпея,

На другой день Луций Лентул, ничего не зная о происшедшем и плывя от Кипра вдоль египет-

ского берега, видит пламя костра и подле него Филиппа, которого, однако, не узнает. "Кто,— спрашивает он себя,— закончил здесь свое поприще и обрел покой?" Затем, помолчав и вздохнув, он добавляет: "Не ты ли, великий Помпей?". Он сходит на берег, попадает в плен и убит.

Цезарь не медлит с поездкой в Египет и застаёт тамошнее правительство в смятении. Ему приносят голову Помпея, но он с ужасом отворачивается, а когда ему отдают перстень Помпея с печатью, он заливается слезами. Он приказывает зарезать Ахиллу и Пофина. Царь Птоломей, разбитый в сражении близ реки, исчезает и не появляется вновь. Софист* Феодот избег мести Цезаря. Он бежал из Египта и скитался в нужде и опасности, Марк Брут; убийца Цезаря, отыскал Феодота в Азии и казнил его самым жестоким образом. Прах Помпея был доставлен Корнелии, которая поместила его в своем доме в Альбе.

* Софистами назывались у греков лица, которые неправильными заключениями доказывали самые ложные положения. *Переводч.*

КАТОН МЛАДШИЙ

(Около 46 г. до Р. Х.)

Катон Младший рано остался сиротою, вместе с братом своим Цепионом и сестрами Порцией и Сервилией. Все они выросли и получили воспитание в доме Ливия Друза, своего дяди с материнской стороны, пользовавшегося в то время уважением в государстве. Он был искусный оратор, человек благоразумный, а по возвышенности помыслов не уступал ни одному римлянину.

Говорят, что Катон с детства обнаруживал в поведении и даже играх характер твердый, не подчинявшийся страданиям. Его деяния проявляли силу и настойчивость более зрелого возраста. Резкий и грубый к лстецам, он выказывал еще большую гордость против пытавшихся испугать его. Он редко смеялся; редко даже лицо его сияло улыбкой, и если он не скоро сердился, зато раз рассердившись, не скоро и успокаивался. В учении он был медлен и ленив, но усвоив что-нибудь, он и сохранял это в памяти. Говорят, что он слушался своего воспитателя и исполнял все требуемое от него, но всегда спрашивал причину каждого требования, всегда добивался: зачем

ему дается приказание. Правда, и воспитатель его по имени Сарпедон предпочитал рассуждения и увещания побоям.

Катон был еще ребенком, когда союзники римлян стали добиваться прав римского гражданства. Однажды у Друза гостил несколько дней некто Помпедий Сило, человек военный и пользовавшийся большим уважением. Во время этого посещения он подружился с двумя братьями и раз обратился к ним с такими словами: "Ну, попросите вашего дядю помочь нам добиться права гражданства." Цепион, улыбаясь, утвердительно кивнул ему. Катон же не отвечал и смотрел на гостей пристально и строго. "Что ты об этом думаешь?— обратился к нему Помпедий.— Разве не согласишься, подобно брату, замолвить дяде слово за его гостей?" Катон опять не отвечает, но этим молчанием и выражением лица дает понять, что не хочет исполнить просьбы. Тогда Помпедий поднимает мальчика к окну и грозит выкинуть его: "Обещай, или я опущу тебя". Помпедий произносит эти слова сурово и, держа Катона в воздухе, несколько раз потрясает его в окне. Катон довольно долго выносит это положение, не обнаруживая страха. Наконец, Помпедий ставит мальчика из под и тихо говорит своим друзьям: "Счастье для Италии, что он еще ребенок! Если бы он был уже взрослым, то, думаю, народ не подал бы за нас ни одного голоса".

Сулла, бывший близким другом отца этих детей, часто принимал у себя Катона и Цепиона и разговаривал с ними, оказывая это расположение лишь немногим, за высоким значением своей

должности и своим чрезвычайным могуществом. Сарпедон, ценя это отличие ради безопасности и будущего поприща своих питомцев, часто водил Катона в дом Суллы, истинное подобие ада по числу заключенных, которых приводили сюда для пытки. Катону было тогда четырнадцать лет; он видел, как из дому выносили головы людей самых знатных, и слышал подавленные вздохи свидетелей этих ужасов. Он спрашивает своего воспитателя, почему никто не убьет Суллу. Сарпедон отвечает мальчику: "Дитя мое, его боятся еще более, чем ненавидят". — "Зачем же не дал ты меча? Я убил бы его и освободил бы отечество от рабства." — Слыша эти слова и особенно видя сверкающий взор и пылающее гневом и ненавистью лицо Катона, Сарпедон испугался и впредь особенно тщательно следил за мальчиком из боязни, чтоб он не решился на какую-нибудь дерзкую выходку.

Катона, еще ребенка, нередко спрашивали, кого он любит более других. "Брата". — "А затем?" — "Брата". "А еще кого? — "Брата", — повторял ребенок, пока ему повторяли вопрос. В юности привязанность Катона к брату еще усилилась. Двадцати лет он еще не разу не ужинал, не путешествовал, не являлся на форум без Цепиона. Только когда последний душился, Катон отказывался следовать его примеру, оставаясь во всем образе жизни крайне строгим к себе. И Цепион, когда кто-либо удивлялся его умеренности, сознавался, что в сравнении с другими он действительно умерен; "но, — прибавлял он, — когда я сравниваю мою жизнь с Катонной, то не нахожу себя отличным от Сиппия". Он говорил

о человеке, славившемся своею страстью к роскоши и изнеженностью.

Катон, избранный в жрецы Аполлона, покинул дом дяди и получил свою долю из наследства отца, сто двадцать талантов, но стал жить еще бережливее прежнего. Он подружился с Антипатром Тирским, философом школы стоиков*, и выбрал предметом изучения нравственность и политику. пылая восторгом ко всякой добродетели, он всего более сочувствовал справедливости, строгой и неспособной уступить ни расположению, ни милости. Он упражнялся и в красноречии, как в орудии действия на толпу, убежденный в том, что в государственной жизни, как в большом городе, следует всегда располагать силами, готовыми для борьбы. Но он никогда не упражнялся совместно с другими, и никто не слышал его декламирующим**. Раз, один из друзей Катона сказал ему: "Порицают твоё молчание". — "Это еще ничего, — ответил он, — лишь бы не порицали моей жизни. Я начну говорить, когда буду в состоянии говорить вещи, которые лучше умалчивать".

Базиликой*** Порций**** называлось в Риме здание, воздвигнутое для общественных нужд Катонем Старшим во время отправления им

* Философская школа в Греции, считавшая добродетель высшим благом, порок — единственным злом, а все остальное, следовательно, и лишения, безразличным.

** Декламировать: читать какое-либо творение, с приличными выраженным мыслям изменениями голоса и лица.

*** Здание из колонн под крышею.

****. Римский плебейский род, к которому принадлежала и отрасль Катона. Перевода,

должности цензора. Народные трибуны обыкновенно принимали в ней просителей, и так как: в ней одна колонна мешала размещению их сидений, то они желали или устранить ее, или переместить. Это обстоятельство впервые заставило Катона говорить публично. Он противостоял трибунам, и этот его опыт красноречия и мужества понравился всем. Речь его не была ни особенно жива, ни изысканна, а была полна здравого смысла и силы; тем не менее Катонova краткость в выражении мыслей была привлекательна для слуха, а характер Катона придавал всему изложению приятную кротость, прелесть и ясность. Голос его, достаточно сильный, чтобы быть слышимым большой толпе, был могуч и неутомим: Катону случалось говорить по целым дням, не утомляясь. В упомянутом случае он выиграл дело, а затем снова погрузился в молчание и упражнения. Он старался также закалить свое тело тяжелой гимнастикой и привычкой выносить, с открытой головой, и жару, и изморози, а также во всякое время года ходить пешком. На таких прогулках друзья его ездили верхом, а Катон подходил то к одному из них, то к другому для разговора. В болезнях он отличался изумительными терпением и воздержанием. Когда у него бывала лихорадка, он проводил целые дни один, не принимая никого, до полного выздоровления.

Вообще Катону казалось, что современные ему нравы и привычки до того извратились, что требовали коренного преобразования. Видя, что богачи предпочитали пурпур яркий и бьющий в глаза, он выбирал темный. Часто после обеда он

появлялся в народе без обуви и туники, не для снискания известности этою странностью, а чтобы приучить себя стыдиться лишь постыдного и презирать все условное. Избранный в преторы, он, по-видимому, старался не столько возвысить эту должность мудрым ее отправлением, сколько принизить ее, всходя босым и без тоги на трибунал и восседая на нем в этом виде при обсуждении преступлений лиц, высоко поставленных.

Являясь в сенат первым, он выходил из него последним. Часто, ожидая позднего прихода товарищей, он садился в стороне и читал, держа полу тоги перед книгой. Друзья Помпея, заметив, что их несправедливые предложения встречают в Катоне противника, трудно оспариваемого и неподдающегося влиянию, пытались удерживать его от посещения сената защитой друзей пред судом, посредничеством и другими делами. Но Катон вскоре разгадал уловку, стал уклоняться от многих дел и прямо заявлял, что в дни заседаний сената он ничем другим не занимается. Он принял участие в государственных делах не из любви к славе, не из честолюбия, не случайно, а избрал эту область деятельности как наиболее нуждающуюся в честных людях и работал с неутомимостью пчелы. Он даже собирал через своих гостей и через друзей, рассеянных повсюду, различные документы относительно провинций, указы, приговоры и всякие другие сведения о важных делах.

Однажды Катон сильно восстал против демагога* Клодия, который сеял причины раздоров и

* Демагоги—лица народной партии. *Переводч.*

даже переворотов и оклеветал перед народом жрецов и весталок, в том числе Фабию, сестру Цицероновой жены Теренции. Катон осрамил Клодия и заставил его покинуть Рим. Цицерон благодарил его за это, но Катон ответил, что благодарить следует республику, так как во всех своих политических действиях он руководствуется лишь ее пользой.

Все рассказанное объясняет высокое уважение, которое римляне питали к Катону. Уважение это резко проявлялось во множестве случаев. Так, в судебном разбирательстве, к которому привлечен был лишь один свидетель, оратор заметил судьям, что не хорошо ограничиваться показанием одного свидетеля, хотя бы то был и Катон. Рассказывая о событиях удивительных, невероятных, говорили, в виде поговорки, что событию этому нельзя верить, хотя бы его сообщал Катон. Однажды в сенате развратный и расточительный человек произнес длинную речь об умеренности и простоте. Встает Амней и говорит: "Любезный! Как нам слушать тебя, когда ты, ужиная как Красс и возводя громадные постройки подобно Лукуллу, начинаешь говорить как Катон?" Людей, которые, ведя беспорядочный и порочный образ жизни, в речах принимали тон важный и строгий, называли в насмешку Катонами.

(Катон не хотел принимать в соображение, что для привлечения к своим стремлениям большого числа защитников закона и свободы следовало делать уступки времени, в которое он жил, и тогдашним нравам. Можно, пожалуй, упрекнуть его в том, что действуя противно этому расчету, он еще более вредил свободе, чем самому себе.

Но не заслуживает ли нашего полного уважения гражданин, столь же строго соблюдавший законы, сколь деятельно и неустрашимо преследовавший их нарушителей? Из множества примеров энергии Катона мы приведем лишь один, из эпохи наибольшей славы Помпея. Катон, видевший в нем опасного врага свободы, боролся с ним так же неутомимо, как впоследствии с Цезарем.)

После казни Лентула и других заговорщиков Цезарь, опасаясь действия толков и обвинений, распространившихся против него в сенате, становится под охрану народа и привлекает на свою сторону подонки общества. Испугавшись этого влияния, Катон советует сенату расположить в свою пользу самую бедную и буйную часть народа раздачею хлеба ежегодно на сумму в тысячу двести пятьдесят талантов. Весть об этой щедрой милостыне, внушенной якобы человеколюбием, подавляет готовившееся восстание. Но в это время Метелл, овладев трибунатом, подстрекает народ к шумным сходбищам и предлагает поспешить с призывом в Италию Помпея со всем его войском для охранения и спасения Рима от злоумышлений Катилины*. Но опасное состояние Рима служило лишь благовидным предлогом: настоящею целью закона было доставить Помпею управление делами и неограниченную власть. Собирается сенат. Катон, обыкновенно раздражительный, на этот раз не нападает резко

* Потеряв за жестокие и корыстные притеснения в Африке право избрания в консулы, Катилина составил заговор против консулов и задумал всеобщим переворотом освободиться от долгов и достигнуть власти и богатства. *Переводч.*

на Метелла, а ограничивается спокойными и умеренными замечаниями, наконец, он даже нисходит до просьб и хвалит род Метеллов, всегда принадлежавший к аристократической партии. Но это лишь увеличивает дерзость Метелла; он презирает Катона как человека уступающего из страха, позволяет себе наглые угрозы и объявляет, что добьется своей цели вопреки сенату. Тогда и Катон изменяет образ речи и между прочими страстными выходками объявляет, что пока он жив, не допустит Помпея войти вооруженным в Рим. Сенат замечает, что оба оратора уже не помнят себя, не приводят разумных доводов, но что Метелл побуждаем жаждою всеобщего гибельного переворота, а Катон движим добродетелью, заставляющей его стоять за честь и правду.

В день народного голосования закона Метелл является на форум с толпой вооруженных чужеземцев, гладиаторов и рабов, которых он строит к бою. Желание возвратить Помпея и надежда на перемену склоняют на его сторону большую долю народа; кроме того, его поддерживает Цезарь, претор. Значительнейшие граждане примыкают к Катону, они негодуют подобно ему, но не решаются на борьбу. Домашние Катона впадают в уныние и страх. Несколько друзей проводят у него ночь, не принимая даже пищи, беспокоясь насчет того, на что он решится; его жена и сестры в отчаянии и слезах. Сам же он спокоен, полон надежд, говорит со всеми, увещает их, ужинает как обыкновенно, ложится и спит, пока не будит его один из товарищей Минуций Терм. Тогда он в сопровождении не-

многих друзей сходит на форум, несмотря на неоднократные предостережения встречных лиц.

На форуме Катон останавливается и, видя храм Диоскуров оцепленным войсками, ступени его охраняемыми отрядом гладиаторов и наверху Метелла, сидящего рядом с Цезарем, обращается к друзьям и восклицает: "О, дерзкий и низкий человек, который против безоружного собрал всю эту вооруженную шайку!" Затем он твердым шагом продвигается вперед вместе с Термом. Стража на ступенях сторонится для пропуска Катона, но не пускает никого за ним, и Катону удается провести Минуция только с большим трудом, таща его за руку. Он гордо приближается к Метеллу и Цезарю и садится между ними, чтобы воспрепятствовать им переговариваться шепотом. Метелл и Цезарь недоумевают, как им поступить, но присутствующие граждане, удивляясь осанке, мужеству и стойкости Катона, теснятся к нему, кричат, чтобы он ничего не боялся, и побуждают друг друга стоять твердо и не изменять ни свободе, ни тому, кто борется за нее.

Когда докладчик берет в руки написанный закон, Катон запрещает ему читать. Метелл сам хватается записку и хочет прочесть закон, но Катон вырывает у него записку. Метелл помнит закон и хочет произнести его на память. Терм зажимает ему рот. Тогда Метелл, видя упорство этих двух людей и готовность народа уступить, прибегает к решительной мере, подает знак своим приверженцам, и они сбегают со ступеней храма с криками, способными устроить толпу. Народ обращается в бегство; один Катон остается, осыпаемый градом камней и деревянных облом-

ков. Увидя это, Мурена, которого Катон некогда обвинил и преследовал, закрывает его своею тогой, требует от кидающих камни перестать и, уговорив Катона и охватив его руками, тащит его в храм Диоскуров. Метелл, видя трибуну пустою и народ бегущим с форума, считает дело выигранным, отсылает свою вооруженную шайку, скромно всходит на трибуну и пытается провести закон. Но противники его, оправившись от страха, поспешно возвращаются и криком заявляют свое несогласие и уверенность в своей силе. Метелл и его приверженцы, воображая, что толпа добыла оружие и готова кинуться на них, сами бегут от трибуны. Когда они рассеялись, возвращается Катон; он хвалит и ободряет народ; толпа строится к его стороне, чтобы всеми средствами противостоять Метеллу. Собравшийся сенат повелевает, по древней формуле, поддержать Катона оружием и воспрепятствовать принятию закона, подвергающего Рим междоусобной войне.

Метелл, кипя негодованием на своих, трепещущих перед Катонем, которого они считают непобедимым никаким насилием, спешит обратно на форум, собирает народ, осыпает Катона оскорблениями, кричит, что не подчинится тирании этого человека и не пристанет к оскорбительному для Помпея заговору, в котором город не преминет раскаяться, и вслед за тем отправляется в Азию дать Помпею отчет в происшедшем. Катон приобрел великую славу, освободив Рим от тяжкого трибуната Метелла и разрушив в Метелле и самое могущество Помпея. Но добрая слава его еще возросла, когда он не хотел

дозволить сенату объявить Метелла бесчестным и подкреплял свои возражения даже просьбами. Народ дивился этой умеренности Катона относительно врага, которого он не хотел оскорблять, победивши его силою.

(Свобода почти исчезла. Для спасения ее остатков Катон сближается с Помпеем и предлагает поручить ему все государственные дела. Он поддерживает совет Бибула назначить Помпея единственным консулом. Из двух зол, т. е. полновластия Цезаря и полновластия Помпея, Катон избирал меньшее, но не без сожаления о горькой необходимости выбора. И когда события оправдали его предсказания, когда стало известно, что Цезарь идет с войском на Рим, Катон восклицает пред самим Помпеем: "О римляне, если б вы поверили некогда моим словам, моим советам, то не страшились бы сегодня одного человека и не ожидали бы спасения от другого". С этого дня Катон стал носить траурную одежду и не стриг волос; к таким знакам глубокого горя Катон присоединил, после поражения Помпея при Фарсале, еще новый: он ел лишь сидя и ложился только для сна.

Катон до самой смерти своей проявлял уважение к законам и человеколюбие. Он отказался от предводительства Помпеевой армией, собранной в Ливии, и настоял на предоставлении этого поста Сципиону, занимавшему, против него, более высокую должность. А когда Сципион хотел истребить жителей Утики как приверженцев Цезаря, Катон своими мольбами спас их. В Утике же, обращенной им в военный арсенал, он добровольно лишил себя жизни, чтобы не пережить республики).

Давно решившись лишиться себя жизни, Катон постоянно стремился, обезопасив других, выполнить свое намерение относительно себя самого. Намерение это было несомненно, хотя он и не говорил о нем.

По желанию Трехсот, из которых он составил себе совет, Катон идет один на их заседание.

Они благодарят его за любезность и просят указать им дело и рассчитывать на них. Они не Катоны, не равняются с ним в мужестве, и потому саедают с низойти к их слабости. Решившись послать выборных к Цезарю, они прежде всего будут просить за Катона и если не успеют в этом, то не примут милости и для самих себя, а до последнего издыхания будут биться за Катона. Катон изъявляет признательность за их доброе желание и советует им снарядить посольство для обеспечения собственной жизни, ничего не прося для него, Катона. Лишь побежденным прилично прибегать к просьбам, лишь виновным прилично просить прощения. Он же не был побеждаем во всю свою жизнь, да и теперь стоит победителем, как желал того. Пред Цезарем за ним преимущество добродетели и справедливости, и потому не он побежден, а Цезарь, так как замыслы Цезаря против отечества, которые он отрицал, теперь очевидны.

Высказав это Тремстам, Катон уходит, узнав, что Цезарь приближается к Риму со всем своим войском, он говорит: "Как! Он еще признает нас за людей!" Затем, обратившись к сенаторам, Катон советует им не медлить и позаботиться о своем спасении, пока еще есть конница. Он велит запереть все городские ворота, за исключением

ведущих к гавани, распределяет корабли между своими подчиненными, наблюдает за тем, чтобы все совершалось в порядке, предотвращает несправедливости и смятение и велит раздать нуждающимся путевое продовольствие.

В это время Марк Октавий во главе двух легионов располагается станом около города и посылает к Катону гонца с просьбой определить подробности их совместного начальствования. Катон не отвечает, но обращается к своим друзьям: "Вот и удивляйтесь падению государства, когда честолюбие властвовать переживает в нас даже собственную нашу гибель!" Тогда он узнает, что всадники, отправляясь из города, грабят жителей Утики и уносят их имущество в виде добычи: он спешит на место действия, настигает передовых всадников и заставляет их кинуть награбленное. Все остальные торопятся сделать то же, и все удаляются со стыдом, молча и потупясь. Катон собирает жителей Утики и просит их не восстанавливать Цезаря против Трехсот, а работать всем для общего спасения. Затем он возвращается к гавани, чтобы следить за размещением отплывающих, обнимает тех из своих друзей и гостей, которых убедил бежать, и провожает их до кораблей. Что касается его сына, то Катон не считает своею обязанностью убеждать его расстаться с отцом.

Один молодой человек по имени Статиллий, желая выказать силу души, хочет подражать решимости Катона. Последний советует ему, как явному врагу Цезаря, уехать из города, и когда Статиллий отказывается. Катон обращается к сто-

ику Аполлонидесу и перипатетику* Деметрию: "Это ваше дело,— говорит он,— излечить Статиллия от гордости и побудить к тому, что ему полезно". Потом он провожает других граждан, выслушивает просьбы от остающихся и проводит в этом занятии ночь и большую часть следующего дня.

Луций Цезарь, родственник великого Юлия Цезаря, на которого возложено было ходатайство за Трехсот, просит Катона помочь ему составить убедительную речь, которая могла бы спасти этих лиц. "Говоря за тебя,— прибавляет Луций,— я готов буду целовать руки Цезаря и пасть пред ним на колени!" Катон запрещает ему делать что-либо подобное, "Если б я хотел быть обязанным Цезарю жизнью, то пошел бы сам повидаться с ним. Но я не хочу быть обязанным тирану тем, на что он не имеет права. Он не имеет права в качестве господина спасать не зависящих от него. Однако, если хочешь, посмотрим то, что ты намереваешься сказать для спасения Трехсот." Он совещается с Луцием и поручает ему своего сына и своих друзей.

Проводив его и пожав ему руку, Катон возвращается домой, подзывает сына и друзей, беседует с ними о различных предметах и запрещает сыну вмешиваться в политику, так как вмешиваться в нее достойным Катона образом не позволяют обстоятельства, а заниматься ею иначе было бы постыдно. Вечером он отправляется в баню. Моясь, он вспоминает о Статиллии и восклицает:

* Перипатетики — приверженцы философской школы, основанной Аристотелем.

"Итак, Аполлонидес, ты излечил Статиллия от его гордости и заставил его уехать? Молодец уехал, даже не пррстившись!" — "Нет!— возражает Аполлонидес. — Мы долго спорили; но он горд, непоколебим: говорит, что останется и будет следовать твоему примеру." Говорят, что, услыша это, Катон улыбнулся и сказал: "А это мы еще увидим."

После бани Катон ужинает со многими гостями сидя, как он делал всегда со времени Фарсальской битвы, ложась только для сна. В этот день у него ужинали все его друзья и должностные лица Утики. По окончании еды, за вином, завязывается ученая и живая беседа, состоящая из обсуждения некоторых философских вопросов. От предмета к предмету доходят до так называемых парадоксов* стоиков, например, что свободен только человек добродетельный, а все порочные люди — рабы. Само собою разумеется, что перипатетик восстает против этого положения; но Катон с жаром возражает ему голосом резким и строгим и долго, с чрезвычайным искусством, защищает мнение стоиков, давая понять присутствующим, что он решил покончить с жизнью, чтобы освободиться от современных бед. Катон кончил говорить, но все хранят тяжелое молчание. Катон рассеивает их подозрения, расспрашивает гостей о современных делах и высказывает свои заботы: он боится и за отправившихся морем, и за бежавших сухим путем, по дикой и безводной пустыне.

* Мнение с виду ложное, хотя в основании часто истинное. *Переводч,*

Простившись с гостями, Катон совершает с друзьями свою обычную после ужина прогулку, отдает начальнику стражи соответствующие случаю приказание и уходит в свою комнату, обняв сына и, порознь, каждого из своих друзей, с изъявлениями сочувствия более нежными, чем обыкновенно. Это вновь будит опасения окружающих. Уединившись и лежа на постели, Катон берет "Федона", разговор Платона* о душе. Прочитав большую часть этого произведения, он ищет глазами над изголовьем свой меч. А так как меч был унесен во время ужина сыном, то Катон зовет слугу и спрашивает, кто взял меч? Раб не отвечает. Катон снова читает, ожидает некоторое время, чтобы не показать нетерпения и как бы желая лишь знать, куда девался меч, велит принести его. Проходит значительное время; меча не несут. Катон кончает книгу, зовет одного раба за другим и, уже повышая голос, требует меч; одного раба он даже ударил кулаком в лицо так сильно, что ранил себе руку, затем он гневно кричит, что предан врагу сыном и рабами. Сын, в слезах, прибегает с друзьями, кидается на шею отца и молит его. Катон встает и, строго смотря на сына, говорит ему: "Когда же обнаружил я, сам того не зная, безумие? Если мое намерение худо, то отчего никто не разубедит меня, а вместо того хотят насильно заставить меня отказаться от намерения и обезоруживают! Прикажи еще, великодушный сын, связать своего отца! Свяжи ему руки, пока не явится Цезарь и не найдет

* Знаменитого греческого философа, учение которого, обобщающее все тогдашние науки, изложено в форме разговоров (всех 34). *Переводч.*

меня не способным защищаться! Сообрази еще: чтобы лишить себя жизни, мне не нужно и меча; мне достаточно задержать дыхание или разбить себе голову о стену."

Слыша это, юноша выходит из комнаты, горько плача и в сопровождении друзей. Подле Катона остаются лишь Деметрий и Аполлонидес, которым он говорит кротко: "Что, и вы намерены силою заставить жить человека моих лет и молча сторожить меня? Или вы пришли доказать мне каким-либо рассуждением, что если Катону не представляется иного средства спасти себе жизнь, то не будет ни странно, ни постыдно принять ее от врага? Отчего же не попытаетесь вы убедить меня и тем заставить переменить намерение? Разубедите меня в мыслях и учении, в которых мы жили доныне. Пусть Цезарь умудрит меня, чтобы я обязан был ему еще большею благодарностью! Впрочем, по отношению к самому себе я еще не решил ничего; но как скоро я решусь, нужно, чтобы я имел возможность и выполнить свое намерение. Это решение я обсужу как бы с вами, потому что ищу совета в сочинениях, к которым вы обращаетесь для изучения философии. Идите же спокойно и скажите моему сыну, чтобы он не пытался достичь насилием того, чего не может достичь убеждением."

Деметрий и друг его выходят молча и в слезах. Раб-ребенок приносит меч. Катон берет оружие, вынимает его из ножен и рассматривает; затем, видя, что конец меча остер и лезвие отпущено, говорит: "Теперь я сам себе господин." Он кладет меч подле себя, снова берется за книгу и, говорят, дважды прочитывает ее до конца. Затем

он засыпает так крепко, что его дыхание слышно за дверью. Около полуночи он зовет двух из своих вольноотпущенных, Клеанта, врача, и Бутаса, которому давал преимущественно политические поручения. Последнего Катон посылает к морю, чтобы увериться, все ли намеревавшиеся отплыть успели в этом, и прийти донести о виденном. Клеанту же Катон велит перевязать ему руку, ушибленную при ударе раба. Это приказание радует всех: его толкуют привязанностью к жизни. Немного времени спустя, Бутас доносит, что все отплыли, за исключением Красса, которого задержали дела, но что и он уже готов сесть на судно. Бутас прибавляет, что на море сильная буря. При этом известии Катон вздыхает об отплывающих и вновь посылает Бутаса к морю узнать, не воротился ли кто и не нуждается ли в помощи, и прийти донести об этом. Уже птицы пели, когда Катон опять заснул на несколько мгновений. Возвратившийся Бутас доносит, что все окрестности гавани совершенно спокойны. Катон велит ему запереть дверь и снова ложится в постель, как бы для сна в течение остальной ночи. Но вслед за выходом Бутаса он вынимает меч и вонзает его себе в грудь.

В более короткое время, чем какое могло казаться необходимым для уведомления всех жителей дома, весть разносится по всему городу; к воротам дома является Совет Трехсот, а затем и все население Утики. Все единогласно провозглашают Катона своим благодетелем, спасителем, единственным человеком свободным и непобедимым. Они продолжают говорить так даже по получении известия о приближении Цезаря:

ни страх, ни желание польстить победителю, ни существующие между жителями несогласия не могут ослабить их уважения к Катону. Они пышно украшают его тело, устраивают ему торжественные похороны и зарывают его на берегу, на том месте, где еще доныне стоит статуя Катона с мечом в руке. И только по исполнении этого долга жители Утики заботятся о спасении себя и своего родного города.

Извещенный о том, что Катон остается в Утике, не намерен бежать и, отправив других, мужественно ожидает события вместе с сыном и друзьями, Цезарь подозревает какой-либо неразгаданный умысел Катона и, вследствие глубокого к нему уважения ожидая чего-нибудь чрезвычайного, спешит с войском в Утику. На пути он узнает о смерти Катона и, говорят, восклицает: "О, Катон, я завидую твоей смерти, как ты завидовал мне в возможности спасти тебе жизнь!"

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

(От 101 до 44 г. до Р. Х.)

У Цинны, одно время бывшего неограниченным властителем Рима, была дочь Корнилия. Когда Сулла, достигнув всемогущества, ни надеждою, ни страхом не мог поколебать в ней приверженности к Цезарю, он отобрал у нее приданое. Причиной ненависти Цезаря к Сулле было родство первого с Марием: сестра отца, следовательно, тетка Цезаря Юлия, была женою старика Мария, и от нее-то и родился Марий-младший, двоюродный брат Цезаря.

Дела и страшное число убийств Юлий Цезарь сначала мешали Сулле подумать о Цезаре. Однако Цезарь не мирился с забвением; он, как ни был молод, стал добиваться звания жреца; но Сулла воспротивился

264

избранию. Он хотел даже убить Цезаря, а на возражение некоторых лиц о том, что нет оснований убивать ребенка, отвечал, что только они, безумцы, не видят в этом ребенке нескольких Мариев. Эти слова, переданные Цезарю, заставили его долго скрываться в стране сабинян. Вынужденный по болезни велеть перенести себя в другой дом, он попал в руки воинов Суллы, которые обыскивали эту местность и ловили скрывшихся тут беглецов. Цезарь откупился от их предводителя Корнелия ценою двух талантов, отправился к морю и поплыл в Вифинию, к тамошнему царю Никомену. Прожив тут несколько времени, Цезарь вновь пустился в море и близ острова Фармакузы попал в плен к пиратам, которые в это время господствовали на морях при помощи больших флотов и бесчисленного множества лодок.

Пираты требуют от него выкупа в двадцать талантов; Цезарь насмехается над тем, что они не знают, кого взяли, и обещает им пятьдесят талантов. Он отправляет своих спутников в различные города для сбора выкупа, а сам остается среди людей самых кровожадных, киликийцев, лишь с одним другом и двумя слугами и обращается с пиратами до того презрительно, что всякий раз, когда ему вздумается уснуть, он приказывает им молчать. Он живет у них тридцать восемь дней не столько пленником, сколько окруженный стражею, в полной безопасности предаваясь различным занятиям, сочиняя поэмы и речи, заставляя их играть роль слушателей, называя в лицо невеждами и варварами тех, которые не восторгаются его произведениями, и

265

часто со смехом обещая повесить их. Пираты очарованы, приписывая Цезареву откровенность простодушной веселости. По доставлении выкупа из Милета* и выдаче Цезаря, он тотчас же снаряжает в гавани этого города корабли, нападает на пиратов, оставшихся на стоянке у того же острова, и почти всех их либо истребляет, либо берет в плен. Он овладевает их сокровищами, сдает пленников в Пергамскую тюрьму и видится с Юнием, губернатором Азии, который в качестве претора был облечен властью наказывать пиратов. Юний, позарившись на бывшее у них большое количество денег, отвечает, что должен зрело обсудить свой образ действий с пленниками. Цезарь покидает претора, возвращается в Пергам и велит вывести пиратов из тюрьмы и распять их на крестах, как неоднократно обещал им на острове под видом шуток.

Несколько времени спустя, когда власть Суллы стала падать, друзья Цезаря зовут его в Рим. С самого приезда своего Цезарь принимает сторону угнетенных и защищает в суде нескольких греков против двух римских сановников. Его красноречие снискивает ему расположение в суде; в то время как любезностью и прелестью обращения, необыкновенными в его возрасте, он приобретает любовь народа. С другой стороны, он увеличивает свое влияние празднествами и роскошью.

Первым, кто, по-видимому, стал подозревать Цезаря в опасных замыслах, был Цицерон. Он говорил, что во всех предприятиях Цезаря, во

* Город в Малой Азии. *Переводч.*

всех его поступках он видит стремление к деспотизму. "Но когда я,— добавлял он,— вижу его волосы, убранные так тщательно и изящно, и как осторожно прелестно он чешет себе голову пальцем, то не могу себе представить, чтобы такой человек замышлял ниспровергнуть римскую республику."

Цезарь исполнял сначала должности военного трибуна и квестора. Перед отъездом в Испанию в качестве квестора Цезарь приобрел большое сочувствие одним нововведением. У римлян было в обычае говорить надгробное слово женщинам уже престарелым; молодым женщинам такого слова не говорилось. Цезарь первый произнес слово на похоронах своей жены. По чрезвычайным расходам Цезаря казалось, что он слишком дорого платит за скоропроходящую и пустую славу; но на деле он крайне дешево приобретал большие блага. Говорят, что до получения Цезарем первой должности долги его простирались до тысячи трехсот талантов. Но когда он употребил значительную часть своего имущества на исправление Анниевой дороги*, когда он, будучи эдилом**, нанял за свой счет для боя триста двадцать пар гладиаторов, когда в театрах и на торжествах и празднествах он щедростью и роскошью превзошел всех своих предшественников, он до такой степени сделал свои личные интересы народными, что

* Древнейшая и знаменитая римская дорога, которая вела из Рима через Капую в Брундузиум.

** Эдилы — римские сановники, надзиравшие за храмами, другими общественными зданиями, купальнями, общественными играми и рынками. *Переводч.*

все наперебой старались отплатить ему новыми почестями.

В то время существовали в городе две партии: партия всемогущего Суллы и партия Мария, слабая и разрозненная, упавшая до самой скромной роли. Цезарь вознамерился поднять и оживить

Смерть гладиатора.

последнюю, В пору своих щедрот в звании эдила он велел тайно изготовить изображения Мария со статуями Победы, поддерживавшими трофеи, и ночью поставить эти изображения в Капитолий. На другой день, когда увидели эти золотые статуи, изваянные с чрезвычайным искусством, и с надписями, напоминавшими победы над кимврами, все ужаснулись дерзости дарителя. Его не могли не узнать. Новость быстро распространяется и привлекает в Капитолий множество любопытных. Одни кричат, что Цезарь стремится к тирании, возвеличивая людей, осужденных законами и приговорами; в поступке Цезаря усматривают намерение испытать народ: видеть, до-

статочно ли он задобрен щедротами и дозволит ли еще какие-либо нововведения. Приверженцы Мария ободряются, внезапно являются в очень большом числе и оглашают Капитолий своими рукоплесканиями. Многие из них плачут от радости, видя изображение Мария, восхваляют и превозносят Цезаря и говорят, что он один достоин родства с Марием. Сенат собирается по этому делу, и в заседании консул Лутаций, наиболее уважаемый из римлян того времени, встает, обвиняет Цезаря и произносит знаменитые слова: "Цезарь рушит республику уже не подкопами, а стенобитными машинами." Но Цезарь удачно оправдывается перед сенатом. После этого его поклонники возлагают на него еще большие надежды и ободряют его вести себя так же гордо: воля народа одарит его, говорят они, победой над всеми и вознесет его на высшую ступень.

В это время умирает верховный жрец Метелл, и сына его ищут Изаврик и Катул, люди знаменитые и очень влиятельные в сенате. Цезарь оспаривает у них эту вакансию перед народом. Исход борьбы был неизвестен. Катул, который, пользуясь большою славой, вследствие того и сильнее страшился неблагоприятного результата, тайно предлагает Цезарю через посредника большие деньги, чтобы он только отступился от искаательства. Цезарь отвечает, что займет еще большую сумму, чтобы поддержать соперничество. В день, назначенный для выборов, Цезарь, обнимая мать, провожавшую его до дверей, говорит: "Матушка, сегодня вы увидите своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанным-

ком." При подаче голосов была борьба, но сторонники Цезаря одолели.

Поведение Цезаря во время суда над единомышленниками Катилины заставило подозревать, что Цезарь не был чужд заговора. Все говорившие до него сенаторы подали голос за предание Катилины смерти. Цезарь, напротив, высказал мнение, что не сообразно ни обычаям римлян, ни справедливости посылать на казнь без правильного суда людей значительных и по происхождению, и по сану. При выходе из сената Цезарь едва не был растерзан провожатыми Цицерона; но популярность его у народа удвоилась.

Исправление Цезарем должности претора не представляет ничего замечательного. Оставляя этот пост, он получил назначение военачальником в Испанию. Кредиторы Цезаря, видя его денежную несостоятельность, докучают ему и возражают против его отъезда. Цезарь обращается за помощью к Крассу, богатейшему из римлян, который в борьбе с Помпеем нуждался в деятельности и отваге Цезаря. Красс входит в сделку с самыми несговорчивыми из кредиторов Цезаря и ручается за него в восьмистах тридцати талантах. Цезарь, освободившись от притязаний кредиторов, отправляется в свою провинцию. Говорят, что при проезде его через Альпы, мимо маленького городка варваров, с небольшим населением в рубищах, друзья Цезаря, смеясь, говорили: "А, пожалуй, и между ними существуют честолобивые искатели должностей, вражда из-за первенства, зависть к наиболее могущественному!" Услышав это, Цезарь заметил

очень серьезно: "Что касается меня, то я охотнее был бы первым между этими людьми, чем вторым в Риме." В другой раз, в бытность свою в Испании, Цезарь, читая место из жизни Александра Великого, долго оставался погруженным в думы и затем заплакал. Удивленные друзья спрашивают его о причине слез. "Да разве вы не оправдаете моего отчаяния, вспомнив, что Александр в мои годы был уже царем множества народов, тогда как я не сделал еще ничего достопамятного?" Он оставил по себе в провинции громкое имя и возвратился, накопив громадные богатства, доставив выгоды участвовавшим в походе воинам и получив звание императора.

Лица, притязавшие на триумф, должны были оставаться вне города, а домогавшимся консульства нужно было присутствовать в Риме. Цезарь, прибыв к Риму накануне выборов в консулы и затрудняясь выполнить оба противоположные требования закона, посылает просить у сената разрешения искать консульства при посредничестве друзей, оставаясь за городом в ожидании триумфа. Катон сперва возражает на эту просьбу, опираясь на закон, а потом, видя, что Цезарь успел склонить на свою сторону большое число сенаторов, старается затянуть дело и с этою целью говорит целый день. Цезарь решается отказаться от триумфа, предпочитая ему консульство. Он вступает в Рим и совершает дело, обманувшее всех, кроме Катона: примиряет Помпея и Красса, двух наиболее влиятельных людей в Риме.

Этот союз Цезаря, Красса и Помпея известен в истории под названием первого триумvirата

Предводитель галльского племени арвернов Верцингеторикс
является с покорностью к Цезарю,

(управления трех). Первые плоды его пожал Цезарь: при помощи голосов, которыми располагали его товарищи, он достиг выбора в консулы; кроме того, он получил на пять лет обе Галлии* и Иллирию с четырьмя легионами. Он хотел заручиться готовым войском для междоусобной войны (см. жизнь Помпея),

Последующие войны Цезаря и походы, которыми он покорил Кельтику**, открыли ему новое поприще, на котором он не уступает ни одному из самых великих полководцев, славящихся своими воинскими способностями. Сравнить ли Цезаря с Фабием, Сципионом, Метеллом и их современниками или с жившими до него Суллою, Марием, обоими Лукуллами и даже самим Помпеем,— Цезарь превосходит одного по неудобствам местности, служившей театром войны, другого по пространству покоренных стран, третьего по числу и силе побежденных врагов, четвертого по дикости и коварству подчиненных племен, пятого милосердием к пленникам, шестого щедростью к воинам, всех — числом данных сражений и множеством истребленных неприятелей. Война в Галлии длилась менее десяти лет и в это время Цезарь взял с бою более восьмисот городов, покорил триста народов, сражался в открытом бою более чем с тремя миллионами врагов, из которых перебил один миллион и столько же взял в плен.

* Галлия делилась на Цисальпийскую (по эту сторону Альп) и Трансальпийскую (по ту сторону).

** До Юлия Цезаря римляне называли Кельтикой не одну Галлию, а всю западную и среднюю Европу, населенную племенами кельтов, народа индо-германского.

Высадка Цезаря в Британии.

Привязанность воинов к Цезарю и их увлеченности им были так сильны, что солдаты, которые в других походах не отличались особой отвагой, под предводительством Цезаря неудержимо бросались вперед и презирали всякую опасность для славы своего вождя. Таким оказался Ацилий, который в морском сражении при Марсели, кинувшись на неприятельский, корабль и видя правую руку свою, отрубленную мечом, бьет неприятеля щитом в лицо, отражает их всех и овладевает судном. Таков еще Кассий Сцева, которому в сражении при Диррахии пронзили глаза стрелою, плечо и ляжку двумя копьями, а щит стотридцатью ударами. Он зовет врагов, как бы для того, чтобы сдаться, и, когда двое из них приблизились, отрубает одному ударом меча плечо, а другого ранит в лицо и обращает в бегство; между тем подспевают товарищи Сцевы, и он спасен. Однажды в Британии предводители отряда попали на болотистую, мокрую местность и были окружены неприятелем; один воин, на глазах самого Цезаря, кидается в толпу варваров, совершает чудеса храбрости и спасает вождей. Обратив неприятеля в бегство, он, чтобы присоединиться к войску, входит в грязный поток и частью вплавь, частью пешком достигает суши, но при этом теряет свой щит. Цезарь, в восторге от его поведения, бросается к нему с криками радости, а воин, опустив голову и со слезами на глазах, падает к ногам его и молит о прощении за то, что потерял щит. В другой раз, в Ливии, Сципион овладевает кораблем Цезаря под командой Грания Петрона, избранного в квесторы. Сципион убивает экипаж, но квестору объявляет,

что дарует ему жизнь. Гранин отвечает, что воины Цезаря привыкли не принимать жизнь в дар, а даровать ее другим, и умерщвляет себя ударом меча.

Цезарь старался поддерживать этот пыл, осыпая воинов наградами и почестями. Кроме того, воины видели, что Цезарь не обращал собранных войною сокровищ на роскошь и наслаждения, а сохранял и берег в награду подчиненным за отвагу, и что с этою же целью он употреблял даже собственные средства; что, наконец он подвергался всем опасностям наравне с подчиненными и не отступал ни перед каким трудом. Не само презрение к опасностям и трудам изумляло солдат, знавших любовь Цезаря к славе, а его выдержка в трудах, превышавших его телесные силы; будучи слабого, нежного сложения, подверженный головным болям и падучей болезнью, первые припадки которой он испытал, говорят, в Кордове*, Цезарь не ссыался на свое слабое сложение для оправдания покоя, а старался излечиться воинскими упражнениями, побороть болезнь усиленными маршами, простою пищею, привычкою спать на открытом воздухе. Большею частью он спал в телеге или в носилках, чтобы употребить на пользу даже время отдыха. Днем он осматривал крепости, города и окопы, всегда в сопровождении одного из своих секретарей, приученных писать под диктовку и в дороге, и воина, вооруженного мечом. Цезарь путешествовал так быстро, что, покинув впервые Рим, он в восемь дней прибыл на берега Роны.

* В бытность в Испании.

Он с детства приучился к верховой езде и привык скакать, опустив поводья и заложив руки за спину. Во время похода в Галлию он приучился диктовать письма, сидя на лошади, и занимал разом двух секретарей, а по сказанию Оппия* даже нескольких. Говорят также, что Цезарь первый придумал сноситься с друзьями письменно, когда неотлагательные дела или расстояние не позволяли ему объясниться с ними лично. В доказательство его простоты в образе жизни приводят следующий случай. Однажды в Милане, за ужином у Валерия Лео, гостям, в том числе и Цезарю, подали спаржу, облитую благовонным маслом, вместо оливкового. Цезарь ест молча и выговаривает рассердившимся друзьям своим: "Если спаржа вам не нравилась, то достаточно было не есть ее, а заметить эту невежливость было, в свою очередь, невежливо." Застигнутый на дороге грозой, Цезарь укрылся однажды в хижине бедняка, где оказалась лишь одна комната, едва достаточная для пребывания одного лица. Он говорит друзьям, что самые почетные места следует предоставлять лицам наиболее заслуженным, а самые необходимые — больным, и помещает в хижине Оппия. Сам же он вместе с остальными спутниками проводит ночь под навесом перед дверьми.

Цезарь уже давно решил уничтожить Помпея, как и Помпей — Цезаря. Когда Красс, который мог соперничать и с тем, и с другим, погиб на земле парфян, Цезарю для достижения высшего сана оставалось лишь низвергнуть об-

* Друг Цезаря, описавший его походы. *Переводч.*

леченного им, равно как Помпею, чтобы не стать жертвою, оставалось только убить своего опасного соперника. Но Помпей лишь недавно стал опасаться Цезаря; до этого времени он пренебрегал им; считая легким делом погубить человека, которого сам он возвысил. Цезарь же давно обдумал свое поведение, держался, подобно атлету, вдали от своих противников и, во время гальских войн, упражнялся и сам в военном деле, и приучал к нему войска, приобрел своими подвигами громкую славу и в то же время подрывал славу Помпея, приводя и осуждая то поведение последнего, то общее положение государства, то плохое управление Римом, в котором кандидаты на общественные должности выставили на площади столы и бесстыдно покупали большинство голосов, причем продажный народ сходил на Марсово поле* не для того, чтобы мирно подать голос в пользу заплатившего, а чтобы драться за него мечами, стрелами и камнями. Не один раз народ расходился, заливая трибуну кровью и оставив на месте трупы. И потому благоразумные люди считали бы для себя счастьем, если бы из этого безумного состояния не возникло ничего хуже монархии. Многие даже открыто высказывали, что республика стала невозможной, что следует создать монархию и помышлять лишь о том, чтобы принять это средство из рук врача наиболее кроткого, — что ясно намекало на Помпея. Однако Помпей в своих речах притворялся отказывающимся, хотя действиями своими прямо стремился к назначению его диктатором**. Катон

* Так называлась часть большой равнины у Рима, служившая местом гимнастических и военных упражнений, а также народных собраний.

** Полновластным повелителем. *Переводч.*

и его единомышленники, понимая замыслы Помпея, советовали сенату назначить Помпея единственным консулом, чтобы он, довольствовавшись монархией законной, не захватил диктаторства силою. Мнение это одержало верх, и сенат долго продлевал губернаторскую власть Помпея. Помпей, управляя Испанией и всей Ливией посредством наместников, держа в этих странах армии, которые стоили государственной казне ежегодно тысячу талантов.

Вслед затем и Цезарь просит консульства и подобного же продления его власти губернатора. Помпей сначала молчит; но Маркелл и Лентул встают против притязаний Цезаря. Из ненависти к нему они соединяют с мерой необходимой другую, ненужную и оскорбительную: лишают жителей Неокомума, недавно поселенных Цезарем в Галлии, права гражданства. Консул Маркелл велит высечь розгами приехавшего в Рим сенатора этого города, говоря, что он налагает на сенатора позорное клеймо с целью показать, что последний не римлянин, и предоставляет ему показать это клеймо Цезарю. После консульства Маркелла Цезарь открывает галльскую казну всем членам правления, уплачивает значительные долги трибуна Куриона и дает полторы тысячи талантов консулу Павлу, который тратит эти деньги на постройку на форуме знаменитой базилики*, должествовавшей заменить базилику Фульвии. Испуганный этими дей-

* Здание с крышей на колоннах, служившее для заседаний суда, совещаний граждан, выставок художественных произведений, упражнений в красноречии и т.п. *Переводч.*

ствиями Цезаря, Помпей решается открыто выступить против Цезаря и либо лично, либо через своих друзей добиться назначения Цезарю преемника в предводительстве войсками. Одновременно он требует у него возврата воинов, которых уступил ему для галльских походов. Цезарь отсылает этих воинов, но наградив каждого из них двумястами пятьюдесятью драхмами. Предводители этих войск, приведшие их к Помпею, распространяют в народе злые толки о Цезаре и внушают самому Помпею ложные надежды. Они говорят, что армия Цезаря желает перейти к Помпею, что в Риме положение Помпея затрудняется завистью и беспорядками правления, и что, напротив, в Галлии войско принадлежит ему одному; что едва вернувшись в Италию, оно будет совершенно преданно ему: до такой степени Цезарь стал ненавистен большей части воинов своими походами и до того стал он подозрителен людям, опасавшимся тирании. Эти речи до того усиливают самонадеянную гордость Помпея, что он упускает даже сбор войска, как будто ему уже нечего опасаться и достаточно' противодействовать политике Цезаря речами и письменными сочинениями. Но Цезарю речи и сочинения эти были отнюдь не страшны. Рассказывают, что приезжий из его стана центурион, услышав в зале, у дверей которой он стоял, чьи-то слова, что сенат не продолжит срока губернаторства Цезаря, сказал: "Ну, так вот что продолжит ему этот срок!" и при этом ударил по рукоятке своего меча.

Между тем просьба Цезаря казалась совер-

шенно справедливой. Он соглашался сложить оружие при условии, что и Помпей сделает то же. Став оба частными лицами, они примут, говорил он, те милости, какие сограждане заблагорассудят даровать им. Лишить же Цезаря его армии, оставив за Помпеем его войско, значило: обвиняя одного в стремлении к тирании, открывать другому путь к ней. Когда Курион от имени Цезаря высказал народу эти предложения, они были встречены шумными рукоплесканиями; некоторые слушатели даже кидают Куриону венки, как бы атлету-победителю. Антоний, один из трибунов, представляет собранию письмо Цезаря по поводу его просьбы и читает его вопреки консулам. В сенате Сципион, тесть Помпея, предлагает, чтобы в случае, если Цезарь к определенному дню не сложит оружия, он был бы объявлен общественным врагом. Консулы спрашивают: не думает ли народ, что сначала Помпей должен распустить свое войско, а потом не следует ли и Цезарю распустить свое. Несколько голосов высказываются в пользу первого мнения; почти все голоса поддерживают второе. Антоний снова предлагает, чтобы оба вождя сложили с себя начальство, и это предложение принимается единогласно. Но запальчивость Сципиона и вопли Лентула, который кричит, что против разбойника нужно оружие, а не декреты, заставляют распустить собрание и наложить траур по случаю этого раздора.

Вслед за тем получается второе письмо Цезаря, по-видимому, еще умеренней. Он предлагает отказаться от всего, лишь бы ему предоставили губернаторство Галлии по эту сторону Альп, а также Иллирии с двумя легионами, пока он не получит другого консульства. Оратор Цицерон, недавно вернувшийся из Киликии, пытается примирить партии и смягчить Помпея. Помпей, уступая, впрочем, не соглашается оставить Цезарю своих воинов. Цицерон советует друзьям Цезаря довольствоваться двумя губернаторствами, с шестью тысячами войска и пойти на сделку. Помпей уже сдавался. Но консул Лен-тул не хочет ничего слушать; он оскорбляет Антония и Куриона и изгоняет их из сената, давая тем Цезарю самый благовидный повод восстановить своих воинов против существующего правительства, указывая им знаменитых лиц, сановников, спасающихся бегством в наемных каретах, в одежде рабов. В самом деле, страх заставил Антония и Куриона именно в таком виде бежать из Рима.

У Цезаря было всего не более трехсот всадников и пяти тысяч пехоты. Остальную часть его армии; оставленную по ту сторону Альп, должны были привести посланные за ней вожди. Но сознавая, что для начала дела и первого нападения необходимы не столько большие военные массы, как поражающие умы быстрота и смелость натиска, и что ему легче расстроить неприятеля внезапным натиском, чем одолеть его, явившись после долгих приготовлений, Цезарь приказывает своим военным трибунам и центурионам вооружившись одними мечами, завладеть Ариминумом, причем по возможности избежать убийств

и смятения. Передав предводительство войском Гортензию, Цезарь проводит день на виду общества, смотря на бой гладиаторов; затем, в сумерки, посвятив некоторое время заботам о своем теле, он входит в столовую и беседует с гостями, приглашенными им на ужин. С наступлением ночи он встает, шутит с гостями и просит их подождать, обещая скоро вернуться. А между тем он поручил нескольким друзьям следовать за ним, но не тою же дорогой, а иной. Тогда он садится в нанятую телегу, едет по ложной дороге и только потом направляется к Ариминуму. Подъехав к берегу реки Рубикон, отделяющей Галлию по сию сторону Альп от остальной Италии, Цезарь задумывается над своим опасным предприятием, сдерживает коня, наконец останавливает его и в молчании взвешивает представляющиеся ему возможности, колеблясь между различными намерениями и даже не раз меняя их. Затем он долго совещается с провожающими его друзьями, между которыми был и Азиний Поллион, воображает все бедствия, которые причинит людям его предприятие, и суд, который произнесет над ним потомство. Наконец, увлеченный страстью, он произносит изречение, которым с тех пор обыкновенно оправдывают трудные и опасные предприятия: "Жребий брошен!" — восклицает Цезарь, кидается в реку и так быстро совершает остальной путь, что еще до рассвета прибывает к Ариминуму, которым и овладевает. Со взятием Ариминума война принимает громадные размеры, распространяясь на сушу и моря. Уже самый переход Цезаря через границы его провинции составлял нарушение закона. И

на пути Цезаря не только отдельные мужчины и женщины спасались бегством, но населения целых городов покидали их и переселялись в другие местности Италии. Рим как бы залит потоком

Цезарь переходит Рубикон.

соседних бегущих народов, и среди этого бурного смятения ни одно должностное лицо не в состоянии остановить жителей и беглецов убеждением, потому что они едва не истребляют друг друга, Повсюду обнаруживаются противоположные страсти, судорожные движения. Даже радующиеся событию беспокойны: встречая в этом

большом городе на каждом шагу людей, погруженных в горе и заботы, они позволяют себе обращаться с ними нагло, грозят будущим и порождают ссоры. До Помпея доходят со всех сторон тревожные слухи: по мнению одних, он несет справедливую кару за то, что возвысил Цезаря против себя и республики, по мнению же Цезаря и его сторонников — за то, что оскорблял Цезаря, который был готов уступить и предлагал совершенно разумные условия. Фавоний в насмешку приглашает его ударить ногой в землю, вспоминая, как Помпей, чванясь перед сенатом, советовал ему не беспокоиться ни о чем и не затруднять себя военными приготовлениями, так как по прибытии Цезаря ему, Помпею, стоит лишь ударить ногой в землю, чтобы покрыть Италию легионами. Тем не менее войско Помпея превосходит Цезарево численностью, но ему не дают свободы действий. Ложные слухи, непрерывная паника, как будто бы все уже было охвачено войной, заставляют, наконец, Помпея уступить и следовать за другими. Он объявляет, что город в смятении, и покидает его, повелев сенату сопровождать его и запрещая остаться кому бы то ни было, кто предпочитает тирании родину и свободу.

Консулы бежали, даже не совершив обычных перед выездом жертвоприношений. Бежало также множество сенаторов, захватив с собой, можно сказать, всё попавшееся под руку, как бы спасая свое имущество от чужеземцев.

Были даже и преданные Цезарю лица, которые в первую минуту совершенно растерялись от страха и безо всякой необходимости подчини-

лись общему движению. Зрелище, поистине достойное жалости,— видеть город, застигнутый бурей и напоминающий корабль, который брошен на произвол стихий пришедшими в отчаяние гребцами. Но не смотря на то, что римлянам было горько оставлять родной город, они видели в изгнании отечество; они до того были преданы Помпею, что охотно покидали Рим, сделавшийся лагерем Цезаря. Так, даже Лабиен, один из самых близких друзей Цезаря, его наместник, самый храбрый товарищ его по оружию во время галльских войн оставил его и бежал к Помпею. Цезарь, послав ему его деньги и его имущество, располагается станом перед Корфиниумом, который был занят Домицием, имевшим под своим начальством тридцать когорт. Домиций, отчаявшись в своем положении, просит яда у врача-невольника и выпивает поданное, думая умереть. Но вскоре, узнав об удивительной доброте, с какой Цезарь обходится с пленными, он начинает жалеть о своем поступке и оплакивает свою поспешность. Врач успокаивает его, говоря, что данный им напиток не причиняет смерти, а только усыпляет. Домиций, вполне обрадованный этим, встает, идет искать Цезаря, который подает ему руку; но Домиций не медлит воротиться к Помпею. Эти новые вести, принесенные в Рим, возбуждают радость в жителях, и несколько беглецов возвращаются в город.

Цезарь спешит принять в свою армию войска Домиция и всех тех, которые были набраны в городах именем Помпея. Усилившись этими подкреплениями, он идет против самого Помпея; но Помпей не ожидает нападения и бежит в Брун-

дузиум, посылает консулов с армией в Диррахиум* и сам переправляется туда через несколько времени после прибытия Цезаря. Цезарь хотел тотчас преследовать его, но у него не было кораблей. Поэтому он возвращается в Рим, сделавшись в течение шестидесяти дней, без пролития крови, обладателем всей Италии. Он находит Рим в гораздо большем спокойствии, чем ожидал, и в Риме большое число сенаторов. Он говорит с ними кротко и ласково и убеждает их послать депутатов к Помпею с умеренными предложениями. Но ни один из сенаторов не соглашается на то, из страха ли перед Помпеем, или из убеждения, что Цезарь говорит не искренно. Трибун Метелл хочет воспрепятствовать ему взять деньги из государственной казны, ссылаясь на разные законы; Цезарь отвечает ему, что настоящее время есть время не законов, а оружия. "Что касается тебя,— добавляет он,— то если ты не одобряешь моего намерения, то ступай вон. Война не нуждается в свободных речах. Когда я сложу оружие и мир будет заключен, тогда ты можешь возвратиться и говорить свои демократические речи. И говоря это, я еще не пользуюсь всеми своими правами: ведь ты в моей власти, как и все те, которые объявили себя против меня". Сказав эти слова Метеллу, Цезарь направляется к воротам казначейства; но никто не может найти ключей. Цезарь посылает за слесарями и приказывает им отпереть ворота. Метелл опять сопротивляется, и некоторые одоб-

* Ныне Дураццо в турецкой Албании, следовательно, по другую сторону Адриатического моря.

ряют его поведение. Цезарь возвышает голос и грозит убить Метелла, если он не перестанет его оскорблять. "И ты хорошо знаешь, молодой глупец,— говорит он ему,— что мне труднее сказать это, нежели исполнить". Метелл удаляется, испуганный последними словами, и все спешат доставить Цезарю все необходимое для войны.

Цезарь отправляется со своей армией в Испанию, решившись изгнать оттуда наместников Помпея, Афрания и Варрона, и подчинить своей власти их войска, чтобы идти потом против Помпея, не оставляя в своем тылу неприятеля. Он несколько раз подвергается опасности погибнуть в засаде, и его армия едва не погибает с голоду; но он не перестает преследовать неприятеля до тех пор, пока не овладевает его станами и войсками. Неприятельские начальники обращаются в бегство и удаляются к Помпею.

По возвращении Цезаря в Рим тесть Цезаря Пизон советует ему послать депутатов к Помпею, чтобы войти с ним в соглашение; но Изаврик, желая польстить Цезарю, отвращает его от этого намерения. Избранный сенатом в диктаторы, Цезарь созывает изгнанников, возвращает прежние права детям лиц, изгнанных Суллою, и освобождает должников от части роста по их долгам. Приняв еще некоторые другие политические меры и видя, что он удержит за собой неограниченную власть только на одиннадцать дней, Цезарь назначает себя в консулы вместе с Сервилием Изавриком и занимается подготовкой войны. Он оставляет за собой большую часть своего войска, берет шестьсот отборных всадников и

пять легионов, в зимнее солнцестояние, в начале января, садится на корабли, переплывает Ионийское море, овладевает городами Ориком и Аполлонией и отправляет перевозочные суда в Брундузиум, чтобы переправить отставшие отряды. Дорогою эти солдаты, утомленные множеством непрерывных войн, обвиняют Цезаря. "До каких пор,— говорят они,— этот человек будет таскать нас повсюду и обращаться с нами так, как будто бы мы неустойчивы и бесчувственны? Само железо устает поражать, и после долгого употребления даже щиты и латы нуждаются в починке; Цезарю же не приходит мысль при виде наших ран, что он начальствует над смертными и что мы, как смертные, подвержены страданиям". Рассуждая таким образом, войска тихо подвигаются к Брундузиуму. Тут они узнают, что Цезарь уже отплыл; мгновенно мысли их изменяются; воины упрекают друг друга в измене своему вождю, упрекают и своих начальников в том, что те не ускоряли их марша. Расположившись на скалах и устремив взор на море по направлению к Эпиру, они нетерпеливо ожидают корабли, которые должны перевезти их к Цезарю.

Цезарь находился в Аполлонии с войском очень малочисленным, потому что часть его войска отстала в Брундузиуме. Колеблясь и в печальном настроении духа, он решается на крайнее средство: отплыть одному, в тайне, на двенадцативесельном судне, в Брундузиум, хотя бы море было покрыто неприятельскими кораблями. С наступлением ночи он переодевается невольником, всходит на корабль, забивается в угол, как самый последний из пассажиров, и

сидит там, ни слова не говоря. Челнок спустился по Аузе и - вышел в море. Утренний ветерок, который обыкновенно производил в устье реки затишье, сменился ночью сильным морским ветром. Река, поднявшаяся от прилива и от сопротивления морских валов, страшно волнуется; вихрь и волны делают усилия кормчего тщетными; кормчий приказывает гребцам поворотить парус и плыть вверх по реке. Цезарь слышит это, объявляет, кто он, и, взяв руку кормчего, который совершенно ошеломлен, узнав о присутствии Цезаря, говорит ему: "Не бойся, друг, ничего; ты везешь на своей лодке Цезаря и его судьбу". Матросы забыли о буре, налегли на весла и употребляли все усилия, чтобы преодолеть напор воды. Но все было тщетно: челнок дал течь в нескольких местах и готов был потонуть в устье. Цезарь, хотя и с сожалением, позволяет кормчему поворотить назад. Он возвращается в лагерь. Солдаты спешат ему навстречу и горько жалуются на то, что, не надеясь победить с ними, он подвергает опасности свою жизнь для того, чтобы отыскать отсутствующих, как бы не доверяя тем, которые находились при нем.

Вскоре после того Антоний высаживается на берег, ведя с собой войска из Брундузиума.. Цезарь, снова поверив в свои силы, вызывает Помпея, который занимал выгодную позицию и получал провизию в изобилии с суши и с моря, тогда как Цезарь, с самого начала не пользовавшийся достатком, впоследствии находился в столь стесненном положении, что нуждался в самом необходимом. Воины его употребляли в пищу один род корня, который они крошили и

растирали с молоком; иногда они пекли из него и хлеба; после, идя к неприятельским передовым постам, они швыряют и рассеивают свои хлеба по полям, говоря, что до тех пор, пока земля будет производить этот корень, они не выпустят Помпея. Помпей запрещает показывать эти хлеба и передавать солдатам эти слова, чтобы войско не утратило дикости и закаленности врагов. Каждый день у окопов Помпеева лагеря происходили стычки, в которых Цезарь всегда одерживал верх, за исключением одного раза, когда он понес большое поражение и ему угрожала опасность лишиться лагеря. Помпей стремительно ударил на него, и ни один воин Цезаря не устоял; рвы были наполнены убитыми, и преследование продолжалось бегом до самых окопов. Цезарь бросается вперед; он старается остановить бегущих, но тщетно; он хочет схватить знамена, но знаменосцы бросают их на землю, и тридцать два знамени попадают в руки неприятеля; сам Цезарь едва не погиб. Он останавливает одного из бегущих, высокого и сильного воина, и заставляет его идти на неприятеля. Этот воин, смущенный опасностью, захватывается мечом на самого Цезаря; но оруженосец Цезаря предупреждает его и одним ударом отсекает ему руку. Цезарь считает себя уже погибшим; но Помпей, из благоразумия или случайно, не завершает своей победы; довольный тем, что запер неприятеля в его лагере, он отступает. Возвращаясь, Цезарь говорит своим друзьям: "Сегодня неприятель одержал бы победу, если бы у них был победоносный полководец". Для него, оставшегося в своей палатке, наступила одна из самых ужасных

ночей, исполненная тысячью мучительных сомнений; он упрекал себя в следовании дурному плану; имея под рукой изобильную страну, с богатыми городами Македонии и Фесалии, он, вместо того чтобы начать войну отсюда, расположился близ моря, находящегося во власти врага, и где он скорее будет побежден нуждой, нежели победит оружием. Опечаленный этими мыслями, тревожимый сомнениями и затруднениями настоящей минуты, Цезарь снимается со стана, решившись идти против Сципиона в Македонию; этим действием он надеется или привлечь Помпея в такое место, где тот должен будет сражаться, не получая съестных припасов морем, или же легко победить одного Сципиона.

Это отступление наполняет армию Помпея гордостью; его офицеры смотрят на Цезаря как на побежденного и обращенного в бегство. Однако, что касается самого Помпея, то его благоразумие не позволяет ему подвергать случайностям битвы столь важные интересы; превосходно снабженный всем, что дает возможность выжидать время, он старается затянуть дело и дать остыть временному воодушевлению неприятеля. И в самом деле, самые закаленные в боях войска Цезаря выказывали в сражениях опытность и непреодолимую храбрость; но когда дело шло о маршах, о построении лагеря, об осаде, о ночах, проводимых без сна с оружием в руках, они изнемогали от изнурения; они были тяжелы на работу, и эта слабость тела порождала в них упадок духа. Притом говорили, что в армии Цезаря свирепствует заразная болезнь, основной причиной которой был недостаток пищи, так что

Цезарь, терпя недостаток в деньгах и съестных припасах, неминуемо должен был уже вследствие этого дойти до беспомощности.

Итак, Помпей решился не вступать в сражение; и Катон одобрял его за то, что он щадил кровь сограждан. Катон, увидев после последнего сражения трупы убитых врагов числом около тысячи, удалился с поля битвы, покрыв голову и проливая слезы. Все прочие смеялись над Помпеем, избегавшим сражения, и оскорбляли его, называя Агамемноном и царем царей*, решившимся сохранить свою монархическую власть содействием подчиненных ему вождей, посещающих его палатку.

Фавоний, подражавший Катону в свободе слова, легкомысленно жаловался на то, что не мог в этом году отведать тускуланских фиг из-за страсти Помпея к безусловной власти. Афраний, недавно прибывший из Испании, где он вел неудачную войну, и обвиняемый в том, что он продал свою армию, спрашивал, почему же не вступают в бой с купцом, купившим у него провинции. Все эти речи побуждают Помпея против воли вступить в сражение, и он начинает преследование Цезаря. Цезарь в первой части своего пути сильно бедствовал; никто не хотел доставлять ему съестных припасов; все презирали его за недавнее поражение. Но когда он взял Гомфы, город в Фессалии, то у него не только было чем кормить армию, но его воины необыкновенным образом исцелились от своей болезни.

* Прозвище Агамемнона, верховного предводителя греков в Троянской войне.

Они нашли здесь вина вволю и напились через меру, потом начали пировать и превратили свой поход в длинную вакханалию; винные пары прогнали их болезнь и как бы освежили их тело.

Между тем два полководца сошлись и расположились станом перед Фарсалом. Помпей возвращается к своему первому намерению, напуганный страшными видениями и снами. Напротив, окружающие его исполнены уверенности и заранее ждут победы, так что Домиций, Спинтер и Сципион даже спорят о том, кому достанется титул великого понтифекса, принадлежавший Цезарю; многие посылают заранее нанимать дома, приличные для консулов и преторов, будучи уверены в том; что получают после войны эти должности. Но нетерпеливее всего желают сражения всадники, которые в восторге от превосходства своего оружия и дородности своих лошадей, хвалятся хорошим видом своего строя и его многочисленностью: их семь тысяч против одной тысячи всадников Цезаря. Количество пехоты нечего и сравнивать: ее было у Помпея сорок пять тысяч человек, а у Цезаря только двадцать две тысячи.

Цезарь собирает своих воинов, сообщает им, что скоро Корнифиций приведет ему два легиона, что пятнадцать других когорт расположены около Мегары и Афин под начальством Калена, и спрашивает: хотят ли воины ждать этих подкреплений или решатся начать дело без них. Воины в один голос умоляют его не дожидаться, но придумать какую-нибудь военную хитрость, чтобы скорее схватиться с неприятелем. Во время искупительного жертвоприношения за армию, когда Цезарь

заклал первую жертву, гадатель предсказывает ему, что в течение трех дней он боем покончит дело с неприятелем. Цезарь спрашивает его, увидит ли он во внутренностях жертвы каких-нибудь счастливых предзнаменований. "Ты сам ответишь на это лучше, нежели я,— говорит ему гадатель.— Боги предрекают великую перемену, всеобщий переворот, вследствие которого настоящий порядок вещей сменится совершенно противоположным. Если ты считаешь свое настоящее положение хорошим, то ожидай худшего, а если признаешь его худым, то будь уверен в перемене к лучшему". В ночь перед сражением при обходе лагерных постов было замечено около полуночи сияние небесного огня, который пронесся над лагерем Цезаря и, казалось, упал на стан Помпея. При утренней смене караула узнали, что в стане неприятеля распространился панический страх. Как бы то ни было. Цезарь не рассчитывал вступать в сражение в этот день и готовился снять стан.

Уже палатки были сложены, когда разведчики прискакали объявить Цезарю, что неприятель выступает в боевом порядке. Обрадованный, Цезарь молит богов и располагает свою армию тремя отрядами. В середине он помещает Домиция Кальвина, Антония ставит на левом крыле, а за собой оставляет правое, чтобы сражаться во главе десятого легиона. Видя неприятельских всадников, расположенных против этого правого крыла, и опасаясь этого блестящего и многочисленного войска, он тайно выдвигает из своего заднего ряда шесть когорт, которые помещает позади своего правого крыла, предварительно

предписав им, что они должны делать, когда неприятельские всадники начнут атаку. Помпей также становится на правом крыле своей армии, Дфмиций на левом, а в центре Сципион, тесть Помпея*. Вся Помпеева конница передвинулась на левое крыло, чтобы охватить правое крыло врагов и расстроить отряд самого военачальника врагов. От неприятельской пехоты не ожидали сопротивления и потому рассчитывали, что страшным напором кавалерии все ряды неприятеля будут опрокинуты и прорваны.

С обеих сторон готовили дать сигнал к нападению, когда Помпей приказывает своей пехоте оставаться неподвижной и сомкнутой, поджидая неприятеля, пока последний не подойдет на расстояние выстрела. Цезарь говорит, что Помпей этим сделал ошибку: он не знал, что в начале действия быстрота бега и стремительность придают большую силу удару и воспламеняют храбрость, возбуждаемую общим увлечением. Что касается Цезаря, то намереваясь двинуть свой фланг в бой, он замечает одного из центурионов, человека преданного и испытанного в войне, ободряющего своих солдат и убеждающего их показать свою храбрость. Цезарь говорит ему: "На что нам надеяться, Кай Крассиан? Где наше мужество?" Крассиан, взяв его за руку, отвечает с твердостью: "Мы одержим славную победу, Цезарь! Что касается меня, то ты удостоишь меня сегодня своей похвалы, живого или мертвого".

* Цезарь говорит в своих комментариях (очерках походов), что Помпей находился на левом крыле, против его правого крыла — следовательно, прямо против Цезаря.

Сказав это, он бросается на неприятеля, увлекая за собой свой отряд в сто двадцать человек. Он рубит первых, попавшихся ему навстречу, подвигается вперед, убивая множество врагов до тех пор, пока сам не поражен в рот ударом меча столь сильным, что конец оружия выходит у него из затылка.

Между тем как пехота дерется в центре, всадники левого крыла Помпея гордо выезжают и развертывают свои эскадроны, чтобы охватить правое крыло Цезаря. Но еще до выполнения ими этого намерения когорты Цезаря устремляются на них, и вместо того, чтобы по обыкновению бросать свои дротики издали и поражать мечами ноги и бедра врагов, они целят в глаза и поражают неприятеля в лицо, следуя предписанию Цезаря, который был уверен, что эти молодые всадники, мало знакомые с войной и ранами, гордые своей красотой и молодостью, в особенности устроятся этого рода ран и не устоят перед действительной опасностью и угрожающим им безобразием. Так и случилось. Они не устояли, когда дротики полетели в лицо Помпеевым всадникам, последние стали отворачиваться и закрывать голову, чтобы защитить лицо. Наконец, ряды их расстраиваются, они обращаются в бегство и постыдным образом предоставляют на произвол судьбы остальную часть армии. Победив всадников, воины Цезаря окружают Помпееву пехоту, нападают на нее с лица и с тыла и беспощадно рубят неприятеля. Помпей, видя с правого крыла своей армии, что всадники его обращены в бегство, теряет присутствие духа; он уже не помнит более, что он великий Помпей, но подобно человеку, кото-

рого разум расстроен каким-нибудь божеством или которого смущает голос божества, молча убегает в свою палатку. Тут он сидит неподвижно, ожидая, что будет дальше, до тех пор, пока поражение не сделалось всеобщим, и неприятель не перешел через окопы его лагеря, вступив в бой с теми, которые его защищали. Тогда, придя в себя, Помпей воскликнул: "Как! Уже в моем стане!" С этими словами он сбрасывает с себя боевое платье, надевает одежду, удобную для бегства, и исчезает.

Когда Цезарь вступил в лагерь Помпея и увидел трупы уже убитых недругов и тех, которых только еще убивали, то сказал со вздохом: "Они сами того хотели! Они привели меня к тому, что если бы я, Кай Цезарь, победоносный в величайших войнах, оставил свою армию, то был бы осужден". Азиний Поллион говорит, что большая часть людей, убитых при взятии Помпеева стана, принадлежала к прислуге и что воинов погибло не более шести тысяч. Почти все, взятые живыми, были зачислены Цезарем в его легионы. Он помиловал много известных лиц, среди них Брута, который впоследствии убил его. При взятии лагеря обнаружилось все безумие и легкомыслие неприятеля. Каждая палатка была увенчана миртами и убрана дорогими тканями; столы были уставлены блюдами, и кубки наполнены вином; по роскоши и великолепию стан походил на место празднества или жертвоприношения, до такой степени была сильна самоуверенность неприятеля.

От Фарсальской битвы до диктатуры Цезаря он провел еще несколько войн. Александрийская

война произошла вследствие вмешательства Цезаря в дела Египта; он подвергался там величайшим опасностям, застигнутый в Александрии внезапно вспыхнувшим возмущением жителей, Цезарь поспешил сесть в лодку, чтобы достигнуть острова Фароса; но в этой лодке тотчас открылась течь, и Цезарь, гребя одной рукой, а другой держа свои Комментарии, спасся лишь с большим трудом. Но получив подкрепление, он дал сражение и одержал победу.

Посадив на престол Клеопатру, Цезарь отправился в Азию на войну с Фарнаком, сыном Митридата, который, пользуясь римскими междоусобиями, отнял у римлян некоторые из прежних владений своего отца. Победа Цезаря была так легка, что, желая выразить быстроту ее, он донес о ней римскому сенату тремя словами: "Пришел, увидел, победил".

Война против партии Помпея была более продолжительна и опасна. Перед началом ее Цезарь усмирил своих взбунтовавшихся ветеранов одним словом, назвав их "г р а ж д а н а м и" вместо "т о в а р и щ е й", — своего обычного выражения*. Потом, он отправился в Ливию, где приверженцы Помпея соединились под начальством Сципиона. К ним пристал и царь нумидийский Юба. Первый успех, одержанный нумидийской конницей, ободрил Сципиона отважиться на сражение. Но Цезарь, предвосхитив его, с неимоверной быстротой прошел через болотистую местность и почти непроходимые теснины, окружил часть войска Сципиона и напал с центра

* Звание римского гражданина было почетное, сопряженное с различными правами.

на остальную. В несколько часов он овладел лагерями Сципиона, Афрания и Юбы. Главные вожди Помпеевской партии, между прочими Катон, лишили себя жизни, чтобы не быть обязанными великодушию победителя. Однако сражение при Фапсе не кончило войны; сыновья Помпея вновь сформировали в Испании значительную армию. Цезарь победил их при Мунде, но с большим трудом; возвращаясь в свою палатку после сражения, он говорил своим друзьям, что часто сражался для победы, но что сегодня в первый раз сражался для спасения своей жизни. Наконец, враги его были подавлены; от радости Цезарь потерял чувство стыда, еще сохранившееся в нем после прежних побед над согражданами: возвратившись в Рим, он осмелился торжествовать свои победы в междоусобной войне, подобно победам в Египте, Понте и Ливии.

Римляне, преклоняясь перед успехами этого великого человека, и убежденные, что единственное средство отдохнуть от бедствий гражданских войн есть монархия, назначают Цезаря пожизненным диктатором*. Но соединить с неограниченностью монархической власти ее пожизненность значило открыто признать тиранию. Цицерон был первым, кто предложил назначить Цезарю почести, еще совместные с человеческой природой; но другие взапуски расточали Цезарю почести божеские и странностью своих постановлений сделали его ненавистным и несносным даже для людей самых кротких. Вслед-

* Диктатор — высшее правительственное лицо римской республики, имевшее власть почти неограниченную, назначался в важных случаях не более как на 6 месяцев.

ствие этого полагают, что возвышению Цезаря способствовали не менее льстецов и его враги, с той целью, чтобы иметь более предлогов к нападкам на него и прикрыть свои замыслы важными жалобами, так как по окончании гражданских войн Цезарь вел себя безукоризненно. Состоявшееся в то время в сенате решение построить храм Милосердию справедливо считается знаком благодарности, возданной добродушию Цезаря. В самом деле, он объявил прощение большей части тех людей, которые вели с ним войну; а некоторым даже даровал высокие звания и должности, как, например, Бруту и Кассию, назначив обоих преторами. Он не смотрел равнодушно на то, что были разбиты статуи Помпея, а велел их восстановить. Это заставило Цицерона сказать, что Цезарь, восстанавливая статуи Помпея, утвердил свои. Друзья Цезаря уговаривали его завести себе стражу и предлагали ему для этого самих себя; но он отверг предложение, говоря, что лучше умереть один раз, чем страшиться постоянно. Желая окружить себя общею любовью как самой прекраснейшей и самой верной охраной, он давал народу пиры и раздавал бесплатно хлеб, а войску отводил колонии, в особенности в Карфагене и Коринфе. Что касается могущественных людей, то одних Цезарь обещал сделать консулами и преторами, других утешил почестями, всем подал надежду, стараясь вызвать повиновение добровольное.

Цезарь был рожден для великих предприятий и был жажден к славе; его многочисленные успехи не давали ему времени наслаждаться плодами своих трудов, а только подстрекали его к новым

предприятиям; в нем тотчас рождались планы более обширные и жажда новой славы, как будто прежняя уже иссякла. Эта страсть была родом соперничества с самим собою, подобно тому, как если бы он соперничал с кем-нибудь другим, — честолюбивым рвением поставить свое будущее выше прошедшего. Он задумывал начать войну с парфянами. Покорив этот народ, он мог бы пройти через Гирканию, потом вдоль Каспийского моря и Кавказских гор, ворваться в Скифию, покорить мимоходом страны, соседние в Германии и саму Германию и возвратиться в Италию, расширив во все стороны римские владения до пределов Океана. Готовясь к этому походу, он продолжает прорезывать Коринфский перешеек, потом рыть от Тибра по выходе этой реки из Рима до самого Цирцеума, глубокий канал, который сообщался бы с морем близ Террачины, что открыло бы торговле верный и удобный путь в Рим. Кроме того, он думал высушить болота, находившиеся вокруг Помериума* и Сеции, и обратить их в плодородную равнину, на которой бы могли поселиться многие тысячи людей. Наконец, он намеревался поставить преграду морю в части, наиболее близкой к Риму, и для этого хотел поставить плотины и обустроить Остию, устроив там якорные стоянки..

Он благополучно завершает и перемену календаря, несмотря на насмешки. Оратор Цицерон, если я не ошибаюсь, сказал, услышав, как кто-то говорил, что созвездие Лиры взойдет

* Помериум — дорога вокруг стен древнего Рима.

завтра: "Да, по приказанию начальства", словно проведенная перемена календаря была принята лишь по принуждению.

Но что возбудило против Цезаря открытую и смертельную ненависть, так это — его желание сделаться царем. Оно вызывало неприязнь народа и послужило удобным поводом для козней его врагов. Желавшие доставить удовольствие Цезарю распространяли слух, что по Сивиллиным книгам парфяне лишь тогда будут покорены римлянами, когда во главе римских армий будет стоять царь, и что до того времени парфяне всегда останутся непобедимы. Когда Цезарь возвращался из Альбы* в Рим, его приятели имели смелость поздравлять его с титулом царя. Народ пришел в негодование, и Цезарь сказал с сердитым видом: "Меня зовут не царем, а Цезарем". После этого ответа все замолчали, и Цезарь продолжал свой путь, печальный и недовольный. Однажды сенат назначил ему чрезвычайные почести; Цезарь сидел на ораторской трибуне. К нему подошли консулы и преторы, за которыми следовал весь сенат; Цезарь не встает с места, но принимает вошедших как простых частных лиц и отвечает, что почести ему нужно скорее ограничить, нежели увеличить. Что Цезарь при ответе не встает перед сенаторами, печалит не только сенат, но и весь народ, который находит весь Рим оскорбленным в лице сенаторов, и можно было видеть, с каким пасмурным видом вышли из заседания те, которые могли не оставаться.

* Альба-Лонга — древнейший город Лациума, той части средней Италии, в которой состоял и Рим.

Увидя это, Цезарь тотчас пошел домой. Тут он бросает далеко от себя свой плащ и обращается к друзьям, говорит, что он готов подставить горло кому угодно. После он ссылается на болезнь, которая мешала ему говорить речь стоя. Но он не сказал правды. Не подлежит сомнению, что он хотел было встать перед сенатом, но что его удержал от этого, как говорят, один из его друзей, или скорее льстецов, Корнилий Бальб. сказав ему: "Разве ты забыл, что ты Цезарь, и не заставишь чтить твоё превосходство по заслугам?"

Ко всем этим обстоятельствам, раздражавшим народ, вскоре присоединилось оскорбление, нанесенное народным трибунам. Это было во время праздника Луперкалий. Множество молодых людей знатного происхождения и городских сановников бежали по городу совершенно нагие и в шутку хлестали встречающихся кусками шкур. Цезарь смотрел на эти увеселения, сидя на трибуне, на золотом кресле и облеченный в триумфальные украшения. Антоний в качестве консула также участвовал в священном беге. Как только он прибыл на форум и толпа расступилась перед ним, он тотчас подошел к Цезарю и поднес ему корону, обвитую лавровой ветвью. Тогда послышались рукоплескания, но слабые и редкие, как бы исходившие от людей, заранее размещенных с этой целью. Цезарь отстраняет корону; весь народ рукоплещет. Антоний снова подносит ее; снова слышны слабые рукоплескания. Сделав эту пробу, Цезарь встает с места и велит отнести корону в Капитолий. Вскоре можно было видеть его статуи, увенчанные царскими коронами. Тог-

да являются два народные трибуна, Флавий и Марулл, снимают короны и, встречаясь с теми, кто первыми приветствовал Цезаря царским титулом, хватают их и уводят в тюрьму. Народ следует за ними с рукоплесканием и называет этих трибунов Брутами, так как Брут некогда низложил царей и передал власть из рук монарха в руки сената и народа. Цезарь, раздраженный этим, снимает с должности Марулла и его товарища, жалуется на поведение народа и, дозволяя себе оскорбительную игру словом Brutus, называет трибунов скотами.

С этой минуты народ начинает ждать освобождения от Марка Брута, о котором говорили, что он происходит по отцу от древнего рода Брутов, а по матери от не менее знаменитого рода Сервилиев, и который сверх того был зятем и племянником Катона. Одно только чувство ослабляло в нем желание разрушить монархию, это — память об отличиях и благодеяниях, оказанных ему Цезарем. Цезарь не только подарил ему жизнь после фарсальского сражения и бегства Помпея и пощадил, по его просьбам, большое число его друзей, но и оказывал ему особенное доверие. В этот самый год он пожаловал ему самую почетную претуру и назначил его консулом на четыре года, предпочитая Брута Кассию, его сопернику. Однажды Цезарь сказал, что Кассий хорошо рассуждает, но что он, Цезарь, не может ставить его выше Брута. Когда Цезарю донесли, что Брут участвует в заговоре, который тогда уже затевали, Цезарь не хотел верить и, положив руку на сердце, говорил: "Брут подождет моей смерти". Этим он хотел сказать,

что Брут по своей доблести достоин власти, но для достижения ее не захочет быть неблагодарным и преступным. Между тем, люди, которые желали перемен, полагались только на Брута или на него преимущественно, не смели говорить ему, о том открыто; но ночью они положили на трибунал и на кресло, на котором он сидел во время отправления своей должности множество записок, на которых было написано: "Брут! Ты спишь?" или "Нет* ты не Брут!" Кассий, замечая, что эти упрёки мало-помалу возбуждают в Бруте любовь к славе, подстрекает его еще более, имея со своей стороны личные причины ненавидеть Цезаря. Цезарь подозревал его и однажды сказал своим друзьям: "Как вы думаете, чего хочет Кассий? Что касается меня, то я его не очень люблю: он слишком бледен". В другой раз ему донесли на Антония и Долабеллу, что они замыслили революцию. Цезарь сказал: "Меня не слишком страшит этот жирный и косматый народ; я больше боюсь людей худых и бледных". Он намекал на Кассия и Брута.

Но ему, как кажется, было гораздо легче предвидеть свою судьбу, нежели избежать ее. Говорят, что ее предвещали необыкновенные знамения и видения: небесные огни, ночной шум, слышанный со всех сторон, пустынные птицы, являвшиеся на форуме. Философ Страбон рассказывает, что в воздухе видели огненных людей, нападавших друг на друга; слуга одного воина пустил из своей руки весьма сильный огонь; рука перед глазами присутствующих, казалось, горела; но огонь погас, и человек остался цел. Однажды Цезарь совершал жертвоприношение и не нашел

сердца в теле жертвы; это была признана дурным предзнаменованием как явление противоестественное. Многие рассказывают, что один авгур предсказывал Цезарю, что его ждет большая опасность в тот день марта месяца, который римляне называли Идами. Когда этот день пришел, Цезарь, отправляясь в сенат, встречает авгура, здоровается с ним и говорит шутя: "Ну, вот и Иды марта наступили". "Да, — спокойно отвечает авгур — они наступили, но еще не прошли". Накануне этого дня Цезарь ужинал у Марка Лепида и по обыкновению, сидя за столом, подписывал бумаги. Случайно разговор зашел о том, какая смерть лучше. "Неожиданная", — сказал Цезарь громко. Когда после ужина он лег спать, то вдруг все двери и окна отворились сами собой; внезапно пробужденный шумом и светом, он слышит, как Кальпурния, во сне чего-то испугавшись, стонала и бессвязно говорила. Действительно, ей снилось, что она оплакивает мужа и держит его мертвого в своих объятиях. Проснувшись на другой день, она умоляет Цезаря, если можно, не выходить из дома и, если он не верит сновидениям, прибегнуть по крайней мере к другим средствам узнать о своей будущей участи. Наконец и сам Цезарь почувствовал некоторый страх. До сих пор он никогда не замечал в Кальпурнии женской трусливости и суеверия, а тут она впала в ужасное беспокойство. Августы, сделав несколько жертвоприношений, объявили, что знамения неблагоприятны для Цезаря, и он решился послать Антония с приказанием распустить сенат.

После этого приходит Децим Брут, по прозва-

нию Альбин, к которому Цезарь питал такое доверие, что назначил его своим вторым наследником. Брут участвовал в заговоре и, боясь, что если Цезарь отсрочит собрание до другого дня, то заговор может открыться, начал шутить над гадалками и доказывал Цезарю, что, отсрочив заседание, тот подаст повод жалобам сената, который будет думать, что над ним смеются; сенат собрался по его приглашению; все готовы объявить его царем провинций вне Италии и позволить ему носить корону, когда он посетит остальную часть мира на суше или на море. Если придти, и сказать сенату во время заседания, чтобы он разошелся и собрался в другой раз, когда Кальпурния увидит лучшие сны, то что скажут завистники Цезаря? И кто станет тогда верить друзьям Цезаря, утверждающим, что в Риме нет рабства и тирании? "Если же ты считаешь этот день безусловно несчастливый, — прибавил он, — то лучше тебе самому отправиться в сенат и объявить собранию, что ты распускаешь его". Говоря это, Брут берет Цезаря за руку и уводит его. Едва они переступают порог, как чей-то чужой раб, который непременно хочет говорить с Цезарем и который не мог пробиться сквозь толпу, собравшуюся около него, бросается стремглав в дом Цезаря, и поручает себя покровительству Кальпурнии, прося ее защитить его до возвращения Цезаря, которому он хочет открыть нечто важное.

Артемидор Книдский, обучавший греческому красноречию, находившийся поэтому в довольно близких отношениях с Брутом и его друзьями, чтобы, отчасти проникнуть в их замыслы, принес

Смерть Цезаря.

Цезарю записку с уведомлением о заговоре. Но видя, что Цезарь всякую поданную ему записку передает окружающим его ликторам, он подходит к нему как можно ближе и говорит: "Прочти эту записку, Цезарь, прочти один и поскорее: дело идет о вещах важных для тебя". Цезарь берет записку и несколько раз пытается читать; но ему мешают подходящие к нему во множестве люди. Постоянно держа в руке эту записку, Цезарь входит в сенат. Вполне преданного Цезарю и одаренного громадной силой Антония задерживает вне сената Требоний с намерением завязать с ним длинный разговор,

При входе Цезаря весь сенат встает с места и преклоняется перед ним. Из соучастников Брута одни окружают кресло Цезаря сзади, другие подходят к нему спереди, как бы для того, чтобы присоединить свои просьбы к просьбам Туллия Цимбера, который требует возвращения своего изгнанного брата, и эти просьбы сопровождают Цезаря до самого кресла. Садясь на него, Цезарь отвергает их просьбы, и так как злоумышленники приступают к нему еще настойчивее, то он гневно выговаривает им. Тогда Туллий хватая обеими руками тогу Цезаря и складывает ее концы у него на груди. Это было сигналом к нападению. Каска первый нанес Цезарю удар кинжалом в спину; но рана не была смертельной. Цезарь поворачивается к Каске, хватая его за руку и удерживает кинжал. Оба вскрикивают в одно время, жертва по-латыни: "Злодей Каска, что ты делаешь?", а убийца по-гречески: "Брат, помоги!" В первое мгновение все не участвовавшие в заговоре поражены ужа-

сом; они содрогаются при виде того, что происходит, и у них недостает духа ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже произнести хоть одно слово. Между тем заговорщики вынимают свои кинжалы и поражают Цезаря; всюду, куда ни обращается его взор, он видит лишь стальные лезвия, поражающие его в лицо. Некоторые рассказывают, что Цезарь, защищаясь и мечась то в одну сторону, то в другую, испуская стоны, наконец, увидя Брута с обнаженным кинжалом, покрывает голову плащом и предоставляет себя убийцам. Случайно или намеренно со стороны убийц, он падает к подножию статуи Помпея и увлажняет ее своей кровью. Можно было сказать, что Помпей присутствовал при казни своего врага, валявшегося у его ног и погибающего от ран. Говорят, что Цезарю было нанесено 23 раны; многие из заговорщиков до того остервенели, что, желая поразить Цезаря, наносили удары друг другу.

БРУТ

(Около 42 г. до Р. Х.)

Марк Брут происходил от Юния Брута, которому римляне некогда воздвигли посреди царских статуй в Капитолии бронзовую статую с обнаженным мечом, как бы в знак безвозвратного изгнания Тарквиниев из Рима. Первый Брут походил на клинок, закаленный в холодной воде: его суровый и твердый нрав не был смягчен образованием; его ненависть к тирании простиралась до того, что он убил своих собственных детей. Напротив, Марк Брут получил образование, которое смягчило его нрав; он изучал философию и придал своей серьезной натуре стремление к практической цели. Даже те, кто не мог простить Бруту заговор против Цезаря, приписывают Бруту то, что было в этом предприятии важного, и сваливают все дурное на Кассия, задушевного друга Брута, но далеко не отличавшегося той же простотой и чистотой характера.

Сервилия, мать Брута, была сестрой Катона, философа. Брут взял за образец из всех римлян своего дядю, который впоследствии стал его тестем. Между греческими философами не было,

можно сказать, ни одного, которого бы он не читал и сочинения которого были бы ему неизвестны, но в особенности он любил Платона. Только он не следовал ни новой, ни средней академии и вполне привязался к старой. С особенным уважением относился он к Антиоху Аскалнскому и был в большой дружбе с братом этого философа Аристом, человеком не столь ученым, как многие другие философы, но не уступавшим лучшим из них в мудрости и кротости нрава.

Когда в Риме возникли распри между Цезарем и Помпеем и во время разгоревшейся войны все государство приняло сторону того или другого из двух соперников, никто не сомневался в том, что Брут примет сторону Цезаря, потому что отец его был убит по повелению Помпея. Но Брут, жертвуя своими личными чувствами пользе общей и будучи уверен, что Помпей вел войну из-за более справедливых побуждений, чем Цезарь, объявил себя за Помпея. А между тем до той поры, встречаясь с Помпеем, он не говорил с ним ни слова, считая недостойным и преступным вступать в разговор с убийцей своего отца. Но тогда он становится под начальство главы своего отечества и отправляется в Киликию в звании наместника Секста, которому досталась эта провинция. Тут не было никакого важного дела. Помпей и Цезарь стояли друг против друга, готовясь дать решительное сражение; Брут спешит в Македонию простым воином-охотником, чтобы принять участие в сражении. Говорят, что, увидя Брута, Помпей, исполненный радости и удивления, встал со стула и обнял прибывшего

перед всеми как человека высокой доблести. В армии Брут в продолжении дня проводил за чтением и научными занятиями все время, которое не был с Помпеем; так было во все его пребывание здесь и даже накануне сражения. Это было в самой середине лета; жара была невыносимая, и войско Помпея стояло лагерем на болотистой почве. Люди, несшие палатку Брута, не спешили с прибытием. Несмотря на утомление, Брут кончил в этот день свои занятия только к полудню, натерся маслом и немного перекусил; и когда другие еще спали или готовились к предстоящему делу, он до самого вечера работал над сокращением Полибия*.

После поражения Помпея Брут незаметно проходит в ворота стана на болотистое место, покрытое стоячей водой и поросшее тростником. Ночью он достигает Лариссы, откуда пишет письмо к Цезарю. Цезарь в восторге, узнав о его спасении, приглашает к себе и не только прощает его, но и осыпает такими почестями, которых не удостоился никто другой. Никто не мог сказать, куда бежал Помпей; Цезарь, идя вдвоем с Брутом, старается выведать его мысли. Убежденный по некоторым соображениям, что Брут вполне угадал направление, взятое в бегстве Помпеем, он отправляется в Египет. Действительно, Помпей, следуя совету Брута, высадился в Египте и там был убит. Брут смягчает Цезаря в отношении к Кассию. Он хочет также защитить африканского царя, но настоятельными просьбами достигает

только того, что его клиент сохраняет значительную часть своих владений. Рассказывают, что когда Цезарь услышал речь Брута, то сказал его врагам: "Я не знаю, чего хочет этот молодой человек, но то, чего он хочет, он хочет сильно". И в самом деле, по своему серьезному характеру он не так легко и скоро уступал просьбам и ласкам: руководимый разумом и свободным выбором, он, раз решившись на что-нибудь, действовал энергично и прямо шел к своей цели. Неправые люди находили его недоступным для своих просьб и своей лести: дозволить победить себя бесстыдной навязчивостью — род поражения, который некоторые называют боязнью обидеть, казалось ему величайшим позором; для великого человека.

(Так как заговор Брута был уже описан в жизнеописании Цезаря, то мы ограничимся только одним эпизодом из этого события, показывающим, что за женщина была жена Брута).

Брут, видя, что люди самые лучшие в Риме по сердцу, по происхождению и добродетелям соединили свою судьбу с его судьбой, и думая о стольких опасностях, им угрожающих, старается владеть собой при других и властвовать над своими мыслями; но у себя дома и ночью он становится совсем другим: заботы нарушают его сон, или же он предается размышлениям, раздумывает о трудностях замышляемого предприятия. Он не может скрыть от жены ни своего непривычного состояния, ни того, что он обдумывает, какой-то трудный план, из которого не находит исхода. Порция, как мы сказали, была дочь Катона, и Брут, который приходился Катону племян-

* Греческий историк.

ником, женился на ней, когда она уже была вдовой, хотя и молодой, после первого мужа и матерью маленького ребенка по имени Бибула. Порция, женщина разумная и привязанная к мужу, была исполнена души и чувства: она не хочет выведывать у Брута его тайну, не испытывала предварительно своей твердости; она берет небольшой нож, один из тех, которым цирюльники обрезают ногти, высылает из своей комнаты всех служанок и наносит себе в бедро рану столь глубокую, что кровь течет ручьями и вскоре наступает дрожь, сопровождаемая сильными страданиями. Брут в страшном горе, и Порция говорит ему: "Брут, я дочь Катона, и вошла я в твой дом для того, чтобы участвовать в твоих радостях и твоём горе. Со времени нашего соединения я не имею причин делать тебе упрека; но какую любовь, какую признательность могу я высказать тебе, если не переношу вместе с тобой ни тайного горя, ни печали, требующей благоразумия? Я знаю, что вообще женскую натуру считают слишком слабой для того, чтобы хранить тайну; но хорошее воспитание и хорошие примеры имеют влияние на характер". Сказав это, она показывает свою рану и рассказывает о своем покушении. Брут, крайне пораженный, подняв руки к небу, умоляет богов даровать ему успех в его предприятии, чтобы показать себя достойным супругом Порции, и спешит позвать к жене лекаря.

(Заговор, действительно, имел успех. Плутарх говорит более утвердительно, чем в жизнеописании Цезаря, что Цезарь защищался от убийц до тех пор, пока не увидел, что Брут готовится

его поразить. Тогда он закутался столовой в свою мантию и предоставил себя на произвол убийц. Остервенение заговорщиков было так велико, что они в схватке наносили удары друг другу: так Брут был ранен в руку).

После умерщвления Цезаря Брут выходит на середину залы и хочет остановить и успокоить сенат. Но все бегут в страхе; в смятении они толкают друг друга к дверям, хотя никто не гонит и не преследует их, так как заговорщики твердо решились не убивать никого, кроме Цезаря, и призвать всех граждан к свободе. Когда они совещались между собой о предстоящем деле, то все были того мнения, что вместе с Цезарем надо убить Антония, человека самовластного и заносчивого, который достиг могущества сближением с солдатами. Но еще важнее было то, что при смелом и предприимчивом характере Антоний имел консульскую власть, будучи сотоварищем Цезаря. Брут оспаривал это мнение, во-первых, потому, что такой поступок был бы противен справедливости, а во-вторых, потому что надеялся на перемену образа мыслей Антония. Он надеялся, что как скоро Цезаря не станет, то Антоний, одаренный характером возвышенным, честолюбивым, страстным к славе, пожелает содействовать свободе отечества. Таким образом Антоний был спасен Брутом: пользуясь общим смятением, он убежал, переодетый в платье простолюдина. Брут и его товарищи удаляются в Капитолий, обагрённые кровью, не скрывая свои обнаженные мечи и призывая граждан к свободе. Сначала при вести об убийстве слышались только крики, шумная беготня, суматоха, которые еще

больше увеличивают тревогу. Но когда обнаружилось, что заговорщики не убивают никого больше и никого не грабят, то сенаторы и большое число граждан стали смелее и вошли в Капитолий к заговорщикам. Когда собрался народ, Брут обращается к нему с речью примирительной и сообразной с обстоятельствами. Его одобряют, его просят сойти вниз. Ободренные заговорщики сходят на форум, и все следуют за ними. Брут идет, окруженный знатнейшими гражданами, которые образуют за ним блестящую свиту от самой горы и сопровождают его на трибуну. При виде этого шествия толпа, пришедшая было в смятение и готовая начать беспорядки, остается неподвижной и в молчании ждет, что будет дальше. Брут выходит вперед, и все почтительно слушают его, но дают заметить, что убийство Цезаря не всем нравится. Когда Цинна стал говорить и обвинять Цезаря, они раздражаются гневом и осыпают Цинну ругательствами, так что заговорщики вынуждены снова удалиться в Капитолий. Брут, боясь быть осажденным в нем, отправляет важнейших из лиц, сопровождавших его, не считая справедливым подвергать опасности людей, которые не принимали никакого участия в деле.

Однако на другой день сенат собирается в храме Земли: Антоний, Планк и Цицерон предлагают объявить амнистию и взывают к общему согласию; и все сходятся в том мнении, что не только следует даровать полную безопасность заговорщикам, но что консулы должны сделать доклад о воздании Бруту и его товарищам почестей. Утвердив это постановление, все расходят-

ся. Антоний посылает своего сына заложником в Капитолий. Брут и его приверженцы выходят оттуда. Когда все собрались, то начали поздравлять друг друга. Кассий отправился ужинать к Антонию, а Брут к Лепиду; другие ушли к своим друзьям или добрым знакомым. На другой день, на рассвете, сенат, собравшись снова, сначала поздравляет Антония с тем, что он подавил зародыши междоусобной войны, потом воздают хвалу Бруту и распределяют провинции. Бруту назначают Крит, Кассию Ливию, Требонию Азию, Цимберу Вифинию, а другому Бруту Циркумпаданскую Галлию.

Затем возбуждается вопрос о завещании и погребении Цезаря. Антоний подает голос в пользу того, что нужно прочесть завещание и нести тело на виду у всех, из опасения, чтобы недостаток уважения к Цезарю не всколыхнул народ. Кассий горячо оспаривает это предложение, но Брут уступает и соглашается; это было его второй ошибкой. Первая состояла в том, что он не признал в Антонии мощного врага заговорщикам. Предоставляя Антонию распоряжаться похоронами по усмотрению, он готовил себе гибель. Завещанные Цезарем 75.000 драхм каждому римскому гражданину вместе с дарованием народу садов за Тибром возбуждают в гражданах признательность к Цезарю и сожаление о нем. Когда тело Цезаря было вынесено на форум, Антоний, говоря по обычаю надгробную речь и видя, что народ взволнован ею, старается еще более возбудить его сострадание: он берет окровавленную мантию Цезаря, разворачивает ее и показывает на ней число ударов, полученных

Цезарем. Тогда сохранение порядка стало невозможным: одни кричат, что нужно казнить убийц; другие, подобно тому, как на похоронах демагога Клодия, тащат из лавок скамьи и столы и громоздят их в огромный костер: они кладут на него труп Цезаря и сжигают его в виду многочисленных храмов, приютов и неприкосновенных мест. Как только огонь запылал, народ устремляется к нему со всех сторон, хватая горящие головни и бежит к жилищам убийц, чтобы поджечь их; но бывшие заговорщики, заранее позаботясь укрепить свои дома, отразили нападение.

В Риме был поэт по имени Цинна, который не принимал участия в заговоре, а напротив, был Цезарю другом. Цинна видел во сне, что Цезарь приглашает его на ужин; он отказывается, но Цезарь, настаивая и употребляя насилие, берет его за руку и ведет в какое-то просторное и темное место, куда Цинна идет за ним с сожалением и страхом. Этот сон произвел на Цинну такое впечатление, что целую ночь его трясла лихорадка. Но на другой день, когда несли тело Цезаря, Цинне становится стыдно не присутствовать при церемонии, и он идет на форум, где застаёт народ уже в сильном раздражении. При появлении Цинны его принимают за человека, который недавно дурно отзывался о Цезаре в собрании, и Цинна растерзан народом.

Это происшествие, в особенности после перемены в поведении Антония, пугает Брута, и заговорщики покидают город. Сначала они останавливаются в Анциуме, чтобы в случае восстановления спокойствия в Риме снова возвратиться туда; а это могло случиться, — думали они, — в

очень короткое время. Их надежды начали сбываться, и народ, недовольный Антонием, жалел о Бруте, когда произошла новая перемена с прибытием младшего Цезаря. Сын племянницы Цезаря, он был по завещанию последнего объявлен его сыном и наследником. Во время убийства Цезаря он находился в Аполлонии, занимаясь там науками и ожидая Цезаря, который должен был взять его с собой в предполагаемый поход против парфян. При известии об убийстве он является в Рим и, чтобы расположить к себе народ, принимает имя Цезаря, раздает всем гражданам деньги, оставленные ему Брутом, и таким образом вооружает многих против Антония, в то же время склоняя на свою сторону большое число ветеранов* Цезаря. Цицерон из ненависти к Антонию также становится на сторону младшего Цезаря, за что был сильно порицаем Брутом в его письмах. По словам последнего, Цицерон не прочь иметь господина, он боится только иметь господина, настроенного к нему враждебно, и для того, чтобы оказаться в рабстве менее жестоким, он прославляет в своих письмах и речах превосходство Цезаря. "Наши предки, — прибавляет Брут, — не терпели рабства, даже оамого мягкого. Что касается меня, то в настоящую минуту я еще не решил ни на мир, ни на войну; одно только окончательно решено в моем уме: никогда не быть рабом. Удивляюсь, что Цицерон, который страшится междоусобной и опасной войны, не боится позорного и бесчестного мира: и для того, чтобы избавиться от тирании Антония, хочет навязать себе в тираны Цезаря".

* Заслуженных воинов.

Таким является Брут в своих первых письмах того времени. Но Рим уже разделился на две партии, приняв сторону или Цезаря, или Антония; войска, едва не продаваемые с аукциона, шли биться за того, кто обещал им более денег. Брут, совершенно отчаявшись в судьбе республики, хочет оставить Италию, проходит пешком через Луканию и направляется в Элею, на берег моря. Порция, которая должна возвратиться оттуда в Рим, старается скрыть свою горестъ, но одна картина заставляет эту вообще твердую женщину невольно обнаружить всю свою печаль. Сюжет картины был взят из греческой поэзии: это прощание Гектора и Андромахи, при котором последняя берет свое дитя из рук мужа, устремив взор на Гектора. Увидев эту картину, напоминавшую её несчастье, Порция залилась слезами и потом несколько дней приходила к картине всегда в слезах.

(Брут и Кассий были вовлечены в междоусобную войну тем, что по настоянию Цезаря младшего они были осуждены на изгнание и что образовался второй триумвират. Из убийц Цезаря народ всего охотнее пощадил бы Брута. "Когда Герольд по обычаю вызвал Брута явиться перед судилищем, в народе послышались вздохи, выражавшие сожаление; самые благомыслящие люди опустили голову в молчании". Далее Плутарх сравнивает Брута с Кассием).

Кассий пользовался славой искусного воина, но раздражительного; буйного и склонного управлять страхом, впрочем; веселого собеседника и насмешника, Брут, говорят, был любим народом за свою добродетель, внушал глубокую привязан-

ность друзьям и уважение благомыслящим людям и не навлек на себя ничьей ненависти, даже врагов: человек крайне мягкий, великодушный, недоступный гневу, удовольствиям, жадности, неподкупный в своих суждениях, непреклонный в своей привязанности к добру и правде. Но наибольшее расположение и уважение к нему породила вера в его чувства. Даже от великого Помпея не ожидали, что в случае победы над Цезарем он подчинит свою власть законам: напротив, думали, что он сохранит свою власть под видом консульства, диктатуры или другой менее суровой должности, обманув этим народ. О Кассии же, горячем и дерзком, часто добивавшемся личной выгоды в ущерб справедливости, шла молва, что он выносит войну, странствия и опасности для обеспечения скорее себе самому большой власти, чем свободы согражданам. В более раннее время Цинны, Марии, Карбоны, смотревшие на родину как на награду и добычу победителю, едва не сознавались, что они стремятся к тирании. А упрекать Брута в этом зловредном побуждении не решался никто, даже его враги. Однажды Антоний высказал перед многими свидетелями, что из всех убийц Цезаря один Брут ударил Цезаря, обольщенный блеском своей идеи: другие заговорщики действовали против диктатора либо из ненависти, либо из зависти. Из писем самого Брута видно, что он менее доверял своей армии, чем своей доблести. Вскоре после заговора он пишет Аттику, что судьба его как нельзя более прекрасна: победив, он возвратит римскому народу свободу; умерев, он будет освобожден от рабства.

(Война началась в Азии, где Брут и Кассий собирали войско; хотя эта война была пока не междоусобицей, а восстанием народов, от которых требовали денег и войск, однако отличалась жестокостью. Осажденные Брутом жители Ксанфа сожгли свой город и погибли под его развалинами. Вообще Брут обнаруживал кротость и милосердие. Кассий — жадность и жестокость. Брут сильно упрекал Кассия за его поведение на Родосе, где Кассий отнял у жителей все их золото и серебро суммой на 8500 талантов).

Рассказывают, что во время приготовлений к переезду в Европу Брут видел необыкновенное предзнаменование. С юных лет он любил бодрствовать, и столько же из любви к занятиям, сколько по убеждению, он уделял сну весьма мало времени. Он никогда не спал днем, но и ночью ложился позже всех, когда нечего уже было ни сказать, ни делать. Особенно в начале этой войны, когда на Бруте лежало все распоряжение и он обдумывал будущее, он спал лишь несколько минут вечером после ужина, а остальную ночь проводил за спешными делами. Когда ему удавалось быстро окончить их и распорядиться всем необходимым, он брал книгу и читал ее до времени третьей смены, а тогда к нему обыкновенно являлись центурионы и военные трибуны. Обратимся к случаю, который хотели рассказать. Перед самым переездом Брута с войском из Азии в Европу ночь была очень темная, палатка Брута освещена лишь слабо, и весь стан погружен в безмолвие. Сам Брут совершенно отдался размышлениям, как вдруг ему слышится что кто-то вошел. Брут смотрит на

вход и видит страшную фигуру необыкновенного существа, стоящего перед ним. Твердым голосом он спрашивает видение: "Кто ты, человек или бог; чего ты хочешь от нас и зачем явился?" Тогда привидение отвечает глухим голосом: "Брут, я твой злой дух, и ты увидишь меня при Филиппах". На это Брут, не смутившись, ответил: "Увижу".

Привидение исчезло, и Брут зовет своих рабов. Они говорят, что не слышали никакого голоса, не видели никого, и Брут продолжает размышлять. На рассвете он отправляется к Кассию и рассказывает ему о видении. Кассий, последователь школы Эпикура*, привыкший обсуждать с Брутом подобные предметы, замечает: "По одному из положений нашего учения, мы не всегда ощущаем и видим действительно то, что думаем ощущать и видеть. Доказательством тому могут служить различные образы, видимые нами во сне: наше воображение создает их по самому незначительному поводу, и они становятся фантастическими образами различного рода. У тебя, кроме того, заблуждению ума способствует крайнее утомление тела. Невероятно, чтобы существовали демоны, а если они есть — чтобы они принимали образ и голос людей, и чтобы их власть распространялась на нас. Но я желал бы, чтобы они существовали: в таком случае мы, вожди самого прекрасного и святого предприятия, могли бы доверять не только стольким-то воинам, коням и судам но и покровительству богов*. Таковы доводы, которыми Кассий старался успо-

* Знаменитый греческий философ, по учению которого счастье состоит в вечном стремлении духа к счастью, и к добродетели. *Переводч.*

коить Брута. Еще во время похода два орла одновременно спустились и сели на передовые знамена; холимые воинами, они дают нести себя и сопровождают войско до Филипп, а там, накануне битвы, улетают.

Брут уже покорил почти все соседние народы. С Кассием он покоряет остальные города и остальных государей, и оба вождя господствуют над всеми странами до морских вод, омывающих остров Тазос. Там, в месте, называемом Теснинами, подле горы Симболон, стоял с войском триумвиров Норбан. Брут и Кассий окружают его и заставляют снять стан и покинуть местность. Они едва не отняли у него даже всего войска, так как Цезарь отстал от него по причине болезни. Но на помощь Норбану является Антоний с такой изумительной быстротой, что Брут едва верит ей. Десять дней спустя приезжает и Цезарь и становится перед Брутом, тогда как Антоний стоит перед Кассием. Пространство между обоими станами римляне называли полем Филипп. Здесь встретились две небольшие римские армии. Войско Брута, далеко уступавшее Цезареву в численности, превосходило его блеском вооружения: большая часть его была из золота, благодаря крайней щедрости Брута. Хотя он приучил подчиненных ему вождей к суровой простоте жизни, но был убежден, что богатство вооружения возбуждает мужество людей, жадных лишь к славе, а вместе с тем подстрекает и скупых, которые видят в вооружении свою собственность.

После искупительной жертвы в стане Цезарь приказывает раздать своим воинам немного хле-

ба и пяти драхм. Брут, в насмешку над этим недостатком или скарעדничаньем, разместив свою армию, по обычаю, в чистом поле, раздает по отрядам множество припасов и дарит каждому воину пятьдесят драхм, возбуждая такой щедростью любовь и отвагу своего войска. Во время жертвоприношения опять повторяется злосчастное предзнаменование; ликтор подает Кассию венец опрокинутым. Рассказывают, что за несколько дней до этого, во время торжественной церемонии, человек, несший золотой венец Кассия, споткнулся и уронил венец. Еще над станом носились большие стаи хищных птиц и были замечены рои пчел, слетавшиеся на одно место окопов. Прорицатели приказывают прогнать рои за окопы, чтобы прекратить влияние суеверия, овладевающего умами солдат, да и в самом Кассие подрывающего его эпикурейские убеждения. Кассий, уже не стоит за немедленное вступление в бой, а советует затянуть войну и ссылается на то, что они, Брут и Кассий, богаче врага, но слабее его войском и вооружением. Напротив, Брут по-прежнему спешит добиться решительной развязки, чтобы или освободить отечество, или хотя освободить от тягостей войны народы, подавленные воинскими поставками и повинностями. Видя свою конницу выходящей победоносно из стычек передовых отрядов, он сильно верит в успех. Кроме того, несколько воинов перебегают к неприятелю, а донесения и подозрения указывают на возможность подобного и в будущем. Вследствие всего этого в совете многие друзья Кассия присоединяются к мнению Брута. Из друзей Брута один Атиллий возражает

ему и просит обождать до зимы. Брут спрашивает, какую выгоду ожидает он от продолжения войны еще на один год. "Если ничего другого,— отвечает Атиллий, — так по крайней мере лишнего года жизни". Кассий негодует на такой ответ, а за ним и другие вожди, и битва назначается на завтра.

Полный блестящих надежд, Брут во время ужина ведет беседу о философских предметах и затем идет отдохнуть. Кассий ужинает в палатке с несколькими друзьями, задумчивый и молчаливый против обыкновения. После ужина он обращается к сообщавшему эти подробности историку, оратору Мессале, берет его за руку и, по обыкновению пожимая ее, говорит ему по-гречески: "Беру тебя в свидетели, Мессала, что нахожусь в положении великого Помпея, будучи вынужден вступить в сражение за родину на удачу. Впрочем, ободримся: хотя бы мы приняли и худое решение, несправедливо не доверять счастью". Произнеся эти слова, Кассий обнимает Мессалу, и последний приглашает его на завтра на ужин по случаю дня своего рождения.

На рассвете над станами Брута и Кассия поднимают знак боя — пурпуровую тунику. Оба республиканских вождя сходятся между своими двумя станами, и Кассий говорит: "Да даруют нам боги победу, чтобы мы могли благополучно провести вместе остаток дней. Но так как великие события человеческой жизни наименее известны и в случае исхода боя против наших ожиданий нам нелегко будет свидетельствовать, то скажи, что ты думаешь о бегстве или смерти". Брут отвечает: "Когда я был еще молод и неопытен, я написал, не знаю для чего, длинное философское сочине-

ние. В нем я порицал Катона за его самоубийство; говорил, что противно и религии, и достоинству человека спасать себя от божества, не выносить мужественно беды жизни и бежать, подобно рабу. Сегодня, в настоящем положении, я совершенно иного мнения. Если сегодняшней день не окончится счастливо, мне незачем уже иметь новых надежд и новых средств, и я, благословляя судьбу, избавлю себя от страданий. В иды марта я посвятил свою жизнь родине, и с тех пор любовь к ней доставила мне жизнь свободную и славную". Услышав это, Кассий улыбается и, обнимая Брута, говорит: "Наши чувства одинаковы. Пойдем на врага. Или мы победим, или не будем бояться победителей". Затем они в присутствии друзей обсуждают план битвы. Брут просит у Кассия предводительства левого крыла, командование которым, по общему мнению, принадлежало по праву Кассию, как старшему и опытнейшему. Кассий уступает Бруту и даже велит Мессале, начальнику наилучшего легиона, биться на этом левом крыле. Брут тотчас же велит выехать своей великолепно убранной коннице и ревностно строит пехоту.

Воины Антония копают рвы от болот, на которых они стояли, до равнины, чтобы отрезать Кассию дорогу к морю. Цезарь — не сам он, которого по причине болезни тут не было, а его войско — не двигается, не ожидая настоящего боя с неприятелем, а рассчитывая лишь на несколько редких нападений и на направленные против них стрелы. Воины вовсе не ожидали перед собой построившейся к бою армии и удивлялись долетавшему до них со стороны рвов шуму, смутному, но сильному. А между тем Брут

Посылает своим офицерам записки с обозначением пароля*, объезжает верхом легионы и воодушевляет воинов. Но пароль доходит лишь до небольшой части войска; остальное кидается бегом на неприятеля, испуская крики. Этот беспорядок разрывает линию легионов. Сначала легион Мессалы, а потом и следующие за ним заходят за левое крыло Цезаря. Едва столкнувшись с последними рядами неприятеля и опрокинув их, легионы обходят это крыло и кидаются на стан Цезаря. Последний только что покинул стан. Его считают умершим. Воины пронзают его пустые носилки пиками, убивают всех встречающихся в стане и тысячу лакедемонян**, недавно пришедших на помощь триумвирам.

Войска Брута, не пошедшие в обход Цезарева фланга, но нападающие на него в лоб, быстро опрокидывают его, изрубая три легиона и по пятам беглецов, даже смешавшись с ними, вместе с Брутом врываются в стан. Но чего не замечают победители, то видят побежденные, ища спасения от гибели. Остальное войско Брута и Кассия, покинутое преследующим правым крылом, открыто нападению, и войска триумвиров стремительно кидаются на него, не успевают прорвать мужественно защищающегося центра, но опрокидывают левое крыло, преследуют его до стана и проникают в последний, не имея во главе ни одного полководца. Антоний, желая

* Слово, по которому части и лица одного войска признают друг друга.

** Лакедемон — то же, что Спарта, после Афин важнейшее государство древней Греции в южной части Пелопоннеса.

избежать первого натиска, отступил в болото, а Цезарь, вынесенный за окопы, не показывался вовсе. Бруту несколько воинов даже говорят; что убили Цезаря, показывают свои окровавленные мечи, они скрывают лицо и возраст триумвира. Уже центр Брутова войска опрокинул и сильно разрешил противостоявшие ему отряды, и победа его кажется столь же несомненной, как и поражение Кассия. Но обоих губит то, что Брут, уверенный в победе Кассия, не спешит к нему на помощь, а Кассий не ждет возвращения Брута, которого считает убитым. В подтверждение рассказа о победе Кассиева крыла, Мессала приводит, что оно захватило у врага три орла* и несколько знамен, а само не потеряло ни одного. Брут удивляется, что не видит ни знамени Кассия, которое выставлялось очень высоко и заметно, ни стана в надлежащем порядке. Но воины, обладающие лучшим зрением, уверяют Брута; что видят в стане Кассия множество блестящих шлемов и серебряных щитов; но, по их мнению, ни количество, ни форма оружия не соответствуют Кассиевым; и; однако, не такое бы было число убитых; если бы в стане погибло столько легионов-. Все это заставляет Брута подозревать испытанное Кассием поражение. Он оставляет в неприятельском стане стражу, созывает преследующих, строит и устремляется на помощь Кассию.

А между тем на фланге Кассия произошло следующее. Кассий с неудовольствием видел

* Служившие римлянам призывным знаком одинаково со знаменами.

наступательное движение Брутова крыла, кинувшегося вперед без пароля и. вождя, и с еще большим неудовольствием смотрел, как оно вместо того, чтобы окружить неприятеля, кинулось в его стан за добычей. А между тем сравнительная медлительность Кассия дает правому крылу неприятеля время обойти его. Кассиева конница бежит и рассеивается по направлению к морю, пехота расстраивается, и Кассий тщетно пытается сдержать ее. Он хватает знамя одного бежавшего знаменосца и втыкает древко в землю у своих ног; но ни один из его собственных телохранителей не решается остаться при нем. Вынужденный уступить, Кассий отходит с горстью воинов на высоту, с которой можно обозреть равнину. Но по слабости зрения он не может различить ничего, даже разграбления его стана; Спутники его замечают скачущий, к ним отряд конницы, посланный Брутом. Кассий принимает его за преследующий отряд неприятеля, однако посылает одного из своих приближенных Титинния увериться в истине догадки. Увидев этого офицера, преданного друга Кассия, воины Брута испускают радостный крик; знакомые Титинния соскакивают с коней и обнимают его, другие окружают с криками радости и торжества. Но эти восторги стали причиной большого несчастья: Кассий думает, что Титинний схвачен врагами. Тогда он говорит: "Из-за излишней любви к жизни мне пришлось видеть, что мой лучший друг захвачен врагами". С этими словами Кассий удаляется в первую пустую палатку, ведя за собой одного из своих вольноотпущенников Пиндара, которого с поражения Красса всегда предназна-

чал на подобный необходимый случай. Кассий, невредимо ушедший от парфян, поднимает свою хламиду над Головой, открывает шею и подставляет ее под меч. И голова его была найдена отделенной от туловища.

Брут, извещенный о поражении Кассия, спешит на помощь, но вблизи стана узнает о смерти товарища. Он плачет над его телом, называет его последним из римлян*, говорит, что Риму не породить уже человека, столь великого сердцем, приказывает завернуть тело и отослать на остров Тазос, чтобы похороны не смутили войска. Затем он собирает воинов, утешает их и, заметив их нужду в необходимом, обещает выдать им по две тысячи драхм-на каждого. Это обещание ободряет воинов; они удивляются щедрости подарка, провожают уходящего Брута восторженными криками и поздравляют его с тем, что из участвовавших в сражении четырех полководцев он один не потерпел поражения. И действительно, события оправдали упомянутую нами Брутову надежду на победу. С немногими своими легионами он опрокинул неприятеля и, если бы мог употребить в дело все войска, если бы большинство их не кинулось мимо неприятеля на грабеж его стана, он, наверное, победил бы всех врагов.

На другой день Брут вывел из стана все своё войско, построил его перед неприятелем, но несколько времени не двигал. При проезде по рядам ему донесено было о сомнительном настроении некоторых отрядов; конница его не

* Историки этим именем называют их обоих.

хотела начинать нападения, а предоставляла это дело пехоте. Наконец, один воин испытанной храбрости по имени Камулат выезжает из строя, минует Брута и переходит к неприятелю.

Этот случай сильно огорчает Брута, и побужденный гневом ли, боязнью ли еще большей измены, он тотчас же направляет свои войска на неприятеля. Он опрокидывает его, заставляет левое крыло врага отступить и поддерживает конницей пехотинцев, поражающих бегущего неприятеля. Но его собственное левое крыло, развертываясь и опасаясь в это время по своей малочисленности наступления неприятеля, двигается слишком поспешно, разрывается посередине, вследствие этого слабеет, не выдерживает действительно последовавшего натиска врага и первое обращается в бегство. Победители устремляются на Брута, который выказывает геройское мужество в качестве и простого воина, и полководца. Но его губит обстоятельство, с которым ему не приходилось бороться в первый день битвы. Из воинов Кассия погибли лишь немногие, но остальные, напуганные первым поражением и ища спасения в бегстве, расстраивают ряды Брутовых воинов и лишают их мужества.

В этом бою погибает Марк Катон, сын Катона Младшего, сражаясь среди лучших и храбрейших юношей: истомленный, он не хочет ни бежать, ни уступить; с мечом в руке, громко называя себя и отца, он падает на груды неприятельских тел. Так же погибают все храбрецы армии, защищая Брута.

Между друзьями последнего был некто; Луци-

лий, человек очень храбрый. Видя нескольких всадников-варваров* остановившимися в преследовании войск Брута, с целью, по-видимому, отыскать его самого, Луцилий решается обмануть их, хотя бы с опасностью для своей жизни. Подпустив к себе неприятеля на некоторое расстояние, Луцилий кричит, что он Брут, и требует быть отведенным к Антонию, говоря, что Антонию он доверяет, а Цезаря боится. Всадники, радуясь знатному пленнику, уводят Луцилия и посылают нескольких воинов к Антонию с известием о плене Брута. Антоний идет навстречу пленнику, сопровождаемый толпой любопытных солдат, из которых некоторые страдают к Бруту, другие считают недостойным его славы, что он из любви к жизни отдался в руки варваров. Перед встречей Антоний обдумывает, как ему отнестись к Бруту. Луцилий же, приблизившись, смело говорит ему: "Антоний! Марк Брут никому не сдавался, да и ни одному врагу не заставить его. Боги не допустят такой победы над его добродетелью. Его найдут живым или мертвым, но всегда достойным самого себя. Я же, который обманул твоих воинов, готов подвергнуться за это каким угодно мукам". Все присутствующие поражены, а Антоний обращается к воинам, приведшим Луцилия: "Трудно вам,— говорит он,— вынести обман, который кажется вам оскорблением; но знайте, что вы доставили находку лучше той, которую искали. Вы искали врага, а привели мне друга. Я свидетельствую богами, что не знаю, как

* Находившихся в армии триумвиров в составе вспомогательных войск. *Переводч.*

встретил бы Брута живым, и предпочитаю видеть в таких людях друзей, а не врагов". Сказав это, Антоний обнимает Луцилия, поручает его заботе своих друзей и впоследствии находит в нем во всех случаях верного и преданного сподвижника.

С наступлением ночи Брут переходит ручей со скалистыми и поросшими лесом берегами, удаляется на небольшое расстояние, останавливается в ущелье, садится на большую скалу, окруженный небольшим числом офицеров и друзей, и, обратив взор к звездному небу, произносит два стиха, из которых первый передан нам Волумнием*.

"О, Юпитер, порази же, наконец, виновника стольких бед".

Потом Брут поименно вспоминает всех друзей своих, погибших в битве. В это время один из его спутников, мучимый жаждой и видя Брута также утомленным, берет шлем, бежит к ручью и приносит воды. Между тем Волумний слышит шум и в сопровождении других идет посмотреть причину его. Все они скоро возвращаются и просят пить. Тогда Брут ласково говорит Волумнию: "Вся вода выпита, но вам сейчас принесут ее". Посланный им воин едва не попадает в руки неприятеля и спасается лишь раненый. Так как, по расчету Брута, лишь малая часть его войска могла погибнуть в бою, то один из его спутников, Статиллий, вызывается пройти в стан и посмотреть, что там делается; в случае, если он найдет

* Философ Публий Волумний, товарищ Брута во все время междоусобных войн, которые впоследствии и описал. *Переводч.*

все в порядке, он обещает поднять факел и возвратиться с известием. Статиллий проникает в стан и действительно поднимает факел, но так как он долго не возвращается, то Брут говорит: "Если бы Статиллий был еще жив, то уже возвратился бы". И действительно, на обратном пути Статиллий попал в руки врагов и был умерщвлен ими.

Было уже далеко за полночь. Брут, сидя, наклоняется к одному из своих слуг и говорит с ним шепотом. Тот, не отвечая, плачет. Тогда Брут отводит в сторону своего конюшего и шепчет что-то ему. Наконец, заговаривает по-гречески с Волумнием, вспоминает их совместные ученье и упражнения и просит помочь ему держать твердо меч в руке и направить удар. Волумний отвергает эту просьбу, а за ним и все другие спутники. Тогда кто-то из присутствующих заметил, что следует не останавливаться на этом месте, а бежать. Брут встает. "Да, — говорит он, — нужно бежать, но при помощи не ног, а рук". Он пожимает всем руки и с ясным выражением на лице говорит, что испытывает величайшее наслаждение при мысли не быть покинутым ни одним другом, что упрекает судьбу лишь за родину и что считает себя более счастливым, чем победителей, не только по воспоминанию о прошедшем, но даже и относительно настоящего, так как оставляет по себе память о своей добродетели, которой победителям не создать себе оружием и богатствами. Всегда будут говорить, что сторона неправая победила правую злые — добрых и что их власть незаконна. Затем он просит своих друзей позаботиться о собственной

безопасности и отходит с двумя или тремя лицами в сторону. Одного из них, Стратона, своего учителя риторики, ставшего ему другом, он задерживает при себе, а затем обеими руками упирает рукоять своего меча в землю, кидается на него и умирает. Другие повествуют, что не сам Брут держал меч, а что по настоятельным просьбам Брута Стратон, обративши взор, выставил меч и что Брут, с силой кинувшись на острие, пронзил себя насквозь и тотчас же умер.

ЦИЦЕРОН

(Около 63 г. до Р. Х.)

Марк Туллий Цицерон.

Мать Цицерона, Гельвия, происходила из достойного семейства и достойно вела себя. Об отце же Цицерона известны только преувеличенные толки. Одни говорят, что Цицерон родился и воспитывался в мастерской сукновала; другие утверждают его происхождение от Туллы Аттия, со славой царствовавшего над вольсками и с некоторым успехом воевавшего против римлян.

Когда Цицерон достиг учебного возраста, он приобрел такую известность, что отцы ходили в школу с целью посмотреть на него и судить по собственному наблюдению о столь прославленной способности к наукам и о столь сильном детском уме. Цицерон обладал дарованиями,

которые, по словам Платона, делают литератора (сочинителя) и философа: он мог объять умом все науки и не пренебрегал ни одним родом знаний. Сначала он посвятил себя стихотворству, и от Цицерона сохранилась маленькая поэма под названием "Главк-Мореходец", которую он сочинил еще в очень молодые годы. Но собственное честолюбие Цицерона и настояния отца и друзей побудили его посвятить себя судебному красноречию, и на этом поприще успехи Цицерона были столь быстры и блестящи, что он вскоре превзошел всех ораторов.

(Цицерон заявил себя на означенном поприще с самого начала отвагой, как вы увидите ниже, и успех его защиты Росция утвердил его в выборе деятельности).

Окончив учение и увидев республику раздираемой гражданскими войнами и готовой перейти в монархию, Цицерон уединился от общества и предался размышлению и научным занятиям. Он вращался в кругу греческих ученых и занимался науками до того времени, когда Сулла, став полновластным, не придавал республике кажущейся прочности. В это время один вольноотпущенник Суллы, Хризогон, покупает за две тысячи драхм имение человека, убитого по проскрипции, а сын и наследник последнего доказывает, что имение это стоит двести пятьдесят талантов*. Сулла, уличенный в несправедливости, раздражается и при помощи Хризогона обвиняет Росция в отцеубийстве. Никто не осмеливается

* Следовательно, что имение в 347.500 р. было куплено за 120 р.

принять на себя защиту Росция; все отворачиваются от него, боясь жестокости Суллы. В таком крайнем положении молодой человек обращается к Цицерону, которого друзья убеждают воспользоваться представляющимся прекрасным случаем достигнуть славы, — случаем, какого может никогда не представиться. И Цицерон принимает на себя защиту; выигрывает дело и тем возбуждает во всех удивление к себе, но из боязни перед Суллою; уезжает в Грецию, будто бы для поправления здоровья. Действительно, он был крайне худощав и до того слаб желудком, что мог выносить только немногие кушанья и то в малых количествах. Голос у него был звучный и сильный, но грубый и мало обработанный, при увлечении же речью он всегда переходил в самые резкие звуки, что заставляло опасаться за жизнь оратора. Говорят, что Цицерон страдал теми же недостатками речи, как и Демосфен*, но прилежно учился у актеров Росция и Эзопа. Собственное увлечение Цицерона речью придавало ей большую убедительность. Цицерон осмеивал тех ораторов, которые умеют только кричать; говорил, что они кричат только по слабости, как хромыя принуждены ездить, верхом. Склонность Цицерона к остротам и насмешкам была уместна в его речах; но злоупотребление этим орудием оскорбляло много лиц и упрочило за Цицероном репутацию человека злого.

(Время Цицерона тесно связывало судебные дела с политикой, и потому он не мог обходить

* Этот величайший из древних ораторов был осмеян в первой своей речи за привычку кривляться и заикаться.

ее в своих речах. Так было и в упомянутом нами деле Росция. Политические соображения примешались и в деле Верреса, где Цицерон явился в качестве обвинителя. Дело это, раскрывшее неслыханные злоупотребления в управлении Верресом Сицилии, обратило внимание народа на поведение патрициев, управлявших провинциями, и удар, нанесенный речами Цицерона доверию к сенату, позволил Помпею передать судебную власть сената всадникам и тем подорвать распоряжение Суллы. Кроме красноречия, Цицерон не отличался в политике никаким великим качеством. Этим мы отнюдь не говорим, чтобы Цицерон не оказал услуг хотя бы тем, что он был человеком честным, а в его время честность была явлением очень редким. Но Цицерон был слаб характерен, не умел оставаться верным одной партии, слишком легко следовал за победителем или тем, кто умел играть на его слабой струне — тщеславию. Цицерон бывал истинно великим только в ряде очень важных и отчетливо определенных положений, ясно указывавших ему его обязанность. Ввиду близкой опасности и состоя в должности консула, не в той или другой партии, а превыше их, Цицерон следовал внушениям совести и действовал так же решительно, как и смело. Катилина и его сообщники в заговоре были быстро обличены и наказаны).

Произведённые Суллою перемены в правлении сперва казались странными; но время и привычки уже упрочили их, когда несколько лиц начали пытаться ниспровергнуть существовавший порядок из-за личного честолюбия, а не общественного блага. В то время Помпей был в

походе против царей Понта и Армении, и в Риме не оставалось лица, достаточно сильного, чтобы противостоять злоумышленникам. Последними руководил Луций Катилина, человек предприимчивый, отважный и ловкий, но запятанный многими преступлениями, между прочими — убийством брата. Боясь подвергнуться судебному преследованию, Катилина испросил у Суллы включение убитого брата, как бы живого, в число подпавших проскрипции. К этому-то вождю присоединяются злоумышленники Рима. Для скрепления своего союза, они не довольствуются обыкновенными клятвами, а убивают человека и едят его мясо. Катилина развращает большинство молодежи, привлекая ее ежедневно на пиршества и другие удовольствия. Заговор распространяется по всей Этрурии и в части Галлии по сю сторону Альп. Риму грозил страшный переворот, вследствие неравенства состояний, порожденного в это время разорением многих граждан самого знатного происхождения, расточивших свои имения на пиры, постройки и домогательство мест и видевших свои прежние богатства в руках людей ничтожных и опозоренных. Поэтому малейший толчок мог ниспровергнуть все, и для гибели республики, ослабленной собственными пороками, достаточно было нападения первого дерзкого человека. Катилина, желая найти твердую опору своим замыслам, является соискателем консульства. При этом он рассчитывал на содействие своего будущего товарища, Антония — человека, неспособного стать вождем партии, хорошей или дурной, но могущего оказать сильную помощь решительному товарищу. Сознание

представлявшейся опасности побуждает честных людей избрать в консулы Цицерона, и народ ревностно содействует им. Катилина отвергнут, а избираются Цицерон и Кай Антоний.

Замыслы Катилины были еще неизвестны, когда Цицерон при вступлении в должность уже сталкивается с предвестниками беспорядков. С одной стороны, лица, устраненные законами Суллы от должностей, многочисленные и сильные, добиваются мест и привлекают на свою сторону народ, справедливо восставая против тирании Суллы, но порождая смуты в очень тяжелое для республики время. С другой стороны, народные трибуны предлагают законы, весьма опасные; требуют назначения децемвиров*, облеченных неограниченной властью в Италии, Сирии и странах, вновь завоеванных Помпеем, с правом продавать общественные земли, предавать суду кого бы то ни было, определять изгнание лиц, учреждать колонии**, брать деньги из общественной казны для набора и содержания нужного войска. Предложение поддерживается лицами наиболее значительными и прежде всего Антонием, соконсулом Цицерона, надеющимся быть избранным в число десяти. Полагают, что Антоний знал о замыслах Катилины и даже желал ему успеха, по причине своих долгов. Это-то обстоятельство и пугало благоразумных граждан.

Для предотвращения опасности Цицерон проводит назначение Антонию провинции Македонии, сам отказавшись от предложенной ему

* В переводе: десять мужей.

** Поселения на новых местах.

Галлии, и этой услугой располагает Антония, как наемного актера, играть в спасении отечества лишь второстепенную роль. Заручившись содействием Антония, Цицерон уже смелее восстает против нововводителей. Он возражает в сенате против нового закона и до того подавляет представивших предложение, что ни один из них не решается спорить. Трибуны делают новую попытку и призывают консулов пред народ. Но Цицерон не пугается: он побуждает сенат сопровождать его, всходит на трибуну и не только достигает утверждения закона, но лишает трибунов и всякой надежды на успех в будущем.

Однако единомышленники Катилины, пораженные было страхом, ободряются: они подстрекают друг друга к смелому окончанию дела до возвращения Помпея, о котором носились слухи, что он с войском находится уже на обратном пути в Рим. Всего настойчивее побуждали Катилину прежние воины Суллы, рассеянные по всей Италии, многочисленные и воинственные, мечтавшие о грабеже. Во главе их стоял некто Маллий, с честью служивший под начальством Суллы. Они пристают к заговору и являются в Рим для поддержки Катилины в народных комициях. Катилина вторично домогается консульства и решился, в смятении при избрании, убить Цицерона. В это же время спокойное настроение народа нарушается явлениями, принимаемыми за предвещения переворота: землетрясениями, виденными будто привидениями. Возникают и прямые подозрения против лиц, но недостаточно определенные, чтобы предъявить их столь знатным родом и столь могущественным людям, как,

например, Катилина. Прэтому Цицерон отсрочивает день собрания комиций, призывает Катилину в сенат и спрашивает его по поводу ходивших слухов. Катилина, убежденный в том, что ни один сенатор не желает переворота, и желая блеснуть перед своими единомышленниками, дает Цицерону безумно дерзкий ответ: "Что же худого в том, что я, видя два тела, одно с головой, но хилое, а другое без головы, но здоровое и сильное, хочу снабдить второе головой?" Эта загадка указывала на сенат и народ. Цицерон, испуганный, больше прежнего, надевает броню и идет из дому на Марсово Поле под защитой многочисленной толпы молодых людей. Он намеренно обнажает свою броню, раскрыв тунику на плечах, чтобы указать присутствующим на грозящую ему опасность. Действительно, взволнованный этим народ толпится около Цицерона. Катилина вновь испытывает неудачу; и голосование назначает консулами Силана и Мурену.

Несколько времени спустя воины Этрурци присоединились к Катилине и образовали когорты. Но накануне дня, назначенного Катилиной для выполнения замысла, произошло следующее. Трое из самых влиятельных и знатных лиц Рима — Марк Красс, Марк Маркелл и Сципион Метелл приходят ночью к дверям дома Цицерона, стучатся, зовут привратника и велят ему доложить Цицерону об их приходе. Повод к приходу этих лиц был таков. Привратник Красса передал своему господину письма, принесенные неизвестным человеком и предназначенные различным лицам. Красс читает лишь письмо, предназначенное ему, и так как письмо заключа-

ло извещение, что Катилина в скором времени произведет в Риме резню, и автор письма советовал Крассу выехать из Рима, то Красс не вскрывает остальных писем и либо из страха перед опасностью, либо для отвода подозрений; какие могли навлечь на него отношения с Катилиной, немедленно отправляется к Цицерону: Цицерон; посоветовавшись с пришедшими, созывает на рассвете сенат; приносит в заседание полученные Крассом письма; передает их сенаторам, которым они адресовались, и приглашает получателей прочесть эти письма вслух. Все письма указывают на существование заговора. В то же время бывший претор Квинт Аррий извещает о скоплении войск в Этрурии; и приходит уведомление, что Маллий, во главе значительной армии, стоит около городов этой провинции, ожидая вестей из Рима. Тогда сенат издает постановление, которым возлагает дела на консулов и поручает им принять все возможные меры к сохранению порядка и спасению республики; мера редкая, которую сенат принимал, лишь предвидя какую-либо опасность.

Заручившись этим положением, Цицерон передает внешние дела Квинту Метеллу, а на себя принимает управление городом. Он ходит по улицам среди дня не иначе, как в сопровождении большого числа граждан, и когда он является на форум, площадь наполняется почти исключительно его приверженцами. Катилина, раздраженный промедлением, решается ехать в стан Маллия и поручает Марцию и Цетегу, вооружившись кинжалами, отправиться с утра к дверям Цицерона, будто бы для приветствия, и убить его. Но

женщина знатного происхождения, Фульвия, приходит ночью к Цицерону, извещает его о подготовляемом убийстве и советует остеречься именно Цетега.

Нарассвете убийцы приходят, но им отказывают в приеме, они сердятся, кричат перед дверьми, что еще усиливает подозрения. Цицерон выходит, собирает сенат в храме Юпитера Статора, при начале Священной дороги на Палатинскую гору. В заседание является вместе с другими сенаторами и Катилина, как бы с целью оправдаться. Никто не хочет сидеть возле него; все встают и занимают другие места. Катилина пытается говорить, его прерывают. Наконец Цицерон встает и приказывает ему выехать из города, ссылаясь, на то, что он, Цицерон, прибегает в правлений к слову, а Катилина к оружию и что поэтому-между ними, необходима стена. Катилина тотчас же выходит из города с тремьями вооруженных воинов, в качестве военного вождя окружает себя ликторами и с распущенными знаменами направляется к Маллию. Там он собирает около двадцати тысяч воинов, объезжает города и подстрекает их восстать. Таким образом вспыхнула открытая война, и Антоний посылается сразиться с врагом.

Приверженцы Катилины, оставшиеся в городе, собираются и ободряются Корнелием Лентулом, по прозвищу Сурой, человеком знатного происхождения, но за развратное поведение изгнанным из сената и вторично занимавшим должность претора, как было в обычае у лиц, искавших восстановления в звании сенатора. Лентул замышляет переворот в больших размерах: он хочет

умертвить всех сенаторов и множество частных граждан, поджечь город и пощадить лишь сыновей Помпея. На этих детей заговорщики смотрели как на заложников, которых выгодно иметь в руках, вступая в переговоры с Помпеем, так как все выдавали за верное, что Помпей уже возвращается из своего похода. Намерение это назначено было выполнить в ночь Сатурналий*, а заговорщики уже спрятали в доме Цетега мечи, множество пакли и серы. Они разделили город на сто частей и назначили столько же поджигателей, чтобы пожар занялся разом во множестве мест и чтобы город быстро стал добычей пламени. Другие заговорщики должны были оберегать водопроводы и убивать всех, кто явился бы за водой. В это время находились в Риме два посланца от аллоброгов**, народа, тяготившегося владычеством римлян, Лентул думая, что эти два человека смогут быть полезны для возбуждения Галлии, посвящает их в заговор. Он снабжает их письмами к их сенату и к Катилине: во-первых, он обещает аллоброгам свободу, во-вторых, торопит Катилину освободить рабов и идти на Рим. Вместе с этими посланцами заговорщики посылают к Катилине некоего кротонца*** Тита. Но заговорщики, собиравшиеся не иначе, как на

* Древний итальянский праздник в воспоминание века свободы и равенства в Риме, один из самых торжественных праздников в году, сначала в 1-й, позднее в 3-й день декабря.

** Народ, живший на западном склоне Альп, между Роной и Изером, и покоренный римлянами в 122 г. до Р. Х.

*** Кротона — греческий город в Бруттии, нынешней Калабрии, юго-западной оконечности Италии. *Переводч.*

пиршествах, ведут себя до того неосмотрительно, что Цицерон следит за каждым их шагом, хладнокровно и чрезвычайно осторожно. У него было вне города множество посланцев, которые выслеживали и сообщали ему каждый шаг заговорщиков; он даже завязал тайные сношения с людьми, прикидывавшимися единомышленниками заговорщиков, и таким путем получал сведения о сношениях заговорщиков с иностранцами. И однажды ночью, при тайной помощи аллоброгских послов, он овладевает кротонцем Титом и доверенными ему письмами.

С утра Цицерон созывает сенат в храме Согласия, прочитывает заседающим упомянутые письма и выслушивает показания. Юлий Силан сообщает слова Цетега, что предстоит убить трех консулов и четырех преторов. Претор Кай Сульпиций, посланный в дом Цетега, находит там множество стрел, мечей и заново отточенных кинжалов. Наконец кротонец Тит, которому обещана пощада за признание, рассказывает обо всем. Обличенный Лентул слагает с себя звание претора и в самом сенате переодевается из пурпурной мантии в одежду, приличную его положению. Его и его соучастников отдают под стражу преторам. Вечером Цицерон выходит к собравшемуся народу и рассказывает о случившемся. Народ провожает его до дома одного из его друзей и соседей, так как его собственный дом был занят женщинами, праздновавшими таинства Доброй Богини*.

* *Vona Dea* — покровительница женщин. Присутствовать на празднествах в честь ее было запрещено мужчинам под страхом смертной казни. *Переводч.*

Цицерон, войдя в дом соседа в сопровождении лишь немногих лиц, обдумывает, как ему поступить с пленными заговорщиками. Подвергнуть их заслуженной смертной казни Цицерон не хочет, и по мягкости характера, и во избежание нареканий в злоупотреблении власти, ведь он бы поступил столь строго с лицами, высоко поставленными и имевшими в Риме сильных друзей. С другой стороны, милосердие кажется ему крайне опасным. Если бы заговорщики были подвергнуты каре более легкой, чем смертная казнь, то не только не успокоились бы, а побуждаемые вдобавок к прежней испорченности еще новым неудовольствием, стали бы еще более дерзкими. Сам же он выказал бы себя народу трусом, народу, который и без того не очень верил его мужеству.

Во время этих колебаний Цицерона собравшимся в его доме женщинам внезапно видится предзнаменование. Огонь на жертвеннике, казавшийся почти погасшим, внезапно поднимается из пепла ярким пламенем. Все женщины пугаются и, по совещании, убеждают Теренцию, жену Цицерона, немедленно идти к мужу и просить его выполнить свои намерения во благо родины, так как сама богиня заставила пылать огонь для указания Цицерону безопасного и славного пути. Теренция, женщина живая, смелая, честолюбивая, которая, по словам самого Цицерона, скорее вместе с мужем заведывала общественными делами, чем представляла ему домашние, идет рассказать ему случай и настраивает его против преступников. Тот же совет подает Цицерону брат его, Квинт, а равно и Публий Нигидий, товарищ оратора по изучению

философии, человек, с которым Цицерон часто советовался в важных делах правления.

На другой день сенат совещается о наказании заговорщиков. Первым подает мнение Силан. Он предлагает отвести преступников в тюрьму и там подвергнуть высшей мере. Все, подающие голос после него, поддерживают его мнение, пока очередь не доходит до Кайя Цезаря, бывшего впоследствии диктатором. Цезарь уже в то время пытался проложить своей политике и надеждам тот путь, которым он обратил республику в монархию. Никто не замечал этого; один Цицерон сильно подозревал Цезаря, но не имел достаточных улик против него. Однако некоторые утверждают, что Цезарю лишь с трудом удалось оправдаться в причастности к заговору Катилины. Другие говорят, что Цицерон умышленно отступился от обвинения и скрыл имевшиеся в его руках доказательства, из боязни друзей Цезаря и его влияния, так как, по общему убеждению, скорее все обвиненные были бы приобщены к оправданию Цезаря, чем он признан виновным вместе с ними.

Когда очередь подать голоса дошла до Цезаря, он встал и объявил, что стоит против смертной казни, что достаточно отобрать имена виновных, а их самих достаточно распределить по городам Италии, какие избрет Цицерон, и содержать в оковах до совершенного поражения Катилины. Этому мнению, более человеколюбивому и красноречиво защищаемому Цезарем, придает большой вес сам Цицерон. Он встает и, обсуждая оба мнения, приводит сильные доказательства сперва в пользу предложения Силана,

а затем в подтверждение мнения Цезаря. Друзья Цицерона также поддерживают последнее предложение в интересах Цицерона, так как, даруя виновным жизнь; он подвергнется меньшим нареканиям и ненависти. Наконец и Силан отступает от своего прежнего мнения, говоря, что не хотел предложить смертной казни, а высказался в пользу высшей меры наказания, которая для римского сенатора состоит в тюремном заключении. Против этого мнения возражает сперва Лутаций Катул, а за ним Катон. Последний так сильно настаивает на подозрениях, распространенных против Цезаря, и возбуждает в сенате такое негодование и такую энергию, что обвиненные приговариваются к смертной казни. Когда же возникло еще раз предложение относительно конфискации имущества осужденных, сам Цезарь восстал против этой меры, говоря, что несправедливо отвергнуть часть его мнения, наиболее человеколюбивую, и принять часть наиболее тяжкую для осужденных. Некоторые сенаторы высказывают мнение совершенно противное; тогда Цезарь переносит дело на обсуждение трибунов; но сам Цицерон пристает к мнению более кроткому и отступает от конфискации имущества.

Цицерон отправляется во главе сенаторов по домам, в которых содержались осужденные, так как они были заключены в разных местах, под надзором нескольких преторов. Цицерон идет сперва на Палатинский холм взять Лентула, которого и ведет по Священной дороге к форуму. Его окружает и охраняет толпа знатных людей; за ней молча следует народ. Встречные молодые

люди с испугом и удивлением воображают, что присутствуют при каких-либо священных таинствах, совершаемых знатью для спасения родины. Дойдя по форуму до тюрьмы, Цицерон передает Лентула палачу и приказывает совершить казнь. Таким же образом он приводит последовательно Цетега и остальных осужденных, и все они подвергаются смертной казни. После того, видя на площади многочисленную толпу заговорщиков, которые, не ведая происшедшего, дожидались ночи для освобождения заключенных, которых считали еще живыми, Цицерон громко кричит им: "Они жили!" Таково было римское иносказание, употреблявшееся взамен выражения "Они умерли!"

Наступил вечер. Цицерон возвращается по форуму к себе, уже не среди молчаливой и сторонящейся толпы, а среди граждан, приветствующих его восторженными криками и аплодисментами и называющих его спасителем и воссоздателем отечества. По всем улицам светятся огни, у каждой двери прикреплены лампы и факелы. Даже женщины светят ему с крыш, чтобы выразить тем свое уважение и взглянуть на него, возвращающегося с многочисленной свитой знатных патрициев, большинство которых некогда шли окончить важные войны или въезжали в Рим на триумфальных колесницах, или завоевали большие пространства суши либо моря. Идя и разговаривая, они сознавались друг другу, что если Рим был обязан победам многих консулов и преторов этого времени своим богатством и могуществом, то Цицерону он обязан безопасностью и спасением всех граждан от страшной

беды. Особенно удивлялись римляне не тому, что Цицерон предупредил выполнение заговорщиками их замысла и наказал виновных, а подавлению самого большого из существовавших заговоров мерами наименее насильственными, без смятения и беспорядков. Большинство соучастников Катилины, едва узнав о казни Лентула и Цетега, покидают своего вождя, а сам он, с сохранившимся войском, разбит Антонием; войско же его уничтожено.

Тем не менее были люди, готовые всячески порицать Цицерона за его поведение и действовать против него. Во главе их стоял Цезарь, как претор, будущий сотоварищ избранных трибунов Метелла и Бестии. При вступлении их в отправление своей должности, оставалось еще несколько дней, как и до истечения срока консульства Цицерона. Трибуны не позволяют ему говорить речь народу и ставят свои скамьи на трибуну, чтобы воспрепятствовать Цицерону взойти на нее и говорить. Однако они предоставляют ему возможность принести свою прощальную присягу и сойти с поста. Цицерон принимает дозволение и выходит на трибуну для произнесения клятвы. Народ молча слушает, но вместо обычной формы клятвы Цицерон избирает новую, приличествовавшую только ему: он клянется, что спас отечество и сохранил государство. За ним клятву эту повторяет весь народ. Раздраженные Цезарь и трибуны изобретают против Цицерона другие оковы, преимущественно закон, призывавший Помпея с войсками, рассчитывая подавить этим путем почти неограниченную власть Цицерона. Но Цицерон и республика находят могущественного союзника в Катоне, который, будучи трибу-

ном и облеченный властью, равной власти его сотоварищей; пользовался еще большим против них уважением. Катон без труда расстраивает их замыслы и в речи к народу до того превозносит консульство Цицерона, что народ воздает последнему наибольшие почести, какие когда-либо были оказаны римлянину, и величает его отцом родины.

Цицерон пользовался за это время в Риме чрезвычайным влиянием, но надоедает весьма многим не дурными делами, а неприятно поражающими восхвалениями самого себя. Никогда не является он в сенате, на форуме или на трибуне без того, чтобы не говорить о Катилине и Лентуле. Похвалами себе он наполняет все свои сочинения; его речи, пользовавшиеся столь громкой славой, стали скучны и утомительны для слушателей вследствие постоянного самовосхваления оратора. Но, несмотря на безграничное самолюбие, Цицерон свободен от всякой зависти к другим и не скупится на похвалы великим людям, как предшественникам, так и современникам. Например, Аристотеля он сравнивал, с рекой, катящей золотые валы; о диалогах Платона он отзывался, что если бы Юпитер говорил, то выражался бы языком этих диалогов. О Теофрасте* Цицерон говорил, что он высшее его наслаждение. Однажды Цицерона спросили, какая, по его мнению, лучшая речь у Демосфена. "Конечно, его длиннейшая речь", — отвечал Цицерон. Однако некоторые лица, выдающие себя

* Греческий философ и естествоиспытатель, друг Платона и Аристотеля.

за ревностных почитателей Демосфена, упрекают Цицерона в том, будто он в письме к одному из своих друзей написал о своем греческом сопернике, что в своих речах Демосфен кончает иногда тем, что засыпает. Но эти критики Цицерона, должно быть, забывают многочисленные и высокие похвалы, расточаемые Демосфену Цицероном во многих местах его сочинений и что речи, обработанные Цицероном наиболее тщательно, именно речи против Антония, он назвал филиппиками в честь речей Демосфена.

Из всех замечательных ораторов и философов того времени нет ни одного, славы которого Цицерон не увеличил бы доброжелательными похвалами в своих речах и сочинениях. Он всеми силами старался исходатайствовать у Цезаря, ставшего диктатором, право римского гражданства перипатетику Кратиппе. Его же стараниями состоялся декрет, которым Кратиппа просили остаться в Афинах, как лучшее украшение города, для назидания юношества. Сохранились письма Цицерона к сыну, в которых отец советует ему посещать занятия Кратиппа.

(У Цицерона был тот недостаток, что ради шутки он не щадил никого. Ради удовольствия пустить острую стрелу, он не отступал перед возможностью нажать врага. Едкость его остроумия можно пояснить примером. Однажды в суд в качестве свидетеля был вызван Публий Котта, прикидывавшийся ученым правоведом, хотя не обладал ни знаниями, ни умом. На вопрос Цицерона о деле Котта отвечает, что ничего не знает. "Ты, верно, думаешь, что я тебя спрашивают о праве", — говорит ему Цицерон.

Поэтому у Цицерона было много врагов. Когда против него восстал Клавдий, у Клавдия тотчас же появилось большое число сторонников. Он долгое время был дружен с Цицероном, но когда вследствие показаний последнего едва не был осужден в позорном для него деле, он решился отомстить Цицерону).

Избегнув опасности и избранный в народные трибуны, Клавдий тотчас же начинает преследовать Цицерона, всячески старается создать ему затруднения и возбуждает против него всякого рода людей.

В то же время он ищет расположения толпы законами, направленными к ее пользе, и достигает назначения обоим консулам значительных провинций: Пизону Македонии, Габинию Сирии. В обеих политических мерах Клавдий всегда опирался на множество нищих, а для защиты своей особы окружал себя толпой вооруженных рабов. Из трех наиболее могущественных лиц того времени Красс был отъявленным врагом Цицерона. Помпей ладил и с тем, и с другим, а Цезарь готовился к отправлению со своей армией в Галлию. Цицерон старается попасть в милость к Цезарю, хотя последний и не доверяет ему со времени заговора Катилины. Цицерон просит Цезаря взять его с собой в качестве наместника, Цезарь снисходит к его просьбе; и Клавдий, видя, что Цицерон выйдет из-под его трибуната, притворяется желающим помириться с ним, говорит о Цицероне в самых лестных и дружественных выражениях, заверяет, что отнюдь не питает к нему неприязни, и укоряет его лишь умеренно и дружелюбно. Таким поведением ему удается

рассеять все опасения Цицерона, и последний благодарит Цезаря за предложенное наместничество и снова принимается за дело.

Оскорбленный этим поведением, Цезарь утверждает Клавдия в его намерениях, восстанавливает против Цицерона Помпея и объявляет перед народом, что, по его мнению, Цицерон без суда предав смерти Лентула и Цетегу, нарушил законы и справедливость. Именно в этом поступке и обвиняли Цицерона, и за него-то и призывали его к ответу. Обвиняемый и преследуемый, Цицерон одевается в траур, отпускает бороду и ходит по городу для умиловления народа. Но и Клавдий появляется на всех улицах в сопровождении дерзкой и буйной толпы, которая издевается над Цицероном по поводу его траурной одежды и печального вида, наносит ему тысячу оскорблений, кидает в него грязью и камнями и препятствует ему говорить с народом.

Однако все сословие всадников также облачается в траур, и более двадцати тысяч юношей сопровождают Цицерона, распустив волосы и упрашивая народ. Собирается сенат. Он определяет, что народ переменит одежду, как бы для выражения общественной горести. Но консулы противятся этому решению: Клавдий с толпой вооруженных людей окружает залу заседания. Многие сенаторы бегут, разрывая свои одежды и испуская громкие крики. Однако это зрелище не внушает ни жалости, ни стыда: народ требует, чтобы Цицерон или подчинился изгнанию, или решил свой спор с Клавдием силой и оружием. Цицерон молит о помощи Помпея, который нарочно удалился из Рима в свой загородный дом

под названием Албанум. Цицерон сперва посылает к Помпею зятя своего Пизона, а потом является к Помпею лично. Но Помпей, предуведомленный о его прибытии, не решается встретить его лицом к лицу. Он стыдится своего поведения относительно человека, не раз выдерживавшего из-за него борьбу и оказавшего ему много политических услуг. Но настраиваемый против Цицерона Цезарем, своим тестем, Помпей жертвует ему давнишней благодарностью: выходит задними дверьми и избегает свидания. Обманутый Помпеем, покинутый всеми, Цицерон обращается к консулам. Габиний по-прежнему относится к нему очень сурово; но Пизон говорит с ним гораздо мягче: он советует ему удалиться, уступить на время бешенству Клавдия, подчиниться немилости судьбы и вторично стать спасителем отечества, повергнутого из-за него в смятение и несчастья. Цицерон обсуждает этот ответ со своими друзьями. Лукулл советует ему остаться в убеждении, что Цицерон одержит верх; другие поддерживают мысль о том, чтобы Цицерон удалился, и приводят в пользу этого мнения то, что, насытившись бешенством Клавдия, народ скоро будет сожалеть о Цицероне. Цицерон следует последнему совету. В доме его издавна была статуя Минервы, которой он оказывал особенные почести. Эту-то статую Цицерон относит в Капитолий и оставляет со следующей надписью: "Минерве, охранительнице Рима". Под защитой слуг и нескольких друзей Цицерон выходит из города около полуночи и пешком идет по дороге в Луканию, чтобы оттуда переправиться в Сицилию.

Как только об этом бегстве стало известно, Клавдий добивается того, что против Цицерона издается декрет об изгнании и обнародывается запрещение давать ему воду или огонь и принимать его в жилища на расстоянии пятисот миль от Италии. Но уважение к Цицерону заставляет пренебречь запрещением: везде его встречают крайне предупредительно и провожают со знаками величайшего почтения. Только в Гиппониуме, городе Лукании*, сицилиец Вибий, которому Цицерон неоднократно оказывал дружеское расположение и который в течение его консульства был поставщиком рабочих, отказывается принять его в своем доме и предлагает ему только приют на своих землях. А Кай Вергилий, претор в Сицилии, многим обязанный Цицерону, пишет ему, чтобы он не приезжал в Сицилию. Опечаленный Цицерон едет в Брундузиум, откуда он с попутным ветром отправляется в Диррахиум, но по дороге отброшен порывом морского ветра назад и на другой день возвращается в место отправления. Однако вслед затем он снова пускается в море. Рассказывают, что когда Цицерон прибыл в Диррахиум и готовился высадиться, случилось землетрясение и судорожное движение моря. Прорицатели увидели в этом чудо и предсказывали, что изгнание Цицерона будет непродолжительно: по их мнению, явления эти предвещали скорую перемену.

В Диррахиуме множество лиц из сочувствия спешат встретить Цицерона, и греческие города наперебой один за другим посылают ему депу-

* В нынешнем Вибоне.

тации. Но Цицерон, подавленный горем, постоянно обращает взор к Италии: несчастье гнетет его, и он оказывается более слабым, чем можно было ожидать от человека, получившего такое воспитание. Между тем Цицерон нередко просил друзей называть его не оратором, а философом*, так как, по его словам, целью своих стремлений он избрал философию, а красноречие служило ему лишь полезным орудием в политике.

Клавдий, добившись изгнания Цицерона, сжигает его загородные дома, его дом в Риме и на месте последнего намерен построить храм Свободе. Он подвергает продаже остальное имущество Цицерона и приказывает ежедневно выкликать это имущество, хотя не является ни один покупатель. Став страшным аристократии и управляя по произволу толпой, которой он позволяет распутство и буйство, он решается вступить в борьбу с Помпеем и начинает с того, что порицает некоторые стороны его военного управления. Помпей, имя которого позорится от этих нападений, раскаивается в том, что пожертвовал Цицероном, и вследствие этой перемены в воззрении он всеми силами старается уладить со всеми друзьями возврат Цицерона. Клавдий противится; но сенат определяет, что приостановит все утверждения законов и все общественные дела, пока не будет возвращен Цицерон. В консульство Лентула беспорядки усиливаются до того, что народные трибуны ранены на форуме, а Квинт, брат Цицерона, и несколько других лиц покинуты на месте как мертвые. Народ начинает

* Мудрецом.

одумываться, и трибун Анний Милом решается первым привлечь Клавдия к судебному ответу, между тем как Помпей окружает себя толпой народа и граждан окрестных городов. Под прикрытием этой толпы он изгоняет Клавдия с форума и призывает народ к голосованию. И никогда, говорят, народ не решал дела с таким единодушием. Соперничая в рвении с народом, сенат повелевает благодарить все города, принимавшие Цицерона во время его изгнания, а также восстановить за общественный счет разрушенные Клавдием дом и виллы Цицерона.

Цицерон возвращается в Рим после шестнадцати месяцев изгнания. Все города, через которые он проезжает, выказывают такую радость и предупредительность, что даже описание этих встреч самим Цицероном далеко от истины. А он говорит, что вся Италия подняла его на плечи и принесла в Рим. Даже Красс, бывший до изгнания Цицерона его врагом, неожиданно вышел к нему навстречу и примирился с ним, желая, как говорил, порадовать этим сына своего Публия, отъявленного приверженца Цицерона.

Вскоре затем Цицерон, пользуясь отсутствием Клавдия, отправляется в сопровождении большой толпы в Капитолий, срывает трибунские доски, на которые были занесены постановления Клавдиева трибуната, и разбивает эти доски. А когда Клавдий хочет выдать этот его поступок за преступление, Цицерон отвечает, что Клавдий, будучи урожденным патрицием, избран в трибуны противозаконно и что поэтому ни одно его действие не законно. Катон негодует на это насилие; он говорит, что не одобряет действий Клавдия,

а, напротив, осуждает его управление, но что, по его мнению, сенат поступит странно и насильственно, уничтожив столь важные постановления, — между прочими и поручение, некогда выполненное им, Катонем, на Кипре и в Византии. Эта выходка Катона породила в Цицероне ненависть к нему, которая проявилась не сразу, но все же нарушила их дружественные отношения.

Между тем Милон убивает Клавдия и, преследуемый за это деяние, поручает защиту себя Цицерону. Сенат, опасаясь, чтобы опасное положение столь значительного и пылкого лица, как Милон, не породило в городе беспорядков, поручает председательство на этом суде, равно как и в других судебных делах, Помпею и возлагает на него заботу о спокойствии города. Помпей уже в ночь перед судом расставляет воинов по всему форуму. Милон, боясь, чтобы Цицерон, смущенный этой необыкновенной обстановкой, не утратил своего обычного красноречия, уговаривает его дать снести себя на форум в носилках и не выходить до прибытия судей и сбора всех трибунов. По-видимому, Цицерон был боязлив не только на войне, но даже никогда не начинал речи в спокойном настроении и даже после многих судебных состязаний и когда опыт усовершенствовал и усилил его красноречие, всегда испытывал в начале речи биение сердца и дрожь. Защищая Лициния Мурену против обвинения Катона, Цицерон страстно желал превзойти Гортензия, с большим успехом говорившего первым за обвиненного, и потому в течение значительной части ночи готовил свою речь, но до такой степени изнурил себя непривычным бдением и

напряженным мышлением, что говорил хуже обыкновенного. В день суда над Милоном Цицерон, покинув носилки и увидя Помпея восседающим на площади как в военном стане и сверкающее вокруг оружие, смущается и лишь с трудом начинает свою речь. Милон, напротив, присутствует на суде с видом уверенным и отважным, не считая даже за нужное ни отрастить волосы, ни облечься в траур; что, по моему мнению, и было одной из главных причин его осуждения. Впрочем, робость Цицерона в подобных случаях возникала не столько из его боязливости, сколько из его сочувствия к защищаемым им.

Цицерон вступает в коллегию жрецов, которых римляне называли авгурами*, на место младшего Красса, убитого парфянами. Затем, когда при разделе провинций Цицерону досталась Сицилия, он отправляется туда на судах с армией в двенадцать тысяч пехотинцев и в две тысячи шестьсот всадников с поручением примирить жителей Каппадокии с царем Ариобарзаном и заставить их повиноваться. Цицерон исполняет это поручение без продолжительных разбирательств и без войны. Заметив, что неудачи, испытанные римлянами у парфян, и брожение в Сирии готовы поднять киликийцев, Цицерон успокаивает их кротостью своего правления. Он отказывается от предлагаемых царями подарков и освобождает жителей от устройства всяких пиршеств. Напротив, он приглашает всех знако-

* Предвещатели будущего по внутренностям жертв, по лёту и пению птиц, грому и молнии и проч.

мых лиц к собственному столу и угощает их просто, но радушно. В его доме не было привратника, и Цицерона нельзя было застать в постели; напротив, вставая очень рано, он прогуливался перед своей комнатой и сам встречал посетителей, протягивая им руку. Говорят, что Цицерон никогда не наказывал никого розгами и не разрывал на ком-либо одежды, а равно, что никогда, даже в порыве гнева, он не говорил оскорблений и не присуждал наказаний в обидных выражениях. Вступив в управление провинцией, он нашел общественное имущество расхищенным; он побудил похитителей возратить имущество городам, не унижая виновников. Он вел и войну и заставил бежать разбойников, населявших Аманус*. за что воины приветствовали его титулом императора. Когда оратор Целий просил Цицерона прислать из Киликии в Рим для народных игр барсов**, Цицерон, тщеславясь своими успехами, отвечал, что в Киликии уже нет барсов, что они бежали в Карию***, так как те одни пребывали в войне, тогда как все остальное население страны пользовалось миром. Возвращаясь с губернаторства, Цицерон заезжает сперва на Родос****, а затем в Афины*****, где с удовольствием проводит несколько времени, вспоминая о прежнем пребывании в них. Он

* Теперь Эльма-даг, отрасль гор Тавра в Малой Азии, отделяющая Сирию от Киликии.

** Животные из семейства кошек, сходные с леопардом.

*** Юго-западная провинция Малой Азии.

**** у юго-западного малоазиатского берега.

***** Древняя столица Аттики в Греции; *Переводч.*

беседует с людьми, наиболее известными своими знаниями, посещает находившихся тогда в Афинах друзей и знакомых и, внушив уважение грекам, возвращается в Рим, где находит дела в крайнем расстройстве и близкими к гражданской войне.

(В биографиях Помпея и Цезаря читатель ознакомился уже с некоторыми событиями из жизни Цицерона в первый триумvirат. Следующее место из Плутарха даёт понятие о политическом поведении Цицерона после победы Цезаря. "Удалившись в Тускулум, — говорит Плутарх, — Цицерон лишь изредка являлся в Рим, чтобы представиться Цезарю, спеша всегда первым поздравить его с оказанными ему почестями и никогда не затрудняясь сказать ему что-либо новое и лестное об его личности и деяниях". Цицерон не принимал никакого участия в заговоре Брута, но когда заговор удался, он ходатайствовал перед сенатом о назначении убийцам губернаторств.— Приводим еще, по Плутарху, историю последних успехов и последних бедствий Цицерона, которая в то же время ознакомит нас с происхождением второго триумvirата).

Антоний, замечая возрастающее политическое влияние Цицерона и зная об его дружбе с Брутом, тяготится его присутствием. Он уже давно не доверял Цицерону вследствие резкой разницы их образа жизни. Сначала испуганный Цицерон намеревался отплыть в Сирию, в качестве помощника Долабеллы*. Но Гирций и Панса,

* Зять Цицерона, губернатор Сирии.

люди благомыслящие и расположенные к Цицерону, долженствовавшие заместить Антония в консульском звании, просят Цицерона не покидать их, обещая с его помощью сломить могущество Антония. Цицерон без особенной надежды и особенных сомнений пропускает время отплытия Долабеллы и, уговорившись с Гирцием, что он, Цицерон, проведет лето в Афинах и возвратится, как только Гирций и Панса станут консулами, садится на корабль, отплывающий в Грецию. Но отъезд немного задерживается. В это время Цицерон, по обыкновению, следит за происшествиями в Риме и получает ежедневно известия, заверяющие его, что в Антонии произошла чудная перемена: что во всем он действует согласно воле сената и что поэтому для благоприятного хода событий сенату недостает только присутствия Цицерона. Последний упрекает себя в излишней опасливости и возвращается в Рим. И первая встреча не разрушает его надежд. К нему стекается огромная толпа и обнаруживает такую радость и такое желание вновь увидеть его, что Цицерону приходится потратить значительное время на рукопожатия и объятия. На другой день Антоний созывает сенат и приглашает на заседание и Цицерона; но Цицерон не является: он остается в постели, ссылаясь на утомление в пути. На самом же деле он опасался какой-либо ловушки, которую предвидел и о которой узнал кое-что по дороге. Антоний, оскорбленный этой несправедливой подозрительностью, хочет послать за Цицероном солдат с угрозой в случае сопротивления сжечь его дом, но по просьбе и настояниям нескольких

сенаторов довольствуется приказанием взять залог в исполнении требования. С этого случая Цицерон и Антоний не кланяются при встрече и постоянно подозревают друг друга до тех пор, когда прибыл из Аполлонии молодой Цезарь* и, объявив себя наследником Цезаря Великого, потребовал от Антония удержанные последним из наследства двадцать пять миллионов драхм. Тогда Антоний и Цицерон открыто поссорились. После этого Филипп, женившийся на матери молодого Цезаря, и Маркелл, муж сестры его, идут с ним к Цицерону. Там они уславливаются, что Цицерон поддержит молодого Цезаря своим красноречием и влиянием на сенат и народ, а со своей стороны, Цезарь деньгами и оружием оградит безопасность Цицерона, так как он уже окружил себя большим числом воинов, прежних сподвижников деда. Истинной причиной этого союза была ненависть Цицерона к Антонию, его неспособность противостоять соблазну почестей и надежда, что могущество Октавия послужит на пользу республике. Со своей стороны, Октавий всячески старается расположить Цицерона в свою пользу, причем даже называет его отцом своим. Брут в своих письмах к Аттику** сильно порицает Цицерона за то, что, льстя Цезарю из боязни Антония, он явно обнаруживает, что старается не освободить отечество, а лишь зару-

* Внук младшей сестры Цезаря Великого Юлии. Кай Октавий, усыновленный диктатором и с того времени принявший имя Кайя Юлия Цезаря Октавиана, и впоследствии, став императором, принявший еще почетный титул Августа (священного).

* Другу Цицерона.

читься сговорчивым властителем; Тем не менее Брут берет с собой сына Цицерона, изучавшего в Афинах философию, поручает ему начальство отрядом и тем дает случай одержать несколько побед. Могущество Цицерона в Риме достигло за это время наибольшего блеска. Он распоряжается всем, изгоняет Антония, возбуждает всех против него и посылает на него войной консулов Гирция и Пансу. Наконец он убеждает разрешить Цезарю, как воевавшему за родину, ликторов с пучками и, вообще, обстановку полководцев.

Когда Антоний был разбит, оба консула убиты в сражении, а армии примкнули к Цезарю, сенат, начиная опасаться этого молодого человека, таким блестящим образом вступившего на государственное поприще, всячески старается отвлечь от Цезаря его солдат почестями и наградами и уменьшить силы под предлогом, будто со времени бегства Антония республика не нуждается в защитниках. Озабоченный этим, Цезарь посылает доверенных лиц к Цицерону, чтобы убедить его добиться консульства для себя и Цезаря: по словам последнего, Цицерон стоял бы во главе правления и руководил бы молодым человеком, который желал лишь титула и почета. Сам Цезарь сознается, что, опасаясь роспуска своих войск, он удачно подстегнул честолюбие Цицерона и убедил его искать консульства, чтобы самому пользоваться его поддержкой в войсках.

Вот каким образом старик Цицерон позволил обмануть себя молодому человеку и вследствие этого поддерживал Цезаря в комициях и примирил, с ним сенат. Уже тогда друзья Цицерона порицали его; да и сам он скоро осознал, что и

себя погубил, и пожертвовал свободой народа. Молодой Цезарь, достигнув власти, и не вспоминает о Цицероне. Он заключает союз с Антонием и Лепидом, и они трое, соединив свои силы, делятся государством как частной собственностью. Они составляют список более двухсот граждан, приговариваемых ими к смерти. Больше всего споров между ними порождает проскрипция Цицерона. Антоний не хочет и слышать о соглашении без того, чтобы Цицерон не погиб первым: требование это поддерживает и Лепид. Цезарь противится обоим.— Тайные совещания триумвиров длятся три дня около Болоньи*, на острове посреди реки, разделяющей оба стана, В первые два дня Цезарь, говорят, активно борется за спасение Цицерона, но на третий день отступает от него. Цезарь жертвует Цицероном, Лепид собственным братом Павлом, Антоний своим дядей с материнской стороны Луцием Цезарем. Вот до какой степени ненависть и властолюбие заглушили в них все человеческие чувства! Они доказали, что нет чудовища жестче человека, когда ему дана власть потакать своим страстям.

Во время этих переговоров Цицерон жил в своем загородном доме в Тускулуме** вместе с братом. Услышав о проскрипциях, они намереваются переселиться в Астуру, в загородный дом Цицерона близ моря, чтобы оттуда плыть в Македонию к Бруту, партия которого, как было

* Древней Бононии.

** В 5 стадиях на юго-запад от Рима, где, по живописности местоположения, были виллы у многих богатых римлян.

слышно, усиливалась. Их несут в носилках, и, удрученные горем, они останавливаются на пути, велят сблизить свои носилки и беседуют о своем несчастном положении. Наиболее отчаивается Квинт, которого пугает еще недостаток припасов, так как он, по его собственным словам, не захватил с собой ничего, тогда как Цицерон запасся кое-чем на дорогу. Посовещавшись, они признают за лучшее: Цицерону отправиться вперед и бежать, а Квинту поспешно возвратиться домой и обеспечить себя необходимым. Придя к этому решению, они нежно обнимаются и расстаются в слезах. Квинт несколько дней, спустя предан своими слугами и казнен вместе с сыном. Цицерон, прибыв в Астуру, находит готовый к отплытию корабль, немедленно садится на него и при попутном ветре достигает Цирцеума. Прибыв туда, моряки хотят тотчас же плыть далее; но Цицерон, из боязни ли моря, или все еще надеясь на верность Цезаря, покидает судно и проходит пешком около ста стадий по дороге в Рим. Однако он скоро колеблется в этом решении, возвращается к морю, в Астуру, где и проводит ночь в мучительных колебаниях и тревоге. Ему даже приходит мысль тайно добраться до дома Цезаря и зарезаться у его очага, чтобы навлечь на неблагодарного месть народа. Но он отгоняет и эту мысль из боязни пытки. Он остается в нерешительности между тысячью намерений и планов. Наконец он велит своим служителям везти его морем в Газту, где у него была вилла, служившая ему приятным летним убежищем. В этом месте, близ моря, стоял маленький

храм Аполлону. Внезапно с этого храма поднимается стая воронов, с криком налетает на корабль Цицерона, гребцы которого намеревались пристать к берегу, и садится по обоим концам реи. Вороны кричат и клюют снасти; все матросы и пассажиры видят в этом предзнаменование беды. Цицерон сходит на берег, отправляется в свою виллу и ложится на отдых; но большинство воронов провожают его, садятся на окно его комнаты и поднимают странный крик. Один ворон даже садится на постель и клювом дергает за полу тоги, которой Цицерон закрывал себе лицо. Видя это, слуги Цицерона упрекают себя в подлом ожидании того, что их господин будет зарезан на их глазах, и в том, что когда даже животные спешат на помощь к нему и заботятся о его судьбе, они, слуги, не предпринимают ничего для его спасения. И частью просьбами, частью силой они заставляют его сесть в носилки и несут его на берег.

В то же время являются в дом убийцы, центурион Геренний и военный трибун Лопилий, которого Цицерон некогда защищал против обвинения в отцеубийстве. Их сопровождают пособники. Найдя двери запертыми, они их выламывают. Но Цицерона не оказывается в доме, и слуги утверждают, что не видали его; но молодой вольноотпущенник Квинта, Цицеронова брата, по прозвищу Филолог, так как он был обучен Цицероном языкознанию, сообщает, говорят, трибуну, что Цицерона несут к морю крытыми аллеями. Трибун в сопровождении нескольких людей бежит окольной дорогой к выходу из аллеи; а

Геренний пускается нагонять Цицерона по самым аллеям. Цицерон слышит погоню, велит слугам спустить носилки на землю, берется, по обыкновению, рукой за подбородок и пристально смотрит в лицо убийцам, бледный, с растрепанными волосами, похудевший от горестей, так что когда он выставил голову из носилок, слуги закрыли лица свои руками. Пользуясь тем, что в этом положении Цицерон выставил шею, Геренний перерезает ему горло. Согласно приказанию Антония, он отрубает ему голову и руку, которой Цицерон писал свои филиппики*.

Когда голова и рука Цицерона были доставлены в Рим, Антоний председательствовал в комициях. Выслушав рассказ о смерти Цицерона и увидев части его тела, он вскричал, что проскрипции кончены. Он велит прибить голову и руку умерщвленного оратора над трибуной, с которой тот говорил свои речи: зрелище ужасное для римлян, оно ничем не порочит Цицерона, а обличает душу Антония.

Я слышал, добавляет Плутарх, что много лет спустя один из внуков Цезаря, застигнутый дедом за чтением одного из сочинений Цицерона, спрятал книгу под платье. Цезарь замечает это, берет книгу, читает стоя значительную часть ее и, возвращая ее юноше, говорит: "То был, дитя мое, человек ученый и любивший свою родину". Да и вскоре по смерти Цицерона Цезарь, побе-

* Так сам Цицерон называл свои речи против Антония, намекая на речи величайшего греческого оратора Демосфена против Филиппа Македонского. *Перевод.*

див Антония, избирает себе в консулы сына Цицерона. При их управлении сенат повелел разбить статуи Антония, отменяет другие почести ему и декретом постановляет, чтобы никто из рода Антония не именовался Марком*. Таким вот образом роду Цицерона суждено было покарать Антония.

* Марк - имя триумвира.

АНТОНИЙ

(Около 31 г до Р. Х.)

Отец Антония не приобрел громкого имени как государственный деятель, но был человек здравомыслящий, добродетельный и склонный к щедрости,

Марк Антоний

что можно видеть из следующего случая. Он был небогат, и потому жена противилась его щедрости. Однажды к нему приходит друг с целью занять денег. Но у отца Антония не было у самого денег; он велит слуге принести воды в серебряном сосуде. Воду приносят, и отец Антония мочит в ней подбородок, как бы для бритья; затем, выслав за чем-то слугу, он отдает сосуд другу, прося его употребить эту вещь по усмотрению. Рабы ищут повсюду

сосуд, и отец Антония, видя гнев

376.

жены и ее готовность подвергнуть слуг допросу, сознается в своей проделке и просит прощения.

Жена эта была Юлия из рода Цезарей, не уступавшая в добродетели и благоразумии ни одной современной ей римлянке. Она-то и воспитала Антония, вступив, по смерти его отца, во второй брак с Корнелием Лентулом, казненным, по обвинению Цицерона, за участие в заговоре Катилины. Это обстоятельство и было, конечно, источником непримиримой ненависти Антония к Цицерону.

Антоний обладал внушительной наружностью: его красивая борода, широкий лоб, орлиный нос и мужественное выражение лица придавали ему сходство с портретами и статуями Геркулеса. И по древнему преданию Антонии считались Гераклидами*, происшедшими от Геркулесова сына Антеона. Выходя из дому, Антоний всегда опоясывался очень низко, привешивал к боку длинный меч и облакался в тогу грубой ткани. Особенно же не нравились его хвастливость, насмешки и публичные пиршества; он присаживался к солдатам и показывал вид, будто довольствуется их столом, что изумительно привязало к нему воинов. Его не знавшая границ щедрость к друзьям и воинам проложила ему блестящий путь к власти и, когда он достиг ее, возвеличивала его, несмотря на все его недостатки.

Расскажу пример его расточительности. Однажды он приказал выдать одному из друзей

* Гераклиды — потомки Геркулеса, после троянской войны возвратившиеся в Пелопоннес и основавшие множество дорийских государств. Рассказы об этом переселении Гераклидов исполнены противоречий. *Переводч.*

своих двести пятьдесят тысяч драхм, что римляне называют decies. Его удивленный управляющий, желая показать ему громадность этой суммы, раскладывает ее по полу залы. Антоний, проходя, спрашивает, что это за деньги. Управляющий отвечает, что это деньги, которые Антоний велел выдать другу. Антоний, угадав заднюю мысль управляющего, говорит: "А я думал, что decies гораздо больше. Это малость. Прибавь еще столько же".

(Жизнь Антония можно разделить на две части. Первая из них рассказана в предшествующих жизнеописаниях и показывает нам Антония как приверженца Цезаря, врага Цицерона, борющегося с молодым Цезарем, впоследствии его товарищем в триумвирате, наконец как победителя Брута. Теперь мы опишем вторую часть его жизни: Антоний — на Востоке.)

По поражении Брута, Цезарь возвращается в Рим, и болезнь, заставившая его совершить это путешествие на носилках, порождает толки, что ему недолго жить. Антоний отправляется в Азию для сбора налогов со всех провинций и прибывает в Грецию с многочисленной армией. Так как триумвиры обещали выдать каждому солдату по пяти тысяч драхм, то им необходимо было наложить тяжелые подати и строго взыскать их. Сначала Антоний не проявляет к грекам ни неумеренной требовательности, ни суровости; напротив, он находит удовольствие в прениях ученых, зрелищах, обрядах посвящения в таинства, кротко отправляет правосудие и ищет звания друга греков, особенно афинян, и щедро одаряет их город.

Затем, оставив, в Греции наместником Луция Цензурина, Антоний едет в Азию, заволадевает тамошними сокровищами, видит у своих дверей царей в качестве просителей и женщин царских семей соперничающими между собою в ослеплении его подарками и собственной красотой. Все это портит Антония, и в то время как Цезарь борется в Риме с восстаниями и усобицей, Антоний на досуге и в покое предается своим страстям. Двор его осаждается и наполняется музыкантами, плясунами и плясуньями и целой ватагой азиатских фокусников и шутов. Увлечение распространяется, и вся Азия кадит лестью Антонию.

При въезде его в Эфес*, ему предшествуют женщины в роли вакханок**, мужчины и дети в виде сатиров и панов***; по всему городу видны лишь тирсы****, слышны лишь пение, флейты и свирели. Антония называют Бахусом, дарящим радости, Бахусом, сладким как мед. Антоний грабит богачей и раздает им имущество лъстецам; и угодникам, выпрашивающим имения людей живых, как будто бы они уже умерли. Дом одного гражданина города Магнезии Антоний подарил, говорят, повару, угодившему ему отличным ужи-

* Во время римлян главный город Малой Азии, средоточие ее торговли.

** Женщины, посвятившие себя служению Вакху, или Бахусу, богу вина.

*** Лесные и луговые боги, которые были представляемы с козлиными ушами, бородой и ногами. По характеру своему они были охотники до вина, сна, музыки, песен и женщин.

**** Легкие жезлы, обвитые плющом или виноградником и составлявшие принадлежность Вакха и празднеств в честь его.

ном. Наконец Антоний налагает на города вторичную дань, что внушает Гибреасу, защищавшему интересы Азии, смелость шутя сказать Антонию: "Если ты можешь взимать с нас две дани в год, то можешь даровать нам и два лета и две осени". И так как Азия уплатила уже сто двадцать мириад талантов*, то Гибреас добавляет со смелостью, которая была небезопасна: "Если ты не получил потребованных денег, то спроси их у сборщиков; если же, получив всю сумму, ты уже израсходовал ее, то мы погибли". Эти слова задели Антония за живое, так как большинство злоупотреблений было ему неизвестно, не столько по его небрежности в делах, сколько вследствие излишнего доверия к своим приближенным. В самом деле, он был прост, тяжеловат в мышлении, но живо принимал к сердцу злоупотребления, когда они доходили до его сведения, сознавался в них пострадавшим, но впадал в крайности как в наградах, так и в наказаниях, хотя скорее превышал меру милости, чем кары. Его насмешки, иногда оскорбительные, искупались обстоятельством, что он так же охотно смеялся над самим собою; как и над другими, и позволял трюнить над собою даже до дерзости. Впрочем, эта черта сопровождалась и вредом: думая, что люди, в виде шуток говорившие ему правду, были искренни в лести, он поддавался ей; он не знал, что некоторые люди умеют подправлять лесть и прямою.

* Мириада на греческом языке означала 10000, а талант равнялся приблизительно 1300 р. с., значит, упоминаемая Плутархом сумма, составляет около 1560 миллионов руб. с.

При таком складе характера величайшим несчастьем для Антония была любовь Клеопатры*, которая разнузда-ла в нем скрытые или уснувшие страсти и заглушила и подавила все, что сохранилось еще в нем здорового и честного. Вот как это случилось.

В начале войны с парфянами Антоний повелевает царице явиться к нему в Киликию, для оправдания себя в пособничестве Бруту и Кассию в их войне с ним. Посланец его, Деллий, увидев Клеопатру и испытав прелесть ее обращения, тотчас догадывается, что Антоний никогда не причинит зла такой женщине, а вполне подчинится ее влиянию. Поэтому Деллий ищет расположения прекрасной царицы и убеждает ее отправиться в Киликию предстать перед Антонием в возможно красивом наряде и отнюдь не бояться Антония, самого любезного из римских полководцев. Клеопатра верит Деллию, забирает с собою богатые подарки и окружает себя обстановкой, какую только может позволить себе могущественная царица процветающего государства. Но всего более она полагается на свою красоту и впечатление от своего обхождения.

Получая настояния Антония и его друзей об ее отплытии, она издевается над ними, но, наконец, отправляется в Киликию и поднимается по реке Кидносу на судне с золотым носом, пурпуровыми парусами и серебряными веслами. Судно движется под музыку, под звуки флейты, свирелей и цитр**. Сама Клеопатра лежит под балда-

* Царицы египетской.

** Струнный музыкальный инструмент древних, походивший на лиру.

хином, богато украшенным золотом. Ее окружают и обвевают дети, изображающие амуров*. У руля и снастей стоят прелестные женщины, изображая nereид и граций**. С жаровен разносятся по обоим берегам благоухания. Суда провожает по суше несметная толпа, к которой присоединяются и жители города, чтобы полюбоваться зрелищем. Когда вследствие этого площадь для народных собраний опустела, Антоний, не покидавший судейского кресла, слышит, что Венера прибыла в гости к Бахусу на счастье Азии. Антоний посылает просить Клеопатру на ужин; но она выражает желание принять его у себя. Антоний, желая выказать ей вежливость и непредубежденность, принимает приглашение и следует ему. Он находит неописуемо великолепную обстановку; но особенно поражает его изобилие света. Говорят, что со всех сторон светило столько огней, висевших на стенах и расположенных с таким искусством вверху, внизу, в симметрических многоугольных и круговых фигурах, что из всех известных прекрасных и занимательных зрелищ немногие могли сравниться с этим.

На другой день Антоний хочет принять Клеопатру у себя и пытается превзойти ее вкусом и великолепием; но он до такой степени уступает ей в обоих отношениях, что, вынужденный признать себя побежденным, он первым смеется скарденности и грубости своего приема. Клеопатра, заметив, что шутки Антония отдадут грубой солдатчиной, отвечает ему в том же тоне, с

* Амур — бог любви.

** Нереиды — морские богини; грации, — богини красоты и любезности, служительницы Венеры.

большой свободой. Вообще, Клеопатра не столько поражала несравненной красотой, сколько привлекала обращением, которому невозможно было противостать, выражением своего лица и беседой увлекательной и дружественной. У нее был очень приятный голос, и речь ее, которою она владела в совершенстве, как многострунным инструментом, приобретала тем большую прелесть, что она знала множество языков и наречий, так что могла без переводчиков объясняться почти со всеми варварами. Она была в состоянии отвечать почти на все вопросы, которые задавали ей эфиопяне, евреи, арабы, сирийцы, мидяне, парфяне. Говорят, что Клеопатра знала еще другие языки, между тем как цари, ее предшественники, с большим трудом говорили только по-египетски, а некоторые даже забывали македонское наречие.

Всеми этими качествами она до того пленила Антония, что он, не заботясь о жене своей Фульвии, которая в его интересах боролась в Риме с Цезарем, ни об армии против парфян, вожди которой возложили предводительство на Лабиена и готовились из Месопотамии проникнуть в Сирию, последовал за Клеопатрой в Александрию*. Там он терял дорогое время в празднествах и удовольствиях. Он и Клеопатра составили общество Неподражаемой Жизни и проводили каждый день в пиршествах, стоивших совершенно невероятных сумм.

(Установившееся доброе согласие между Це-

* Столицу Египта, основанную Александром Великим Македонским.

зарем и Антонием не могло быть продолжительно. По-видимому, оно было закреплено двумя встречами, из которых одна привела к женитьбе Антония на Октавии, сестре Цезаря, а другая к обмену военных сил между шуринами. Корабли Антония обещали Цезарю победу над Секстом Помпеем, господствовавшим на море, с легионами Цезаря Антоний мог предпринять войну с парфянами. О Лепиде не было уже и речи: Цезарь низвел его на степень простого частного лица. Поход Антония не удался: измена армянского царя Артавазда заставила Антония выпустить из осадного положения парфянского царя Фраата и отступить. Но опасность возродила в нем все свойства воина и полководца, и отступление его было великолепно: в течение двадцати семи дней он восемнадцать раз отразил парфян и при этом проявил столько же человеколюбия, сколько и храбрости. К несчастью, едва он возвратился, как Клеопатра завладела им по-прежнему. Он создал из многих римских провинций царства для детей, прижитых им с царицей, и наконец отказался от Октавии. Мера нетерпимых деяний была переполнена, и разгорелась война. То была борьба двух миров: Цезарь представляет запад, Антоний восток. Борьба эта окончилась морским сражением при Акциуме*, которое мы и опишем).

В шестом часу дня поднимается морской ветер, и воины Антония, потеряв терпение от его медлительности и полагаясь на высоту и величину своих кораблей, по их мнению непобедимых,

* Ныне Азио или Пунта, мыс и город на западном берегу Греции, при входе в Амвракийский залив (Арта).

выдвигают левое крыло флота. Видя это, Цезарь отодвигает свое правое крыло, чтобы выманить неприятеля из залива и пролива и иметь возможность своими легкими и подвижными кораблями окружить корабли Антония, неповоротливые из-за громадности и недостатка гребцов.

Корабли Антония не могут быстрым ударом разрушить неприятельские. Мореходы Цезаря также остерегаются сшибаться кораблями не только с носу, но и боками, так как корабли Антония построены из толстых четырехугольных бревен, связанных полосами железа. И потому эта морская битва более походит на сухопутную или лучше на осаду. Три или четыре корабля Цезаря подходят к одному кораблю Антония, и воины пускают в неприятеля копья и горящие стрелы. Воины Антония отвечают тем же со своих построенных на судах деревянных башен. Вождь левого фланга Цезаря Агриппа пытается обойти корабли Антония, что вынуждает противостоявшего ему Публикола растянуть свое правое крыло и разъединиться с серединой флота. Это движение смущает центр. Бой остается нерешительным. В это именно время шестьдесят кораблей Клеопатры поднимают паруса, чтобы бежать сквозь линию сражающихся, и так как они стояли за большими кораблями, то отплытие их нарушает строй последних. Неприятель теряется, и корабли Клеопатры, гонимые крепким попутным ветром, несутся по направлению к Пелопоннесу. В этом случае Антоний ведет себя самым недостойным образом, подтверждая своим примером шуточное выражение, что душа влюбленного живет в чужом теле. Увидев отплытие Клеопатры, Анто-

ний забывает о тех, кто сражается и умирает за него, пересаживается на галеру с пятью рядами весел и в сопровождении лишь Алексаса-Сирийца и Сцеллия следует за тою, которая губит и самое себя, и его.

Клеопатра, узнав его издали, поднимает на своем корабле знак. Антоний приближается и всходит на корабль, но, не повидавшись с царицей, садится на носу корабля и молча опускает голову на руки. В это время показываются легкие суда, посланные Цезарем в погоню за бежавшим противником. Антоний приказывает своему кормчему повернуть нос корабля против этих судов и обращает их всех в бегство. Один Еврикл, македонянин, не отступает, а стоя на палубе, поднимает копье на Антония. Антоний кидается на нос и кричит: "Кто это преследует Антония?" — "Я, Еврикл, сын Лахара, благодаря счастью Цезаря, мщу за смерть отца". Нужно заметить, что этот Лахар, обвиненный в разбое, был обезглавлен по приказанию Антония. Однако Евриклу не удается приблизиться к кораблю Антония; вместо этого он ударяет носом своего судна другое предводительское судно (их было два), поворачивает его, теснит к берегу и берет в плен, а с ним и другое судно, нагруженное богатой столовой посудой. По удалении Еврикла Антоний садится в прежнее положение и сохраняет молчание. Побуждаемый ли гневом или боясь свидеться с Клеопатрой, он остается один на носу корабля в течение трех дней. И только по прибытии флота в Тенар спутницы царицы ведут его на свидание с нею.

Между тем флот Антония долго сопротивляет-

ся Цезарю, но наконец вынужден уступить. В бою погибло не более пяти тысяч человек, но по донесению Цезаря, взято в плен триста кораблей. Большая часть войска не заметила бегства Антония; узнающие о нем сначала не хотят верить тому, чтобы полководец во главе девятнадцати легионов и двадцати тысяч всадников с конями, войском нетронутым, покинул бы его и бежал, как будто никогда не испытывал превратностей судьбы и не был обманутым исходом тысячи сражений. Воины, сожалеющие о нем и ожидающие его возвращения каждую минуту, надеются видеть его и обнаруживают такую верность и храбрость, что даже убедившись в его бегстве, держатся целых семь дней и отсылают посланцев Цезаря. Наконец, когда и Гадиний бежал ночью и покинул стан, войска, обманутые вождями, сдаются победителю.

Антоний высаживается в Ливии и, отослав Клеопатру из Паретониума в Египет, сам скитается по пустыне, в сопровождении лишь двух друзей: одного грека, риторика Аристократа, и одного римлянина, того самого Луцилия, который при Филиппах, чтобы дать Бруту время бежать, выдает себя за него, отдается в плен и, спасенный Антонием, оставался верным и преданным ему до последней минуты. Узнав об измене вождя, которому были вверены ливийские войска, Антоний хочет лишить себя жизни, но удерживается от этого друзьями и отправляется в Александрию, где находит Клеопатру, замышляющую великое и чудесное предприятие.

Перешеек, соединяющий Азию с Ливией, между Красным¹ и Средиземным морями, в са-

мом узком месте между ними* не шире трехсот стадий. Клеопатра вознамерилась поднять свой флот из моря и перенести корабли, со всеми сокровищами и войсками, сухим путем, в Аравийский залив и поселиться там, вдали от войны и рабства. Но первые отправленные этим путем корабли были сожжены около Петры местными арабами, и Клеопатра, видя, что Антоний еще рассчитывает на свое войско, при Аксиуме, отказывается от задуманного предприятия и защищает лишь входы в Египет.

Антоний покидает Александрию и общество друзей и повелевает построить для него одного морское убежище близ острова Фароса, для чего строит дорогу по плотине**, соединяющей этот остров с сушей. Он живет здесь вдали от общества людей, говоря, что испытал участь Тимона***, хочет последовать его примеру в образе жизни. Опыт в неправде и неблагодарности друзей заставил его возненавидеть всякого человека.

Канидий привозит Антонию известие о бедственном положении его войска при Аксиуме. В то же время Антоний узнает, что Ирод, царь иудейский, перешел на сторону Цезаря с несколькими легионами и когортами, что таким же образом поступили и все другие азиатские вла-

* Суэском перешейке, прорезанном теперь Суэзским каналом.

** Плотина эта существовала раньше, при Цезаре.

*** Человеконенавистника, афинянина, современника Сократа. Великий английский писатель Шекспир избрал эту личность героем пьесы под названием "Тимон афинский". *Переводч.*

стители и что у него не остается ни одного внешнего союзника. И эти вести не смущают Антония; по видимому, он даже радуется разрушению всех своих надежд, чтобы ни о чем более не заботиться, покидает свое морское убежище, возвращается во дворец Клеопатры и вновь увлекает город в празднества, роскошь и разврат. Он и царица уничтожают общество Неподражаемой Жизни и основывают другое общество — Умиравших Вместе, не уступающее первому ни в роскоши и великолепии, ни в изнеженности. Друзья их вступают в это общество, чтобы умереть вместе с ними, и оно проводит день за днем в пиршествах.

Клеопатра собирает все смертельные яды и для наблюдения их действия испытывает их на приговоренных к казни. Видя, что все яды, действующие быстро, причиняют смерть весьма мучительную, а что не порождающие мучений действуют медленно, она испытывает яд змей и наблюдает действие различных родов его на различных людях. Она производит такие опыты ежедневно, и между ядами всех змей находит соответствующим цели лишь яд аспидов, который без судороги приносит усыпление, смертельное отяжеление, сопровождающееся приятной влажностью кожи, постепенным замиранием чувств и нежеланием быть разбуженным.

Однако одновременно с этим Антоний и Клеопатра отправляют послов к Цезарю в Азию. Клеопатра, просит для своих детей египетского царства; Антоний просит жизни в Афинах; в качестве частного лица, если его пребывание в

Египте не нравится Цезарю. Последний отвергает просьбу Антония и отвечает Клеопатре, что он примирится с ней на самых мягких условиях, если она согласится погубить или изгнать Антония. В то же время Агриппа неоднократно пишет Цезарю, чтобы он возвратился в Рим, где дела требуют его присутствия. Это обстоятельство отсрочивает войну; но с исходом зимы сам Цезарь снова иде' на Антония через Сирию, а его помощники Ливией. По взятии Пелузия* разносится слух, что; город сдан с согласия Клеопатры, и она предает Антонию на казнь жену и детей сдавшего город Селевка. Она велела построить близ храма Изиды** убыпальницы и могилы чрезвычайной величины и красоты. Туда она велит снести все свои царские сокровища, все, что у ней было самого драгоценного: золото, серебро, изумруды, жемчуг, слоновую кость, черное дерево, благовонные смолы, со множеством факелов и оческов льна, пеньки и проч. Цезарь из боязни, чтобы Клеопатра в Минуту отчаяния не сожгла и не уничтожила, все эти богатства, ежедневно посылает ей обещания в снисхождении, но в то же время приближается к городу с войском. По прибытии он разбил свой стан в гипподроме***.

Антоний делает вылазку, дает блестящее сражение, обращает в бегство Цезареву конницу и преследует ее до самого стана.

Гордый одержанной победой, он посылает

* Древнеегипетский город при устье Нила.

** Египетская богиня, жена Озириса (Солнца), олицетворение производительных сил земли:

*** Место или здание для конских скачек. *Переводч.*

Цезарю вызов на единоборство. Цезарь отвечает, что Антонию открыто много и других путей к смерти. По мнению Антония, нет смерти более славной, чем в битвах, и потому он решается напасть на Цезаря сразу на суше и на море. Накануне битвы, за ужином, он велит слугам как можно старательнее подавать ему яства и напитки, так как неизвестно, будут ли они еще когда-нибудь прислуживать ему: может быть, они будут служить другим господам, а его уже не будет. Видя своих друзей в слезах, Антоний говорит, что поведет их в бой, где будет искать не только славной смерти, но жизни и победы.

На рассвете Антоний строит свое сухопутное войско на высотах, господствовавших над городом. Оттуда же он видит и свои корабли, плывущие на неприятеля. Он, не двигаясь, ожидает исхода боя. И что же? Едва приблизясь к судам Цезаря, корабли Антония приветствуют их веслами, после дружеского ответа врага предаются ему и, повернув, вместе с ним плывут на приступ города. Вслед за тем покидает Антония и его конница. Пехота его разбита, и Антоний возвращается в город, крича, что Клеопатра предала его тем, с которыми он бился только ради неё. Клеопатра, страшась его гнева и отчаяния, бежит в гробницы, разрушив замыкающий их палисад из бревен и железа, и велит сказать Антонию, что она умерла. Антоний верит этому известию и спрашивает себя, зачем он медлит, утратив единственное благо, привязывавшее его к жизни. Он возвращается в свою комнату, развязывает свою броню, раскрывает тело и восклицает: "Клеопатра, я не ропщу на то, что разлучен с тобою,

потому что скоро мы будем соединены моею смертью; но стыжусь того, что я, полководец, оказал менее мужества, чем женщина". И затем Антоний обращается к находившемуся при нем верному рабу Эроту, с которого он уже давно взял обещание убить его, если то будет нужно, и требует выполнения этого обещания. Эрот вынимает меч, как бы для умерщвления Антония, но отворачивается, убивает самого себя и падает к ногам своего господина. Тогда Антоний говорит: "Хорошо, Эрот; ты показал, как мне следует самому исполнить то, чего ты не мог совершить". Антоний вонзает себе меч в живот и падает на стоявшую возле небольшую постель. Но удар не был смертелен. При лежачем положении Антония кровотечение останавливается; он приходит в себя и просит присутствующих прикончить его. Но они убегают из комнаты, а Антоний корчится в муках. В эту минуту появляется секретарь Клеопатры Диомед, получивший приказание перенести Антония к царице, в гробницу.

Диомед, видя, что Антоний еще жив, приказывает рабам поспешно взять его и перенести на руках до входа в гробницу. Клеопатра не открывает дверей, но появляется в одном из окон и спускает из него веревки и цепи. Антония подвязывают, и Клеопатра при помощи двух женщин, единственных, которым она позволила следовать за нею, втаскивает Антония к себе. По сказанию свидетелей этого события, никогда не бывало зрелища более жалостного. Облитый кровью, едва дыша, Антоний простирает руки к Клеопатре и силится подняться к ней. А поднять его женщинам было нелегко. Клеопатра с напря-

женными руками и лицом тянет за веревки при поощрениях и помощи лиц, стоящих внизу. Наконец она принимает Антония, кладет его, падает на него, разрывает на себе одежды, бьет себя в грудь, ранит руки, вытирает его кровь своим лицом, называет его своим господином, мужем, императором и готова забыть собственное страдание из жалости к Антониеву. Антоний просит ее успокоиться и требует вина для утоления жажды или для ускорения своей смерти. Он пьет и убеждает Клеопатру принять меры к своему спасению, если она сможет сделать это, не покрывая себя позором, и довериться, предпочтительно пред другими друзьями Цезаря Прокулею. О себе он говорит, что достоин не сожаления по поводу последних несчастий, а зависти из-за благ, которыми наслаждался, быв знаменитейшим и могущественнейшим из людей, и римлянин побежден римлянином.

Как только Антоний испустил дух, является от Цезаря Прокулей. Уже тотчас после того, как Антоний поразил себя мечом и был отнесен к Клеопатре, один из стражников Децестий взял этот меч, спрятал под платьем, отнес к Цезарю и показал его, обгаренный кровью, в подтверждение вести о смерти Антония. Цезарь удаляется в глубь своей палатки и проливает слезы над участью Антония, своего родственника, товарища по верховной власти и соратника в стольких битвах. Затем он отыскивает у себя письма Антония, сзывает своих друзей, читает им эти письма и посланные на них ответы и обнаруживает, как на предложения разумные и справедливые Антоний отвечает лишь выходками тщесла-

вия. Затем он посылает Прокулея захватить Клеопатру, если можно, не только из опасения за ее сокровища, но и прельщаясь мыслью, для блеска своего триумфа, везти царицу за собою. Но Клеопатра не соглашается сдаться Прокулею. Во время переговоров Прокулей стоял вне гробницы, но несмотря на плотно запертые двери, голос его доходил до царицы. Клеопатра требует унаследования царства ее детьми, а Прокулей советует ей ободриться и положиться во всем на Цезаря.

Прокулей, хорошо заметив местность, доносит обо всем Цезарю. Последний отправляет к Клеопатре для продолжения переговоров Галла. Тот с намерением затягивает их, стоя у дверей, а в это время Прокулей при помощи лестницы влезает в то самое окно, через которое женщины подняли Антония. Оттуда в сопровождении двух офицеров он проникает к дверям, перед которыми Клеопатра слушала Галла. Одна из заключенных с нею женщин восклицает: "Несчастливая Клеопатра, тебя возьмут живою!" Клеопатра оборачивается, видит Прокулея и хочет ударить его кинжалом, висевшим у нее на поясе. Прокулей кидается к ней, хватая ее и восклицает: "Ты несправедлива и к себе, и к Цезарю, что лишаешь его прекрасного случая выказать свою кротость и выставляешь самого милосердного полководца коварным и безжалостным". В то же время он вырывает у нее из руки кинжал и ощупывает ее платье, чтобы не оставить при ней какого-либо яда. Затем Цезарь поручает своему вольноотпущеннику Эпафродиту строго стеречь Клеопатру,

дозволяя ей, впрочем, все удобства и наслаждение жизнью.

Цезарь вступает в Александрию, беседуя с философом Ареем и держа его за руку, чтобы этим отличием обратить на него внимание и возбудить к нему уважение сограждан. Он отправляется в гимназию* и восходит на приготовленное для него возвышение. Все присутствующие охвачены страхом и падают на колени. Цезарь велит им встать и говорит, что прощает народу всю его вину, во-первых, из уважения к основателю города Александру Великому, затем ради величины и красоты города и наконец для доставления удовольствия другу своему Арею. Такое почтение выразил Цезарь к Арею, который испросил еще у него прощение многим согражданам, между прочими Филострату, искуснейшему софисту своего времени.

Несколько дней спустя Цезарь посетил Клеопатру. Она кидается к ногам его, с искаженным от страха лицом, дрожащим голосом и опущенными глазами. На груди ее видны следы ран, нанесенных ею себе; словом, тело ее было не в лучшем состоянии, чем ее дух. И, однако, прелесть ее гордой красоты не совсем исчезла; наряду с отчаянием лицо ее отражает прежнее величие. Цезарь заставляет ее подняться и садится с нею рядом. Тогда Клеопатра пытается оправдаться, приписывая все свои поступки необходимости и страху пред Антонием, а когда Цезарь останавливает ее на каждой подробности

* У древних греков гимназией называлось публичное место. *Переводч.*

и уличает в неверном толковании, Клеопатра прибегает к просьбам и жалости, как бы страстно дорожа жизнью. Наконец она передает ему опись своих сокровищ. Один из ее казначеев, Селевк, упрекает ее в сокрытии части сокровищ; она кидается на него, хватая его за волосы и дает ему несколько пощечин. Когда же Цезарь улыбается и пытается успокоить ее, Клеопатра отвечает: "Не омерзительно ли, Цезарь, что в то время, когда ты не погнушался посетить меня и говорить со мною в моем теперешнем положении, мои рабы выставляют преступлением, что я отложила несколько женских украшений, и не для себя, несчастной, а чтобы сделать маленький подарок твоей Октавии, твоей Ливии в надежде, что они умилюют тебя ко мне". Цезарь в восторге от этих слов, видя в них доказательство; что Клеопатра вновь дорожит жизнью. Он не только позволяет Клеопатре сохранить эти драгоценности, но заверяет, что поступит с нею превыше ее ожиданий... Затем он удаляется в убеждении, что обманул ее, тогда как сам был обманут ею.

Между друзьями Цезаря был Корнелий Долабелла. Несчастья Клеопатры трогают его, и чтобы услужить царице, он тайно уведомляет ее, что Цезарь направляется в Рим сушею, через Сирию, и решился отправить ее с детьми в течение трех дней. Получив это известие, Клеопатра просит у Цезаря дозволения совершить возлияния на могилу Антония, получает разрешение, велит отнести себя на могилу и, повергаясь на нее в присутствии своих прислужниц, говорит: "Дорогой Антоний, когда хоронила тебя здесь, руки мои были еще свободны, теперь я совершаю-

возлияния, пленная и сторожимая, меня стерегут из боязни, чтобы мои сетования и удары не обезобразили тела рабыни, назначенной украсить торжество над тобою. Не ожидай от меня других почестей, кроме этих возлияний: то последние почести, воздаваемые тебе пленною Клеопатрой. При жизни нас ничто не разлучало; но мертвым грозит опасность покоиться в различных местах. Ты, римлянин, будешь лежать здесь, а я, несчастная, в Италии, и это будет единственным благом, оказанным мне твоей родиной. Но так как здешние боги нам изменили, то умилюсь своих теперешних и не покинь твоей живой супруги; не допусти, чтобы враги торжествовали над тобою: прими меня к себе в могилу, потому что из постигших меня бесчисленных бедствий ни одно не было ужаснее времени, прожитого мною без тебя".

Затем Клеопатра украшает могилу цветами, целует ее и велит изготовить себе баню. После бани она ложится и приказывает подати роскошный обед. К воротам дворца приходит селянин с корзиной. Стража спрашивает, что он несёт, селянин приподнимает прикрывающие корзину листья и подзывает, что она полна фиников. Стража удивляется их величине и красоте. Селянин, улыбаясь, предлагает им отведать их, и стража доверчиво пропускает его. После обеда Клеопатра берет свои записные дощечки, запечатывает их, отправляет к Цезарю, удаляет всех присутствующих, кроме своих двух женщин, и запирает двери. Вскрыв таблички и прочитав мольбы Клеопатры, чтобы ее похоронили с Антонием, Цезарь тотчас догадывается о том, что она убила себя. Сначала он хочет сам бежать спасти её, но потом поспешно посылает узнать, что

случалось. Смерть была быстрая. Прибежав ко дворцу, посланцы Цезаря видят, что стража еще ничего не знает. Они вбегают во дворец и видят царицу мертвою, лежащей на золотой кровати в царских одеждах. Одна из ее прислужниц лежала мертвая у ее ног; другая, Хармия, расслабленная, еще поправляет царский венец на голове Клеопатры. Один страж говорит ей с досадой; "Красиво, Хармия! — "Очень красиво, — отвечает она, — и достойно наследницы стольких царей!" Произнеся эти слова, она падает мертвою у постели.

Рассказывают, что Клеопатре принесен был между финиками прикрытый листьями аспид*. Так приказала принести его Клеопатра, чтобы подвергнуться укусу змеи, как бы не заметив ее. Но вынимая финики, она увидела аспиды и сказала: "Так он здесь!" И она подставила ему голую руку.

Цезарь, и сердясь на смерть этой женщины, удивлялся высоте ее помыслов. Он приказал похоронить ее с почестями и великолепием подле Антония. По его приданию и две прислужницы были похоронены с почетом. Клеопатра умерла на сороковом году, процарствовав двадцать два года, в том числе четырнадцать с Антонием. Антонию было пятьдесят шесть лет, а по иным преданиям пятьдесят три года.

* Ядовитая змея из рода гадюк, или випер, водящаяся в южной Европе.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Римские меры	4
Ромул	7
Нума	16
Валерий Публикола	27
Кориолан	36
Камилл	49
Фабий Максим	63
Маркелл	76
Катон Старший	88
Тит Квинций Фламиний	101
Павел Эмилий	110
Тиверий и Кай Гракхи	123
Кай Гракх	132
Марий	137
Сулла	165
Серторий	180
Лукулл	190
Красс	196
Помпей	210
Катон Младший	244
Юлий Цезарь	264
Брут	312
Цицерон	339
Антоний	376
	376

Плутарх
ЖИЗНЬ ЗНАМЕНИТЫХ РИМЛЯН

Оформление художника К. Г. Авдеева

Редактор Н. В. Ходырева

Технический редактор Р. И. Глова

ЛР № 010194 выдана 19.02.92 г. Сдано в набор 15.11.93 г. Подписано к печати 10.01.94 г. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура шрифта "Рубленая". Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Учетно-изд. л. 14,04. Тираж 50.000. Заказ 180 "С"— 63.

Издательство и типография "Советская Кубань"
350680, ГСП. г. Краснодар, ул. им. Шаумяна, 106.

